В ЗАЩИТУ ПАРТИИ

Leon Trotsky

Н. ТРОЦКІЙ.

ВЪ ЗАЩИТУ ПАРТІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электропечатня товарищества «Дѣло», Фонтанка, 96.
1907.

Оглавленіе.

Предисловіе.

Еще одинъ періодъ революціи, слишкомъ затянувшійся, подходитъ къ концу; онъ начался съ разгона Думы и онъ упирается теперь въ думскіе выборы. Съ внѣшней стороны—это «столыпинскій» періодъ. Гайдукъ съ бакенбардами джентльмэна—вотъ его символъ. Правительственная программа: либерализмъ Сѣдлеца и висѣлицъ. Абсолютизмъ еще разъ обнаружилъ огромную силу, какую даетъ ему историческая инерція. Незачѣмъ говорить, что это сила чисто механическая. Правительственный аппаратъ сталъ по преимуществу автоматомъ массовыхъ убійствъ. Правда, власть нашла опору въ нѣкоторыхъ соціальныхъ группахъ. Дворянскія общества, земства, городскія думы шумно требовали порядка, безпощадно раздѣлывались съ послѣдними остатками либеральныхъ предразсудковъ и либеральной культуры, демонстрировали свое сочувствіе каждой министерской висѣлицѣ, и на фонѣ общаго молчанія ихъ голоса ободряюще дѣйствовали на министерство, висящее между Петергофомъ и хаосомъ революціонной страны. Психологія есть, въ концѣ концовъ, даже и у этихъ людей, и она требуетъ хоть какого-нибудь суррогата сочувственной атмосферы. Если имъ нужна была «Россія» для того, чтобы питаться и вдохновляться сдѣланнымъ на заказъ отраженіемъ своихъ собственныхъ «государственныхъ плановъ», то тѣмъ болѣе они должны были цѣнить довѣріе «торгово-промышленной партіи», сочувственныя телеграммы земствъ, молодцоватыя при-

вѣтствія гучковскаго «Союза» и неудовлетворенное лязганіе дубровинскихъ челюстей, которое по условіямъ момента было для нихъ дороже всякихъ благословеній. Но прямой опоры въ борьбѣ съ революціей, которая давно ушла въ народъ, эти элементы дать не могли. И, что гораздо важнѣе, они оказались совершенно неспособны оказать правительству финансовую поддержку. О такъ называемомъ «союзѣ русскаго народа» съ этой стороны говорить совершенно не приходится: мелкіе чиновники, развращенные элементы мелкой буржуазіи и преступные отбросы городской улицы—вотъ его составъ. Этимъ людямъ нужно платить совершенно такъ же, какъ и публицистамъ оффиціальныхъ газетъ. Реакціонное земство, это — дикій помѣщикъ, а дикій помѣщикъ, это—требованіе вспоможеній, возмѣщенія проторей и убытковъ, причиненныхъ аграрной революціей, безвозмезднаго и по возможности безвозвратнаго государственнаго кредита, это—вѣчно отверзтая жадная пасть. Наши финансовыя и торгово-промышленныя сферы также оказались ниже ожиданій, и министръ торговли и промышленности совершенно напрасно ѣздилъ въ Москву и присягалъ тамъ въ вѣрности московской биржѣ. Никакой Гучковъ не можетъ возмѣстить отсутствія внутреннихъ капиталовъ, которое давно уже сдѣлало самодержавную власть данникомъ европейской биржи и даже большую часть внутреннихъ займовъ фактически превращало въ займы внѣшніе.

Такимъ образомъ, правительство пришло къ необходимости созвать вторую Думу. Министерская газета, по нѣмецкому выраженію, изъ нужды дѣлаетъ добродѣтель и говоритъ о честномъ выполненіи заранѣе данныхъ обѣщаній. О, если-бъ можно было другимъ путемъ достать милліоны!..

...Полгода прошло послѣ разгона Думы. Это было время сложной молекулярной работы политическаго сознанія массъ въ обстановкѣ безмолвія и репрессій, при правильномъ передвиженіи правыхъ слоевъ иму-

щей оппозиціи въ лагерь консерватизма и реакціи. Активность массъ за этотъ періодъ была крайне понижена, но база грядущей активности систематически расширялась.

Всѣ свѣдѣнія, какія даетъ о деревнѣ пресса—начиная съ консервативныхъ газетъ и кончая органами соціалъ-демократіи—несомнѣнно свидѣтельствуютъ о ростѣ мужика, какъ политической фигуры. Въ одной интересной корреспонденціи «Новаго Времени», которой у насъ сейчасъ нѣтъ подъ руками, очень выразительно разсказывалось о томъ, какъ опытъ первой Думы обнажилъ передъ крестьянами старую власть, сорвалъ съ нея торжественныя ризы, уничтожилъ ея мистическій ореолъ и показалъ ее во всей наготѣ ея корыстолюбія и эгоизма. Есть ли это историческое преступленіе Думы, какъ считаетъ «Новое Время», или это ея объективная заслуга,—все равно; но это—фактъ. Всѣ свѣдѣнія, какія проникли въ печать за послѣдніе дни, показываютъ, что крестьянство относится теперь къ выборамъ несравненно сознательнѣе, чѣмъ въ первый разъ. А между тѣмъ даже довольно случайные выборы въ первую Думу дали въ большинствѣ такъ называемыхъ трудовиковъ, которые оказались вынужденными сѣсть влѣво отъ представителей традиціонной земско-интеллигентской оппозиціи. Стихійно вскрывшіеся нужды и запросы деревни выдвинули стихійныхъ оппозиціонеровъ, еще безпомощныхъ въ своей стихійности, но потенціально гораздо болѣе активныхъ и радикальныхъ, чѣмъ тѣ политическіе мудрецы, которые проѣли зубы въ либеральномъ земствѣ, на каѳедрѣ или въ адвокатурѣ. Есть всѣ основанія думать, что вторая декларація крестьянскихъ депутатовъ будетъ однороднѣе и политически-радикальнѣе первой.

Какъ будетъ голосовать пролетаріатъ, въ этомъ нисколько не сомнѣваются даже тѣ болтуны полицейской и буржуазной прессы, которые такъ много твердятъ, что «крайніе» оторваны отъ народа, что ра-

бочія массы разочаровались въ тактикѣ соціалдемократіи.

Правое крыло Думы, въ лицѣ октябристовъ, будетъ, вѣроятно, сильнѣе, и во всякомъ случаѣ -ярче и наглѣе, чѣмъ въ первой Думѣ, гдѣ оно совершенно стушевывалось. Мирнообновленцы, повидимому, обречены на полное ничтожество. Роль конституціоннаго центра, которою ихъ прельщалъ бывшій министръ Федоровъ, имъ совершенно не по плечу. Землевладѣльцы тянутъ къ рѣшительной и «мужественной» реакціи,— имъ нужны монархисты или октябристы; къ крестьянству мирнообновленцамъ еще меньше доступа, чѣмъ кадетамъ; въ городѣ князю Трубецкому приходится просунутьсявъ ту щель, которая остается между г. Милюковымъ и г. Гучковымъ, если ужъ не считать г. Максима Ковалевскаго. Роль центра, несомнѣнно, будетъ и во второй Думѣ принадлежать кадетамъ. Но есть основаніе думать, что они возвратятся въ Таврическій Дворецъ въ ослабленномъ составѣ. Справа отъ нихъ уйдутъ «земскіе» голоса, слѣва—голоса крестьянъ, части интеллигенціи и тѣхъ полумѣщанскихъ слоевъ, которые такъ ярко проявили свое тяготѣніе къ партіи пролетаріата: прикащиковъ, конторщиковъ и пр. Очень невыгодное для кадетовъ участіе въ выборахъ лѣвыхъ партій, особенно соціалдемократіи въ городахъ, будетъ правда, до извѣстной степени парализовано ограничительными сенатскими «разъясненіями»,—но только до извѣстной степени.

Такимъ образомъ, насколько здѣсь возможно предвидѣнье, приходится предполагать, что вторая Дума будетъ политически болѣе дифференцирована, кадеты не будутъ въ ней такъ неограниченно господствовать какъ въ первойи, правое и особенно лѣвое крыло будутъ многочисленнѣе и опредѣленнѣе.

Разумѣется, все это разсужденіе имѣетъ смыслъ постольку, поскольку мы предполагаемъ, что въ условіяхъ, созданныхъ всѣми разъясненіями и циркулярами, будутъ все-же происходить *выборы*, а не сплош-

ныя правительственныя назначенія и поддѣлки. На чемъ, однако, основано самое это предположеніе? Конечно, не на вѣрѣ въ добрую волю Столыпина, его сенаторовъ и его губернаторовъ. Но дѣло въ томъ, что избирательная кампанія, рззвернувшись до извѣстнаго предѣла, вырабатываетъ далѣе свою собственную трудно-преодолимую инерцію. Начинаются собранія. Оппозиція въ провинціи опирается на примѣръ столицы. Реакціонныя завыванія, поддерживавшія въ теченіе полугода бодрость административнаго духа, совершенно покрываются общимъ оппозиціоннымъ гуломъ. Происходитъ неизбѣжная «деморализація» властей. Губернскіе администраторы теряютъ вѣру въ прочность министерства, которое само лишено этой вѣры. И вотъ, на ряду съ отдѣльными безсмысленными натисками на избирательныя права населенія, развивается «попустительство» вплоть до представленія гражданамъ дѣйствительной возможности пользоваться своими правами. Въ результатѣ этого процесса Дума можетъ оказаться именно такой, какъ мы ее охарактеризовали выше.

Формально ядромъ Думы будутъ, слѣдовательно, кадеты. Но это, конечно, вовсе не рѣшаетъ вопроса о томъ, какая часть Думы будетъ дѣйствительнымъ средоточіемъ народнаго вниманія и народной активности.

Въ первой статьѣ этого сборника, «На пути во вторую Думу» я высказываюсь за необходимость избирательныхъ соглашеній съ такъ называемыми конституціоналистами-демократами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ противостоитъ опасность реакціонныхъ выборовъ. Такое соглашеніе я считаю обязательнымъ не только потому, что, какъ говоритъ король Лиръ,—

И злая тварь мила предъ тварью злѣйшей:
Кто меньше золъ, тотъ стоитъ похвалы...

Ибо, если стоять на этой совершенно абстрактной точкѣ зрѣнія, то придется прійти къ выводу, что мы

должны поддерживать мирнообновленца противъ октябриста и, наконецъ, октябриста противъ «монархиста». Но объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Если окажутся округа, гдѣ черносотенные конституціоналисты будутъ конкурировать съ черносотенными монархистами, мы разумѣется, спокойно предоставимъ имъ отгрызать другъ другу головы. Не только октябристы, но мирнообновленцы представляютъ собою политическую организацію, опирающуюся на такіе соціальные элементы, которые сознательно заняли анти-революціонную и потому анти-демократическую позицію. Это уже несомнѣнный оплотъ контръ-революціи. Народное движеніе ничего уже не оторветъ отъ этихъ застывшихъ формацій и не увлечетъ въ своемъ потокѣ. Этого, однако, еще совершенно нельзя сказать о тѣхъ болѣе широкихъ слояхъ, на которые опираются кадеты. По причинамъ, о которыхъ много разъ говорилось и которыя легко понять, если припомнить короткую исторію кадетовъ, эта «партія» опирается на крайне разношерстныя и соціально-противорѣчивыя группы. Правда, кадетская партія въ цѣломъ по своему основному типу является несомнѣнно анти-революціонной. Не только потому, что сейчасъ въ ней тонъ задаетъ правое земско-профессорское крыло; но главнымъ образомъ потому, что налѣво отъ кадетовъ существуютъ и съ ними побѣдоносно конкурируютъ революціонныя организаціи, поглощающія, по мѣрѣ политическаго самоопредѣленія націи, всѣ тѣ классы и слои, которые только и могли бы придать кадетамъ революціонно-демократическій характеръ. Правда, сами кадеты не разъ выражали увѣренность—заодно съ октябристами, что, когда массы разочаруются въ соціалистической и революціонной демократіи, онѣ придутъ подъ сѣнь партіи «народной свободы». Кто мыслитъ реалистически, тотъ, разумѣется, пойметъ, что революціонность массъ не есть продуктъ временнаго настроенія, а результатъ такихъ соціальныхъ противорѣчій, которыя только и могутъ

быть разрѣшены на революціонномъ пути. Но если даже допустить, что кадетскія ожиданія оправдаются, ясно во всякомъ случаѣ, что массы, *«разочаровавшіеся»* въ революціонныхъ методахъ, не способны будутъ превратить кадетовъ въ революціонную демократію. Переходъ массъ къ кадетамъ, если-бъ онъ былъ возможенъ, означалъ бы при такихъ условіяхъ просто ликвидацію всей революціи. Правда, остается еще давленіе революціонныхъ массъ, организованныхъ *внѣ* кадетской партіи. Такое давленіе есть несомнѣнный фактъ; оно уже не разъ сказывалось и еще не разъ скажется. Но оно не можетъ измѣнить соціальной природы партіи.

Давленіе извнѣ способно толкнуть партію на шагъ, котораго она не сдѣлала бы по собственному почину; но оно не въ силахъ придать революціонный характеръ партіи, которая непосредственно опирается на не революціонные и анти-революціонные элементы. Вотъ почему у насъ нѣтъ рѣшительно никакого права ожидать, что кадеты станутъ во главѣ революціи, чтобъ разрѣшить всѣ старыя узы и наложить новыя. Наоборотъ. Дальнѣйшая эволюція будетъ неизмѣнно подкапываться подъ нихъ слѣва, отдѣляя отъ нихъ всѣ жизнеспособные элементы демократіи и толкая партію въ цѣломъ въ сторону мирнообновленцевъ, которые и сейчасъ отличаются отъ кадетовъ не «нравственными принципами», не программой или тактикой, политической базой.

Этотъ процессъ неизбѣженъ; но онъ еще вовсе не завершился. И именно потому, что онъ не завершился, мы не можемъ относиться къ кадетамъ такъ, какъ къ мирнообновленцамъ или октябристамъ. Мы должны еще оказать кадетамъ услугу въ выполненіи той задачи, на которую они сами полагаютъ такъ много силъ: мы должны помочь имъ окончательно *скомпрометировать себя* предъ лицомъ тѣхъ группъ, которыя являются прослойкой между кадетами и народными массами. Разумѣется, этой цѣли служитъ

прежде всего наша критика политическаго опыта страны. Безпощадная борьба со всѣми предразсудками политическаго филистерства, обличенiе того фантастическаго реализма, который мечтаетъ прикрыть шерстянымъ колпакомъ зiяющiя противорѣчiя революцiоннаго развитiя—никогда не должны затихать въ нашей агитацiи. Но одного этого мало. Критика можетъ и должна опережать событiя, но она учитывается сознанiемъ массы лишь по мѣрѣ того, какъ закрѣпляется опытомъ событiй. Черносотенная Дума была бы вредна потому, что задержала бы революцiонное развитiе: наивная вѣра въ Думу, какъ таковую, вѣра въ кадетовъ, какъ въ вождей Думы, сохранилась бы и ждала бы новаго испытанiя. Кадетская Дума означала бы новый, еще болѣе очевидный крахъ «кадетства» и тѣмъ послужила бы дѣлу революцiи. Могутъ сказать, что кадетская тактика уже однажды потерпѣла крахъ. Допустимъ. Но это должно сказаться въ пониженiи кадетскаго влiянiя, слѣдовательно, въ уменьшенiи числа случаевъ необходимости соглашенiя съ кадетами. Ибо такiя соглашенiя могутъ, очевидно, имѣть смыслъ лишь тамъ, гдѣ кадеты сильны, гдѣ вѣра въ ихъ тактику еще не разбита.

Этимъ я ограничиваюсь здѣсь по вопросу о соглашенiяхъ, такъ какъ детальное разсмотрѣнiе его дается въ первой статьѣ настоящаго сборника. Многое въ этой статьѣ, написанной въ самомъ началѣ декабря, окажется устарѣвшимъ въ моментъ ея выхода въ свѣтъ. Но наша партiя лишена ежедневной прессы, и мы, публицисты соцiалдемократiи, присуждены къ запаздыванiю, если не къ молчанiю...

О нашей тактикѣ въ связи съ будущей Государственной Думой можно сейчасъ говорить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Она зависитъ отчасти отъ состава Думы, въ гораздо большей мѣрѣ отъ тѣхъ событiй, которыя разовьются на основѣ ситуацiи, созданной созывомъ народнаго представительства. Соцiалдемократiя не дѣлаетъ событiй, не связываетъ и не

развиваетъ ихъ,—по крайней мѣрѣ, тѣхъ большихъ событій, которыя даютъ направленіе всему ходу политической жизни. Революціонныя событія возникаютъ независимо отъ воли тѣхъ или другихъ политическихъ организацій—въ результатѣ пересѣченія «большихъ» причинъ. Все, что соціалдемократія можетъ и должна дѣлать, — это вносить сознаніе и организацію въ массы, вовлеченныя въ политическій водоворотъ. Вотъ почему самый вопросъ о «взрываніи» Думы, причинившій столько безпокойства господамъ изъ «Рѣчи», кажется намъ лишеннымъ смысла. «Взорвать» Думу посредствомъ какого-нибудь хитраго искусственнаго плана у насъ не будетъ ни интереса, ни, пожалуй, возможности. Но если большія событія, выросшія изъ созыва Думы, сорвутъ ее, то мы, разумѣется, не будемъ плакать надъ ея развалинами. Мы найдемъ для себя болѣе благодарное занятіе...

Я сказалъ, что соціалдемократія не можетъ поставить своей цѣлью искусственно «взорвать» Думу. Болѣе того. Упрочивая свое положеніе въ Думѣ, соціалдемократія *тѣмъ самымъ* будетъ упрочивать положеніе Думы въ странѣ. Въ названной статьѣ я касаюсь необходимости вывести избирательную борьбу и связанную съ нею организацію массъ вокругъ соціалдемократическихъ депутатовъ далеко за предѣлы офиціальныхъ курій. Только такимъ путемъ мы можемъ добиться для нашей думской фракціи того вліянія, на которое будетъ имѣть право классъ, пославшій ее. Той же цѣли—и другимъ, большимъ цѣлямъ — можетъ послужить въ извѣстный моментъ дѣятельности Думы всероссійскій рабочій съѣздъ. Не какъ противовѣсъ партіи, не для «оздоровленія» партіи, не какъ педагогическія мѣры, а какъ политическое выступленіе класса, рабочій съѣздъ сможетъ сыграть огромную роль. Онъ послужитъ организаціонной опорой для нашей партіи въ Думѣ и внѣ Думы. И если событія перекатятся черезъ голову Думы, революці-

онный парламентъ пролетаріата внесетъ въ нихъ единство цѣли и единство плана...

Во второй части этого сборника я разсматривалъ въ формѣ двухъ «Писемъ», вопросъ о рабочемъ съѣздѣ, какъ онъ былъ выдвинутъ нашей партійной жизнью послѣднихъ мѣсяцевъ. Въ средѣ нѣкоторыхъ товарищей идея пролетарскаго конгресса получила совершенно уродливую постановку въ связи съ извѣстными отрицательными сторонами нашего партійнаго развитія. Мои «Письма» посвящены главнымъ образомъ критикѣ утопическихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ *антипартійныхъ* лозунговъ, впутавшихся въ агитацію за рабочій съѣздъ. Послѣдняя партійная конференція, проявившая столько осторожности и такта въ заботѣ объ охраненіи единства партіи, вынесла очень разумное рѣшеніе по этому вопросу: она предложила (впредь до партійнаго съѣзда) ввести его въ рамки принципіальнаго обсужденія. Въ этихъ рамкахъ, можетъ быть, будутъ нелишни и мои два «Письма». Подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, подъ какимъ они написаны, они вполнѣ отвѣчаютъ общему заглавію сборника—*«Въ защиту партіи»*.

Защитѣ партіи посвящена и третья часть книги, полемика съ «ревизіонистами», дѣлающими свою маленькую политику на страницахъ «Товарища». Это все бывшіе марксисты, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ растерявшіе свои теоретическія предпосылки и съ тѣхъ поръ пребывающіе въ состояніи хронической растерянности. Могутъ сказать, что ихъ ничтожество служитъ достаточнымъ извиненіемъ какъ ихъ нападокъ на партію, злобныхъ и несправедливыхъ, такъ и ихъ усилій «оздоровить» ее—прежде всего посредствомъ раскола между «меньшинствомъ» и «большинствомъ». Читатель, который станетъ на эту точку зрѣнія, сможетъ упрекнуть меня въ томъ, что я удѣлилъ господамъ «критикамъ», свободнымъ отъ предпосылокъ, слишкомъ много мѣста. На это я могу отвѣтить, что читатель, знающій цѣну русскому ревизіо-

низму, конечно, можетъ свободно пройти мимо моей полемики; но она можетъ оказаться не лишней для тѣхъ сочувствующихъ нашей партіи элементовъ, которые изо дня въ день питаются радикальной газетой г. Ходскаго, не встрѣчающей противовѣса въ видѣ соціалдемократической прессы. Къ этому могу еще добавить, что критику безпринципныхъ обвиненій по адресу партіи я стараюсь поднять на уровень принципіальнаго освѣщенія нашей партійной практики.

Наконецъ, въ послѣдней части сборника помѣщенъ переводъ статьи Каутскаго о «движущихъ силахъ и перспективахъ русской революціи» Статья эта явилась неожиданнымъ ударомъ для нѣкоторыхъ товарищей, удовлетворявшихся шаблонно-утопическими представленіями о ходѣ русской революціи, далекими отъ какого-бы то ни было анализа ея реальнаго содержанія. Они мечтали о буржуазно-демократической (якобинской) диктатурѣ, которую вручали то... Союзу Союзовъ, то.... кадетамъ. Бѣдный Союзъ Союзовъ! Бѣдные кадеты!.. Нѣкоторые друзья мнѣ передавали —само собою разумѣется, въ видѣ шутки — что для ослабленія эффекта, который могла бы произвести статья Каутскаго, изобрѣтена очень поэтическая легенда о томъ, какъ Парвусъ, покинувшій Туруханскій край для избирательной агитаціи на берегахъ Рейна, началъ свою дѣятельность съ того, что смутилъ ясную мысль Каутскаго въ Friedenau bei Berlin. Что Парвусъ очень опасный эмиссаръ идеи перманентной революціи, это авторы легенды доказываютъ, будто-бы ссылкой на опытъ съ газетой «Начало». Но, разумѣется, это только остроумная шутка. Зато вовсе ужъ неостроумной шуткой является продиктованная лѣностью мысли попытка просто отрицать компетентность Каутскаго въ вопросахъ русской революціи. Замѣчательнѣе всего то, что подобнаго рода попытка дѣлается именно подчасъ тѣми товарищами, которые удовлетворяются общимъ опредѣленіемъ нашей рево-

люціи, какъ буржуазной, и принципіальнымъ отожествленіемъ ея со старыми буржуазными революціями Западной Европы. Такимъ образомъ оказывается, что европейскій теоретикъ социалдемократіи не понимаетъ «европейскаго» традиціонно-буржуазнаго характера русской революціи потому, что она для его пониманія слишкомъ... самобытна.

Извиняемся предъ читателями, что удѣлили нѣсколько строкъ этимъ пустякамъ. Статья Каутскаго представляетъ настолько выдающееся явленіе, что должна разсматриваться сама по себѣ совершенно внѣ этихъ анекдотическихъ мелочей. Такому разсмотрѣнію ее, разумѣется, и подвергнутъ представители другой точки зрѣнія.

* * *

Наши выборы будутъ происходить параллельно съ выборами въ Германіи, гдѣ социалдемократія готовится сдѣлать новый огромный шагъ впередъ навстрѣчу политическому господству пролетаріата. Но уже сейчасъ, во время агитаціонной кампаніи, наша германская партія предъ всѣмъ міромъ демонстрируетъ свою способность къ такому господству: свою сплоченность, свою превосходную дисциплину. Вотъ какъ пишетъ объ этомъ корреспондентъ одной демократической газеты: «Въ рядахъ социалдемократіи, передъ лицомъ серьезнаго историческаго момента, ни признака какихъ-либо серьезныхъ партійныхъ разногласій. Все въ этотъ моментъ забыто, и сплоченными рядами стоятъ радикалы и ревизіонисты передъ однимъ общимъ врагомъ. Всѣ «остальные» члены партіи призваны на передовые посты, какъ агитаторы, организаторы, кандидаты. Отъ прежнихъ диссонансовъ не осталось и слѣда. Передъ нами зрѣлище удивительной гармоніи, дисциплины и энтузіазма».

Хочется пожелать такого же единодушія и такой же дисциплины нашей россійской партіи, предъ которой непосредственно стоятъ гораздо большія труд-

ности, чѣмъ предъ германскими товарищами. Это не просто платоническое «новогоднее» пожеланіе, такъ какъ сейчасъ сохранить единство и свести тренія къ минимуму зависитъ прежде всего отъ насъ самихъ, отъ нашего такта, отъ нашей партійной мудрости. Да, вотъ область, гдѣ *тактъ* можетъ сдѣлать несравненно больше, чѣмъ въ сферѣ нашихъ отношеній съ либералами, представителями другого общественнаго класса.

Я заговорилъ объ этомъ потому, что въ воздухѣ носятся смутные признаки надвигающагося раскола. Нѣкоторые товарищи уже, повидимому, снова готовы привѣтствовать расколъ, какъ «спасеніе». «Лучше расколъ,—говорятъ они,—чѣмъ то, что есть»...

Я знаю, что и германская партія не сразу пришла къ единству. Былъ періодъ ожесточенной борьбы лассальянцевъ съ эйзенахцами (марксистами). Доходило до того, что лассальянцы на выборахъ поддерживали либераловъ *противъ* эйзенахцевъ, а при соперничествѣ эйзенахца и консерватора ***воздерживались*** отъ голосованія. Но вѣдь тамъ разногласія были несравненно глубже и принципіальнѣе. И тѣмъ не менѣе, какъ только открылась малѣйшая возможность, обѣ стороны пошли навстрѣчу другъ другу и выработали готскую программу объединенія, поражающую насъ своими грубыми компромиссами, своими уступками лассальянскимъ предразсудкамъ. И на основѣ этой программы сложилось все превосходное зданіе германской соціалдемократіи. Практика объединенной классовой борьбы истерла въ порошокъ всѣ программныя ошибки и тактическіе предразсудки. Наши нынѣшнія разногласія между «меньшинствомъ» и «большинствомъ», повторяю, далеко не такъ глубоки, какъ въ свое время были разногласія между эйзенахцами и лассальянцами. А эпоха, которую мы переживаемъ, возлагаетъ на насъ несравненно большую отвѣтственность за каждый нашъ шагъ. Эта эпоха не повторится, чтобъ дать намъ возможность исправить ошибки нашего фракціоннаго неистовства.

Предъ лицомъ тѣхъ событій, которыя идутъ намъ навстрѣчу изъ нѣдръ революціи, у насъ нѣтъ, у насъ не можетъ быть, у насъ, у партіи пролетаріата, не должно быть болѣе высокаго завѣта, чѣмъ *единство*!

Единство во что бы то ни стало!

Предъ той колоссальной пропастью, которая создалась между народомъ и старой властью, предъ той глубокой бороздой, которая проведена революціей между массами и классомъ землевладѣнія и капитала; предъ той нестираемой гранью, которая выступила между пролетаріатомъ и всѣми другими классами,— разногласія двухъ нашихъ фракцій такъ незначительны, такъ условны, такъ ничтожно-малы, что кажутся случайными морщинами на великомъ челѣ революціи.

Элементарное въ своей непосредственности чувство партійной отвѣтственности, какъ и спокойный объективный анализъ одинаково должны подсказать намъ, что расколъ теперь—это преступленіе и безуміе! Не могутъ этого не признать товарищи, не изъѣденные фракціонной ржавчиной, въ обѣихъ половинахъ нашей партіи.

Если это товарищъ изъ большинства ищетъ выхода въ расколѣ, то я скажу ему: «Какъ? вы питаете такія колоссальныя надежды на дальнѣйшій ходъ революціи; вы думаете, что ея могучій напоръ поставитъ пролетаріатъ у власти; вы думаете, что соціалдемократіи предстоитъ задача охватить единствомъ тактики классъ, едва вырвавшійся изъ политическаго небытія и уже диктующій исторіи свою волю; вы надѣетесь подчинить гегемоніи этого класса безчисленное русское крестьянство, еще не отдѣлившееся отъ пуповины рабства и варварства; вы надѣетесь внести въ этотъ классъ, полный противорѣчій, азіатскихъ пережитковъ и утопическихъ надеждъ, единство, планомѣрность и цѣлостность; вы питаете такую огромную вѣру—прекрасную вѣру, скажу я, ибо я ее раздѣляю—въ могучую логику соціально-революціоннаго развитія,—и вы не можете, вы не хотите внести един-

ства, планомѣрности и цѣлостности въ тактику сегодняшняго дня; вы боитесь—во имя единства дѣйствія массъ, предъ которыми раскрыта дверь несравненной революціонной школы—вы боитесь во имя этого единства нарушить въ вашемъ фракціонномъ обликѣ хотя бы одну черту, какъ она сложилась въ небольшой газетной лабораторіи сегодня, два часа тому назадъ, подъ вліяніемъ мимолетныхъ причинъ, о которыхъ мы вмѣстѣ съ вами завтра забудемъ. Вы хотите всего добиться полемикой. Вы хотите всего добиться немедленно, тутъ же, не сходя съ мѣста. Вы забываете, что тактика не есть законченная система, въ которой нужно убѣждать, а искусство, которое нужно воплотить. Вы гонитесь за тѣмъ, чтобы добиться формальнаго *признанія* нѣсколькихъ положеній, которыя вамъ сегодня кажутся абсолютными и въ этой половинѣ вы упускаете живые факты, живыя событія, на которыя вамъ слѣдовало бы опереться, чтобъ дѣйствительно двинуть рабочую массу впередъ по тому пути, на который ее зоветъ исторія. Вы забываете, что тактика есть творчество, а творчество требуетъ постояннаго приспособленія къ живому матеріалу, элементами котораго являются прежде всего составныя части нашей партіи. А вамъ, если только не побѣдилъ вашъ частный лозунгъ, кажется, что все пропало, вы забываете обо всѣхъ перспективахъ, и готовы поджечь партію—ваше собственное жилище—со всѣхъ четырехъ концовъ. Вы хотите всего добиться полемикой. И вы не замѣчаете, что этотъ ножъ вы давно уже притупили. Вы слишкомъ много размахивали имъ, и мышцы вашей руки утратили необходимую чуткость и эластичность. Съ одинаковой силой вы наносите удары Плеханову и Милюкову, Мартову и Струве... И именно поэтому вы уже не раните никого и ничего въ отдѣльности—ни лица, ни идеи, —вы только механически терзаете тѣло всей партіи въ цѣломъ.

Чѣмъ дальше и смѣлѣе вы заглядываете впередъ, тѣмъ болѣе вы обязаны къ терпимости, широтѣ и от-

2*

рѣшенію отъ фракціоннаго субъективизма каждый разъ, когда этого требуетъ единство выступленія пролетарской партіи. Я не скажу, конечно, что идейная борьба внутри партіи недопустима. То, чего я хочу, это, во-первыхъ, чтобы литературная полемика, которую вы развиваете, не заслоняла ни отъ вашихъ противниковъ, ни отъ васъ самихъ той матеріальной полемики противъ всякихъ предразсудковъ, которую развиваютъ событія революціи; во-вторыхъ, чтобъ вы умѣли *подчиниться*—не за страхъ, а за совѣсть—въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не сумѣемъ *подчинить*. Вы слишкомъ нетерпѣливы, дорогой товарищъ, вы гоните революцію впередъ, какъ лѣниваго осла. А между тѣмъ цѣли, которыя вы преслѣдуете, заслуживаютъ того, чтобъ *умѣть выжидать*. Фракціонная борьба, работа полемическаго ножа — это только ничтожная частица въ великой механикѣ событій. Если вы сегодня не побѣдили, пусть ваша вѣра въ ходъ революціи подскажетъ вамъ, что *еще рано*. Отложите въ сторону вашъ ножъ, подождите, дайте новымъ событіямъ наточить его притупившееся лезвіе».

Товарищу изъ меньшинства, который въ расколѣ сталъ бы искать выхода, я имѣлъ бы полное право сказать: «Какъ? Вы считаете необходимымъ координировать политику пролетаріата съ политикой буржуазной демократіи,—и вы хотите въ то же время уничтожить возможность координированія политики двухъ частей партіи пролетаріата! Вы справедливо выступаете противъ искусственнаго форсированія классовыхъ противорѣчій въ политической борьбѣ; вы опасаетесь того, чтобы классовыя страсти пролетаріата не получили слишкомъ примитивнаго политическаго выраженія и не затормозили бы этимъ борьбы за демократію,—и вмѣсто того, чтобы дорожить при такихъ условіяхъ каждой крупицей соціалистическаго сознанія, вмѣсто того, чтобы дать каждому ростку выровняться и пойти вверхъ, вы хотите нетерпѣливой рукою разбить партійную организацію по *совершенно*

случайной линіи, внести колоссальное замѣшательство въ ряды активнаго пролетаріата, подорвать въ его средѣ довѣріе къ партіи и очистить поле для худшихъ видовъ демагогіи и для вреднѣйшихъ, подлинныхъ анархистскихъ теченій, питающихся примитивнымъ классовымъ инстинктомъ массъ! Или вы надѣетесь, что массы пойдутъ за вами? Но тогда зачѣмъ вы прибѣгаете къ такому болѣзненному методу, какъ расколъ. Имѣйте мужество выжидать плодовъ вашей идейной борьбы за вліяніе на массы, не разбивая той партіи, которая у насъ есть. И развѣ не надѣялись вы годъ, и два, и три тому назадъ, что «масса» внезапно перейдетъ на вашу сторону? И развѣ вы не ошибались? Вы скажете, что вы, въ концѣ концовъ, побѣждали, такъ какъ большевики переходили на вашу точку зрѣнія. Прекрасно; но развѣ это аргументъ *за* расколъ? Вы скажете, что вамъ для вліянія на массу нужны свободныя руки. Но развѣ мы ужъ не прошли черезъ стадію формальнаго раскола? Были у васъ тогда «развязаны» руки? Не сталкивались ли вы съ большевиками на каждомъ шагу? Не приходилось ли вамъ для каждаго политическаго дѣйствія вступать въ переговоры и соглашенія? Не пришли ли вы такимъ путемъ къ созданію «федеративныхъ» организацій? Не на этой ли основѣ выросъ объединительный съѣздъ? И не хотите ли вы просто начать ту же исторію сначала? Или вы обладаете теперь секретомъ, котораго не знали раньше? Вы мнѣ можетъ быть, скажете, товарищъ, что теперь единство имѣетъ, все равно, чисто формальный характеръ. Это неправда! Но если-бы даже было такъ, то не въ тэмъ ли должна состоять забота, чтобъ это организаціонное единство наполнить единствомъ политическаго содержанія? Не сюда ли должны быть направлены всѣ усилія? Не обязаны ли лучшіе люди партіи проявить въ этомъ направленіи тотъ мудрый внутрипартійный «оппортунизмъ», безъ котораго не можетъ жить политическая семья, насчитывающая десятки

тысячъ членовъ? Развѣ выходъ—въ расколѣ, а не въ системѣ неустанныхъ компромиссовъ, изъ которыхъ каждый есть ступень къ единству классовой борьбы? Вы говорите, что единство имѣетъ теперь только формальный характеръ. Пусть такъ; но это все-же *начало* единства. Путемъ подсчета голосовъ мѣстныя конференціи даютъ общеобязательное рѣшеніе. Ему не подчиняются въ томъ или другомъ случаѣ? Это зло! Противъ него необходимо бороться общимъ повышеніемъ партійнаго сознанія. Но искать выхода въ расколѣ значитъ срѣзать голову, чтобъ не расчесывать волосъ. Расколъ возводитъ двѣ тактики по каждому вопросу въ норму, болѣе того,—въ завѣтъ фракціонной чести. А потомъ, когда въ конецъ онъ истомитъ обѣ стороны, онѣ снова будутъ искать формальнаго единства, какъ моста къ единству реальному. Или, можетъ быть, вы мнѣ скажете, что этому не бывать; что тактическія противорѣчія ведутъ васъ въ разныя стороны, создавая все болѣе и болѣе глубокую дифференціацію (классовую?) въ соціалдемократіи; скажите мнѣ это, я посмѣюсь надъ вами. Вѣдь только-что вы мнѣ говорили, что большевики въ концѣ концовъ всегда идутъ въ Каноссу. Гдѣ же углубляющаяся дифференціація? А затѣмъ прочитайте брошюру Аксельрода о «двухъ тактикахъ». Онъ говоритъ, что между содержаніемъ политической практики меньшинства и большинства *нѣтъ никакого принципіальнаго различія*. Оно существуетъ въ руководящихъ идеяхъ, въ писаніяхъ фракціонныхъ литераторовъ, вотъ все, что вы можете сказать. Но вѣдь вы хотите расколоть не идеи, которыя въ этомъ не нуждаются, и не литераторовъ, которые, къ несчастью, раскололись давно,—вы хотите расколоть *партійныя организаціи*, работа которыхъ, по признанію Аксельрода, качественно однородна. Или за послѣднія недѣли она такъ глубоко дифференцировалась, что требуетъ раскола?..»

Расколъ—это безуміе и преступленіе! Это слиш-

комъ очевидное безуміе, слишкомъ явное преступленіе, чтобъ онъ могъ произойти. Онъ не будетъ допущенъ здоровымъ политическимъ чувствомъ каждаго средняго работника. Только политическій кошмаръ послѣднихъ мѣсяцевъ, когда немыслима была никакая широкая работа, когда огромныя усилія нужны были для полученія малѣйшихъ результатовъ, когда подполье снова охватило шею партіи кольцомъ удава, когда недовольство каждаго всѣми такъ легко должно было превращаться въ обвиненіе противной фракціи,—только этотъ кошмаръ могъ родить изъ своихъ нѣдръ достойное его дѣтище, кошмарный призракъ раскола!

Если мы интернаціоналисты не на словахъ, а на дѣлѣ, мы должны умѣть взглянуть на наши фракціонныя дѣла подъ угломъ зрѣнія международнаго соціализма. Въ нашемъ расколѣ мы должны будемъ отдать ему отчетъ. Пойметъ ли онъ насъ? ***Нѣтъ, не пойметъ.*** Не сможетъ понять. Все, что намъ останется сдѣлать предъ его трибуналомъ, это сослаться на наше фракціонное варварство, какъ на смягчающее вину обстоятельство...

Если мы расколемся теперь, послѣ того, какъ едва успѣли объединиться съ Бундомъ и польской соціалдемократіей, на чемъ такъ всегда настаивали европейскіе товарищи,—съ какими глазами мы явимся въ Штутгартъ на международный соціалистическій конгрессъ гдѣ рабочій интернаціоналъ потребуетъ у насъ отчета въ нашихъ завоеваніяхъ?

Простите, товарищи, но я скажу, что мы явимся со слѣдами пощечины на лицѣ, которую мы сами нанесли себѣ...

... Я слишкомъ далеко стою за послѣдній годъ отъ партіи съ ея отношеніями и настроеніями, и можетъ быть я преувеличиваю грозящую партіи опасность, принимая случайныя замѣчанія, отдѣльныя неловкія слова за серьезные симптомы. О, если-бы такъ!

Но если это не такъ, если дѣйствительно въ партійныхъ верхахъ подготовляется расколъ, то каждый преданный работникъ партіи долженъ крикнуть крикъ объ этой опасности, объ этомъ преступленіи предъ дѣломъ русской революціи и международнаго пролетаріата.

1 января 1907 г.

НА ПУТИ ВО ВТОРУЮ ДУМУ.

I.

Между соціалистической критикой либерализма и либеральной критикой революціоннаго соціализма есть одно поистинѣ замѣчательное различіе: либералы обвиняютъ насъ въ томъ, что мы—*соціалисты*; мы обвиняемъ либераловъ въ томъ, что они—*плохіе* либералы.

Разумѣется, мы не связываемъ себѣ рукъ для критики либерализма въ его цѣломъ. Соціалистическая пропаганда исходитъ изъ разоблаченія всякой политической идеологіи, которая открыто или молчаливо признаетъ неприкосновенность капиталистическихъ отношеній производства; а либерализмъ, даже самый послѣдовательный, является такой идеологіей.

Но наши повседневныя политическія столкновенія съ либерализмомъ пока еще слишкомъ рѣдко поднимаются до вершины этого водораздѣла. Наше «сотрудничество», наша конкуренція, наши полемическія схватки съ либерализмомъ развиваются на болѣе низкой плоскости борьбы за демократію. Это опредѣляется моментомъ историческаго развитія. Во Франціи, гдѣ наиболѣе послѣдовательный либерализмъ, именно демократическій радикализмъ Клемансо, стоитъ у руля республики, тамъ вся повседневная борьба нашей партіи съ партіями буржуазіи вращается вокругъ вопроса: капитализмъ или коллективизмъ? Въ Россіи, гдѣ центральной задачей является завоеваніе демократическаго строя, наши отношенія къ либерализму, какъ положительныя, такъ и отрицательныя, почти всецѣло ограничены рамками этой очередной задачи. Только теоретическая полемика да соціали-

стическая пропаганда, являющіяся необходимыми составными элементами классовой борьбы пролетаріата, но сейчасъ занимающія очень скромное мѣсто въ нашемъ партійномъ обиходѣ, поднимаютъ повседневную политическую агитацію до высоты основного противорѣчія между міромъ капиталистической эксплуатаціи и міромъ соціалистическаго равенства.

Соціалдемократія не создаетъ для себя исторической почвы и не выбираетъ по произволу политическихъ задачъ. Она работаетъ на той землѣ, которая ее носитъ, и берется за тѣ проблемы, которыя выдвинуты общественнымъ развитіемъ. Она не можетъ перескакивать—или, лучше сказать, она не можетъ перебрасывать пролетаріатъ—черезъ естественныя фазы политической эволюціи; она не можетъ проходить исторію по сокращенному учебнику или по конспекту, ею самой составленному. Всякая попытка искусственно форсировать политическія проявленія классовой борьбы, поскольку такая попытка не окажется просто безплотной, будетъ имѣть реакціонное значеніе: послѣ нѣкоторыхъ обманчивыхъ политическихъ эффектовъ она неизбѣжно дастъ политическому развитію задній ходъ.

Этими соображеніями опредѣляется въ частности и наше отношеніе къ либерализму. Передъ страной стоитъ задача демократическаго обновленія,—безспорно исторически-ограниченная задача. Но наша обязанность по отношенію къ ней не только въ томъ, чтобы *теоретически демонстрировать* ея ограниченность, но прежде всего въ томъ, чтобы *практически превзойти* ее. Если передъ нами имѣется либерализмъ,—не какъ голая доктрина, а какъ живое общественное движеніе—мы обязаны сдѣлать все, чтобъ использовать его въ интересахъ того историческаго дѣла, которое стоитъ на очереди. Предавать либерализмъ анафемѣ, какъ либерализмъ, подвергать его въ агитаціи огульному отрицанію, прежде чѣмъ онъ воплотился въ учрежденіяхъ, значило бы безспорно оказывать услугу реакціи.

Все это совершенно безспорно, азбучно. Но этихъ элементарныхъ истинъ, этой азбуки совершенно недостаточно для опредѣленія соціалдемократической тактики.

Что значитъ «использовать» либерализмъ? что значитъ «подталкивать» его? Что значитъ *поддерживать* либерализмъ, поскольку онъ направленъ противъ реакціи, и *бороться* про-

тивъ него, поскольку онъ стремится удержать народъ на половинѣ пути?

Пока либерализмъ не выполнилъ своей исторической миссіи, мы не можемъ обличать его *только*, какъ либерализмъ, или хотя бы *главнымъ образомъ* какъ либерализмъ. Это уже сказано. Но можемъ ли мы—и въ какихъ предѣлахъ—критиковать его предъ массой, какъ половинчатый, нерѣшительный, непослѣдовательный, словомъ *плохой* либерализмъ? Не можетъ ли *такая* критика служить дѣлу реакціи? И если можетъ, то въ какихъ случахъ?

Что касается самого либерализма, то ему всякая критика, направленная противъ него слѣва, кажется услугой абсолютизму. Поэтому съ самочувствіемъ либераловъ мы не можемъ считаться, какъ съ критеріемъ. Иначе намъ пришлось бы съ самаго начала отказаться отъ самихъ себя и стать подъ колпакъ либерализма—того конкретнаго либерализма, который существуетъ въ данную минуту. Этого онъ въ сущности отъ насъ и требуетъ. Тѣмъ не менѣе соціалдемократія, какъ извѣстно, находитъ достаточныя основанія для своего существованія.

Соціалдемократія поддерживаетъ либерализмъ и «подталкиваетъ» его отнюдь не съ его добраго согласія. Въ этой работѣ случаи прямой и непосредственной поддержки либераловъ (голосованіе за нихъ на выборахъ, печатаніе ихъ воззваній, буде у нихъ у самихъ не хватаетъ на это отваги и пр.) занимаютъ подчиненное и совершенно ничтожное мѣсто въ общей экономіи нашихъ отношеній. Въ существѣ своемъ *поддержка*, которую мы оказываемъ либерализму, представляетъ собою оборотную сторону нашей *борьбы* съ нимъ. Критикуя либерализмъ, обличая его передъ лицомъ населенія, на которое онъ хочетъ вліять, мы заставляемъ его итти впередъ. Изъ тѣхъ обязательствъ, какія даетъ либерализмъ народу, мы дѣлаемъ логическую цѣпь выводовъ; эту цѣпь мы петлей закидываемъ на шею либерализму и тащимъ его за собой. Если онъ начинаетъ упираться, петля слегка затягивается на его шеѣ и причиняетъ ему неудобство. Волей-неволей, нерѣдко съ подавленнымъ проклятіемъ, онъ идетъ впередъ. На каждомъ шагу онъ пытается остановиться, онъ уговариваетъ насъ сдѣлать передышку, онъ упрекаетъ насъ въ прямолинейности, въ безтактности, въ наси-

ліи, онъ отрекается отъ насъ. Но такъ какъ направленіе и темпъ нашего движенія опредѣляются политическимъ развитіемъ народныхъ массъ, а не самочувствіемъ либерализма, то мы неуклонно увеличиваемъ наше давленіе по мѣрѣ того, какъ массы идутъ впередъ, и такимъ образомъ вынуждаемъ либерализмъ совершить весь тотъ маршрутъ, который допускается его соціальной комплекціей. И когда онъ, наконецъ, достигаетъ своего «предѣла» и останавливается, петля неумолимо затягивается на его шеѣ,—и на исторической дорогѣ остается трупъ. Такъ «поддержка» германской соціалдемократіи превратила въ трупъ германскій либерализмъ.

Правомѣрна ли такая тактика по отношенію къ буржуазной оппозиціи въ Россіи?

Когда вы произносите слова: русскій либерализмъ, русская либеральная партія, вы не должны представлять себѣ нѣчто исторически законченное, что приходится принимать или отвергать цѣликомъ. На самомъ дѣлѣ мы имѣемъ нѣсколько либеральныхъ партій, разной силы, разной степени демократизма, болѣе или менѣе разнородныхъ внутри (мирное обновленіе, п. демократическихъ реформъ, кадеты, трудовики, народные соціалисты, наконецъ, добрая доля соціалистовъ-революціонеровъ)... Всѣ эти партіи или группы борются за вліяніе, оріентируются, приспособляются, преобразуются. Огромныя массы народа, впервые вовлеченныя въ политическую жизнь, ищутъ своего «партійнаго» самоопредѣленія. Создаются самыя разнообразныя комбинаціи, то мимолетныя, то болѣе устойчивыя. Вчера только возникшія политическія организаціи сегодня уже разлагаются, и ихъ составные элементы входятъ въ новыя политическія образованія. Хаосъ еще царитъ, но духъ организаціи уже покоряетъ его. Такой видъ имѣла библейская земля въ первые дни творенія.

Каково же должно быть поведеніе соціалдемократіи, которая сама является одной изъ составныхъ стихій этого хаоса, но которая, въ свою очередь, можетъ сознательно влiять на его дальнѣйшую кристаллизацію? Прежде всего приходится отвѣтить отрицательно: соціалдемократія никоимъ образомъ не можетъ ставить себѣ задачей фиксировать, закрѣпить какую-либо изъ существующихъ оппозиціонныхъ партій. Наоборотъ.

Важнѣйшая служба, какую она можетъ сослужить дѣлу демократіи, состоитъ въ неутомимой и безпощадно-недовѣрчивой критикѣ *всѣхъ* либеральныхъ партій подъ угломъ зрѣнія послѣдовательнаго демократизма.

Если-бъ мы, игнорируя фактически слагающіяся либеральныя партіи, стремились лишь скомпрометировать либерализмъ, какъ таковой,—мы дѣлали бы реакціонное дѣло. Но когда мы подвергаемъ конкретной критикѣ слагающіяся либеральныя партіи, когда мы обличаемъ ихъ непослѣдовательность подъ угломъ зрѣнія либерализма, какъ таковаго,—наша критика, какъ бы рѣзка и придирчива она ни была, какой бы ущербъ той или иной фракціи либерализма она ни нанесла, въ общемъ и цѣломъ несомнѣнно служитъ дѣлу демократіи.

II.

Въ частности по поводу моей книги *) одинъ рецензентъ пишетъ, что моя критика буржуазной демократіи дѣлается объяснимой и понятной только съ точки зрѣнія непосредственной борьбы за власть между буржуазіей и пролетаріатомъ. А такъ какъ въ дѣйствительности сейчасъ происходитъ борьба между буржуазной оппозиціей и абсолютизмомъ, то критика моя въ значительной мѣрѣ «теряетъ свою цѣнность».

Я не знаю, говорится ли здѣсь о *тонѣ* моей критики—рецензентъ упоминаетъ объ ея «страстности»—или объ ея *методѣ.* Нужно, повидимому, думать, что о послѣднемъ, иначе выводъ не имѣлъ бы смысла. Но когда я съ этой точки зрѣнія мысленно пробѣгаю свою критику буржуазной демократіи, я прихожу къ заключенію, что рецензентъ не правъ. Развѣ я говорю своимъ читателямъ, что буржуазная демократія представляетъ враждебную свободѣ силу? Развѣ я призываю массы повернуться къ буржуазной демократіи спиной? Неправда! Я говорю своей критикой, что если буржуазная демократія хочетъ опереться на широкія массы, она должна развить демократическую програм-

*) «Наша революція», Спб. 1906, изд. Н. Глаголева.

му и революціонную тактику до конца. Я критикую стремленіе демократіи сдѣлать либерально-помѣщичье земство осью оппозиціи. («До 9 января»). Я призываю демократію замѣнить свою простодушную благожелательность придирчивымъ недовѣріемъ къ капиталистическому либерализму. Я критикую въ частности программу освобожденцевъ подъ угломъ зрѣнія ея демократизма. Я ставлю задачей своей критики возстановить массы противъ идеи единоличнаго суверенитета, противъ двухъ палатъ, постоянной арміи и бюрократической инвеституры. («Конституція освобожденцевъ»). Можетъ быть, *эта* критика предполагаетъ канунъ диктатуры пролетаріата? Можетъ быть, она не умѣщается въ рамкахъ революціоннаго противорѣчія между Россіей самодержавно-крѣпостной и Россіей демократической? Я доказываю, что политическая кампанія въ связи съ Г. Думой (первой) должна проводиться подъ знакомъ революціонной организаціи массъ. Я критикую кадетскую агитацію, сѣющую надежды на то, что Дума локализируетъ революцію и разрѣшитъ ея основныя задачи безболѣзненнымъ путемъ. Я доказываю неизбѣжность конфликта между Думой и правительствомъ. Я требую, чтобъ вся тактика была построена въ предвидѣньи этого конфликта («Г. Петръ Струве въ политикѣ»). Что же, можетъ быть такая критика логически предполагаетъ непосредственную борьбу соціалдемократіи за власть? Развѣ въ центрѣ моей критики лежитъ та мысль, что полное народовластіе—главная фикція, ибо въ капиталистическомъ обществѣ суверенитетъ народа есть лишь внѣшняя форма классовой эксплуатаціи? Нѣтъ, я исхожу изъ той, болѣе элементарной мысли, что честная и послѣдовательная демократія, которая не боится массы и не заигрываетъ съ ея вѣковыми врагами, должна поднять знамя полнаго народовластія. Развѣ я въ основу своей критики полагаю ту мысль, что милиція и выборный судъ въ современномъ обществѣ станутъ по необходимости органами классового господства буржуазіи? Нѣтъ, я исхожу изъ болѣе ограниченной мысли, что полное демократическое обновленіе страны немыслимо безъ милиціи, безъ выборной бюрократіи и выборнаго суда. Развѣ это — программа диктатуры пролетаріата? Кажется, нѣтъ. Почему же рецензенту моя критика «непонятна» внѣ идеи непосредственной борьбы за рабочее правительство? Не

знаю. Можетъ быть, просто вслѣдствіе его собственной непонятливости.

Правда, изъ анализа соціально-политическихъ отношеній я прихожу къ выводу, что рѣшительная побѣда демократической Россіи надъ Россіей крѣпостнической должна передать кормило въ руки пролетаріата; что проведеніе въ жизнь всѣхъ основныхъ лозунговъ демократіи будетъ совершено организаціей, прямо и непосредственно опирающейся на городскихъ рабочихъ, а черезъ нихъ—на всю народную, плебейскую націю.

Пусть мой анализъ и мой прогнозъ совершенно ошибочны *). Пусть дальнѣйшее революціонное развитіе настолько укрѣпитъ буржуазную демократію, что позволитъ ей взять власть въ свои руки и тѣмъ самымъ отброситъ пролетаріатъ въ оппозицію. Но развѣ *такая* перспектива не требуетъ отъ насъ въ *равной* мѣрѣ самой неутомимой и непримиримой критики буржуазной демократіи—подъ угломъ зрѣнія ея демократизма и ея революціонности? Я думаю, что подобная критика не только не препятствуетъ росту оппозиціонныхъ силъ, но, наоборотъ, оказываетъ ему незамѣнимую услугу, такъ какъ неизмѣнно поддерживаетъ лѣвое крыло демократіи противъ ея праваго крыла.

Я прекрасно понимаю,—смѣю въ томъ увѣрить моего рецензента, — что публицистически перепрыгнуть черезъ политическое препятствіе не значитъ практически преодолѣть его. Я нимало не думаю, что если хорошенько охаять всю буржуазную демократію предъ народомъ, то можно у нея изъ-подъ носу вырвать государственную власть. А вѣдь, повидимому, именно эту глубокомысленную «тактику» приписываетъ мнѣ рецензентъ, когда говоритъ, что моя критика демократіи непонятна внѣ непосредственной борьбы за власть. Онъ какъ-бы хочетъ сказать, что мои нападки такъ безбожны потому, что я надѣюсь этимъ путемъ отстранить демократію съ пути и очистить поле для рабочаго правительства. Но онъ ошибается. Мои «безбрежныя мечтанія» о рабочемъ правительствѣ опираются на болѣе серьезныя соображенія, критики которыхъ я—повторяю — еще

*) Я терпѣливо жду разбора написанной на эту тему статьи «Итоги и перспективы» въ названной выше книгѣ. Я, конечно, не думаю, что такой работой займется мой почтенный рецензентъ.

только жду. Что же касается моей полемики съ буржуазными партіями, то она, составляя часть всей агитаціонной дѣятельности нашей партіи, только усиливаетъ буржуазную демократію.

Правда, она въ то же время усиливаетъ соціалдемократію, способствуя политическому самоопредѣленію пролетаріата. Но вѣдь не противъ этого же возстаетъ мой критикъ-соціалистъ? Можно разно представлять себѣ картину соотношенія этихъ двухъ силъ въ тотъ періодъ, когда революція начисто упразднитъ старый режимъ. Но это предвидѣніе не можетъ измѣнить нашей критики и оцѣнки сегодняшнихъ лозунговъ, сегодняшней тактики буржуазной демократіи. Впрочемъ, при одномъ условіи: если мы не считаемъ, что классовая борьба внутри буржуазной націи тормозитъ буржуазную революцію. Разумѣется, стоитъ намъ прійти къ такому выводу,—въ чемъ я, однако, не подозрѣваю моего рецензента,—и намъ останется перестать быть соціалдемократами, ибо, при такомъ условіи, очевидно, только упраздненіе самостоятельной политики пролетаріата создало бы для буржуазной демократіи возможность овладѣть властью.

Самоупраздненье, это и есть то, чего отъ насъ требуетъ либерализмъ.

III.

Каковъ же критерій нашей оцѣнки и критики либерализма? Формальнымъ критеріемъ является наша программа буржуазной революціи, т. е. наша минимальная программа. Методомъ же нашей критики является матеріалистическій анализъ каждой новой политической ситуаціи.

Если отвлечься отъ того классового содержанія, которымъ пропитываетъ нашу минимальную программу фактически развивающееся рабочее движеніе, то она предстанетъ передъ нами, какъ логически-законченная программа демократіи. Въ такомъ видѣ намъ приходится чаще всего пользоваться ею въ критикѣ буржуазной оппозиціи. Минимальная программа— это тѣ требованія, которыми мы хотимъ обязать демократію въ пе-

ріодъ ея борьбы за власть и къ выполненію которыхъ мы будемъ принуждать ее, когда (если) власть будетъ въ ея рукахъ. У насъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ теоретическихъ или тактическихъ основаній къ ограниченію и урѣзыванію этихъ крайнихъ предѣльныхъ требованій демократіи и къ временной замѣнѣ ихъ другими—посредствующими, подготовительными и предварительными лозунгами.

Я позволю себѣ привести двѣ-три иллюстраціи. Восьмичасовой рабочій день—это центральный лозунгъ рабочей демократіи. Намъ уже не разъ говорили и еще будутъ говорить, что отсталая русская промышленность не можетъ удовлетвориться восьмичасовой эксплоатаціей наемнаго труда. Не должны ли мы въ силу этого обстоятельства временно ограничиться требованіемъ десяти или девятичасового рабочаго дня? Нѣтъ. Дѣло въ томъ, что самый вопросъ о томъ, доступенъ ли русской промышленности восьмичасовой рабочій день, не можетъ быть рѣшенъ путемъ статистическихъ выкладокъ или отвлеченныхъ соображеній. Этотъ вопросъ будетъ рѣшаться лишь практикой соціально-экономическаго развитія. Въ число силъ, которыя опредѣляютъ его рѣшенія, входятъ: давленіе пролетаріата на капиталъ, сопротивленіе капитала, приспособленіе капитала къ рынку, къ міровой техникѣ и т. д. Мы можемъ непосредственно воздѣйствовать только на одну изъ этихъ силъ: на классовую энергію пролетаріата. Требованіе 8-часоваго рабочаго дня, какъ общеклассовое, координируетъ и обобщаетъ борьбу разныхъ группъ пролетаріата въ разные моменты за сокращеніе рабочаго дня. Принципіальный міровой лозунгъ этой борьбы придаетъ ей высшее напряженіе и именно этимъ позволяетъ добиться максимальныхъ практическихъ результатовъ. Такая тактика отнюдь не предполагаетъ парламентскаго «нигилизма»: если отъ нашихъ голосовъ будетъ зависѣть судьба законопроекта о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, мы, разумѣется, подадимъ за него наши голоса. Но дѣло въ томъ, что такой законопроектъ имѣетъ тѣмъ больше шансовъ собрать большинство въ буржуазномъ парламентѣ, чѣмъ энергичнѣе массы выступаютъ за восьмичасовой рабочій день.

Другой лозунгъ, которому соціалдемократія придала широкую популярность—это полное народовластіе. Либералы не разъ

указывали намъ на «безтактность» этого лозунга, такъ какъ онъ, по ихъ мнѣнію, находится въ кричащемъ противорѣчіи съ «наивными монархическими предразсудками массъ». Въ одномъ случаѣ насъ пугаютъ національно-экономическими препятствіями, въ другомъ—національно-психологическими. Не должны ли мы дѣйствительно признать, что требованіе народовластія неумѣстно, такъ какъ «пугаетъ» массы? Прежде чѣмъ это сдѣлать, мы должны спросить нашихъ критиковъ, въ чемъ же вообще, по ихъ мнѣнію, состоитъ пропаганда, какъ не въ очищеніи сознанія народныхъ массъ отъ «наивныхъ предразсудковъ»? Для насъ, по крайней мѣрѣ, главная цѣль политической агитаціи и пропаганды заключается въ развитіи сознанія массъ. И если мы не можемъ немедленно завоевать восьмичасовой рабочій день и народовластіе для массъ, то мы должны немедленно завоевать массы для народовластія и для восьмичасового рабочаго дня.

Третій примѣръ мы возьмемъ изъ свѣжей исторіи тактическихъ разногласій внутри нашей партіи—по вопросу: «за Думу» или «за Учредительное Собраніе». Сторонники перваго лозунга совершенно справедливо указывали на то, что Дума можетъ насъ лишь приблизить къ Учредительному Собранію,—подобно тому какъ 10-часовой рабочій день приближается къ 8-часовому. Но они жестоко ошибались, когда утверждали, что «борьба за Думу противъ чиновничества будетъ въ тысячу разъ скорѣе приближать насъ къ Учредительному Собранію, чѣмъ крики (?) объ Учредительномъ Собраніи» («Наше Дѣло»). Мы съ полнымъ правомъ могли имъ возразить, что борьба за Учредительное Собраніе противъ абсолютизма будетъ въ тысячу разъ скорѣе приближать насъ къ Думѣ, а значитъ и къ Учредительному Собранію, чѣмъ крики объ этой Государственной Думѣ.

Но Учредительное Собраніе сейчасъ неосуществимо, возражали сторонники лозунга «за Думу». Наши требованія, отвѣчаемъ мы, считаются не съ тѣмъ, что осуществимо «сейчасъ», они представляютъ собою программу наиболѣе радикальныхъ мѣръ, осуществимыхъ въ условіяхъ буржуазной революціи. Если Учредительное Собраніе неосуществимо «сейчасъ», то оно еще менѣе было осуществимо въ тотъ часъ, когда мы вписали

его въ нашу программу и открыли вокругъ него колоссальную агитацію. По вопросу о томъ, что осуществимо и что неосуществимо, у насъ нѣтъ и не можетъ быть другого критерія помимо того объективнаго анализа, посредствомъ котораго построена наша минимальная программа. Стоитъ намъ отъ нея отойти, и мы окажемся жертвами субъективнаго произвола и вульгарнаго эмпиризма. Мы будемъ выдвигать то тотъ, то другой лозунгъ въ зависимости отъ нашего политическаго глазомѣра; мы будемъ приспособлять наши требованія къ политическому уровню крестьянства, мѣщанства, средней буржуазіи, наконецъ, къ настроенію власти,—въ каждый данный моментъ; мы придемъ къ тому, что будемъ укорачивать наши лозунги въ зависимости отъ тысячи обстоятельствъ, которыя успѣваютъ измѣниться прежде, чѣмъ партіи удается прійти къ соглашенію въ ихъ оцѣнкѣ. Это не тактика, а «милліонъ терзаній» Такой образъ дѣйствій очень мало двинетъ впередъ политическое сознаніе отсталыхъ классовъ: крестьянства и мѣщанства, но внесетъ несомнѣнную смуту въ сознаніе пролетаріата. Нѣтъ, для насъ совершенно достаточно того, что требованіе: Учредительнаго Собранія не только не противорѣчитъ буржуазной революціи, но, наоборотъ, предполагаетъ и подготовляетъ ея высшее развитіе. Если по внутреннему соотношенію силъ революція не дойдетъ до Учредительнаго Собранія, то, благодаря нашей принципіальной тактикѣ, она дойдетъ во всякомъ случаѣ до наивысшаго доступнаго ей уровня.

Сейчасъ этотъ споръ силою вещей снятъ съ очереди, — по крайней мѣрѣ, до... разгона второй Думы. Если мы на немъ остановились, такъ это ради той принципіальной ошибки, которая въ немъ вскрылась.

Товарищъ, съ которымъ я переписывался по этому вопросу, привелъ слѣдующее принципіальное соображеніе въ пользу лозунга «за Думу». Нашей цѣлью, писалъ онъ, является соціалистическій общественный строй; это, однако, нисколько не мѣшаетъ намъ выдвигать минимальную программу, какъ предпосылку максимальной, какъ совокупность мѣръ, которыя должны облегчить осуществленіе соціализма; та же самая политическая логика, заключаетъ товарищъ, заставляетъ насъ сейчасъ добиваться Государственной Думы, какъ предпосылки Учр. Собранія.

Это разсужденіе основано на чисто формальномъ признакѣ логической симметріи. Почерпая свою доказательность въ фактѣ существанія минимальной программы, оно на самомъ дѣлѣ уничтожаетъ смыслъ ея существованія, такъ какъ лишаетъ ее ея значенія для насъ, какъ *минимальной*, оставляя просторъ для выдвиганія требованій все болѣе и болѣе минимальныхъ. На этомъ пути мы можемъ превратиться въ Ахиллеса, который отбиваетъ все болѣе и болѣе мелкую дробь шага и никакъ не можетъ догнать черепаху... Вѣчная драма реформизма!

IV.

Должны ли мы поддерживать на выборахъ буржуазную демократію? И если должны, то почему? И на какихъ условіяхъ?

Мы недавно слышали на первый вопросъ авторитетный отвѣтъ тов. Плеханова, который можно формулировать такъ: мы должны поддерживать либеральную оппозицію, чтобы изолировать реакцію. Этотъ отвѣтъ безукоризненно правиленъ; къ сожалѣнію только, онъ идетъ навстрѣчу другому, гораздо болѣе общему вопросу, а не тому, который сейчасъ стоитъ передъ нами. *Мы должны поддерживать либеральную оппозицію*,—но развѣ отсюда прямо слѣдуетъ, что мы должны поддерживать ея парламентскія кандидатуры? Прежде, чѣмъ отвѣтить: *да*! нужно выяснить, въ какомъ отношеніи стоитъ данная парламентская кампанія къ развитію либеральной оппозиціи. *Мы должны изолировать реакцію*,—но развѣ эта задача сводится къ тому, чтобы не дать реакціи креселъ въ залѣ Таврическаго дворца? И не должны ли мы прежде всего разсмотрѣть, какое мѣсто займетъ наша поддержка либеральной оппозиціи въ нашей общей работѣ, которая дѣйствительно изолируетъ реакцію, изгоняя ее изъ сознанія народныхъ массъ.

Наши методы «поддержки» и «изоляціи» вовсе не совпадаютъ съ тѣми, какіе вырабатываются либеральными профессорами гельсингфорскаго съѣзда. Интересы самой либеральной оппозиціи въ ея цѣломъ мы понимаемъ вовсе не такъ, какъ ея временные вожди. И я думаю, что развитіе буржуазной де-

мократіи хотя бы только за послѣдніе два года, достаточно показало, на чьей сторонѣ находится болѣе глубокое пониманіе этихъ интересовъ. Я этимъ вовсе не хочу сказать, что мы не должны въ извѣстныхъ случаяхъ поддерживать своими голосами кандидатовъ буржуазной демократіи,—но только я думаю, что у насъ для этого имѣются другія причины, болѣе реальныя, болѣе соотвѣтствующія характеру того историческаго дѣла, какое мы дѣлаемъ.

Каждая новая революціонная ситуація требуетъ отъ насъ, чтобъ мы использовали ее, во-первыхъ, для самостоятельной организаціи пролетаріата, во-вторыхъ, для вовлеченія широкихъ демократическихъ массъ въ прямую революціонную борьбу.

Всякій нашъ шагъ, содѣйствующій этому второму результату, и есть та поддержка, которую мы оказываемъ буржуазной демократіи, какъ соціально-политической силѣ, — хотя дѣлая такой шагъ, мы можемъ становиться въ самыя различныя отношенія къ тѣмъ или другимъ оппозиціоннымъ организаціямъ, отражающимъ временный уровень развитія демократическихъ массъ. Этого могутъ не понимать кадеты, одна изъ такихъ временныхъ организацій,—но мы то этого никогда не должны забывать.

Безсильная Дума, противостоящая вооруженному абсолютизму, создаетъ революціонную ситуацію, т. е., такое противорѣчіе, изъ котораго нѣтъ выхода на «конституціонномъ» пути. И если я пришелъ къ заключенію, что въ Думу приходится послать кадета, такъ это прежде всего для того, чтобы скомпрометировать его. Если я призываю соціалдемократическихъ избирателей или выборщиковъ голосовать за кадета, такъ это вовсе не потому, чтобъ я думалъ, будто опустить въ деревянную коробку листокъ съ фамиліей господина Петрункевича, значитъ прямо и непосредственно поддерживать демократію. О, нѣтъ! Демократію я въ данномъ случаѣ поддерживаю тѣмъ, что ставлю ея сегодняшнихъ вождей въ революціонное положеніе—и тѣмъ компрометирую ихъ. Отсталую буржуазную демократію, ту, которая своимъ преобладаніемъ *вынудила* меня голосовать за кадета, я этой «поддержкой» толкаю впередъ, а кадета поддерживаю такъ, какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго.

Мнѣ могутъ сказать: «Пусть такъ. Въ сущности, это сводится къ тому же. Ваши соображенія не имѣютъ никакой самостоятельной силы. Фактъ остается фактомъ. Вы голосуете за кадета, слѣдовательно, вы поддерживаете кадета».

Конечно, отвѣчу я, фактъ всегда остается фактомъ. Но *что* въ данномъ случаѣ является для насъ рѣшающимъ фактомъ? избирательная бумажка, опускаемая въ деревянную коробку, или та революціонно-соціалистическая агитація, которую мы развиваемъ во время выборовъ,—выдерживая одинъ и тотъ же тонъ и въ томъ случаѣ, когда мы непосредственно конкурируемъ съ кадетскимъ кандидатомъ, и въ томъ, когда мы поддерживаемъ кадета противъ октябриста?

Столь горячо дебатировавшійся въ нашей партіи вопросъ,—на какомъ этапѣ нашей избирательной Вавилонской башни допустимо поддерживать не-пролетарскихъ кандидатовъ,—имѣетъ несомнѣнно серьезное значеніе; но я смѣю думать, что это все же вопросъ второго порядка. Первое мѣсто занимаетъ вопросъ о той политической идеѣ, которая проникаетъ нашу агитацію и придаетъ однородный смыслъ нашимъ дѣйствіямъ и тогда, когда мы призываемъ населеніе голосовать за тов. Плеханова, и тогда, когда мы призываемъ избирателей подавать голоса за кадетскихъ выборщиковъ, и тогда, когда мы рекомендуемъ нашимъ выборщикамъ помочь г. Милюкову перешагнуть черезъ порогъ Государственной Думы.

Нѣкоторые товарищи придаютъ, на мой взглядъ, непропорціонально-большое значеніе тому, на какой стадіи выборовъ произойдутъ соглашенія: въ одномъ случаѣ, говорятъ они, мы призываемъ *массу* голосовать за кадетовъ, въ другомъ—*группу выборщиковъ*. Разница, несомнѣнно, очень существенная; но вѣдь никто же изъ насъ, конечно, не думаетъ, что выборщики должны поддерживать кадетовъ безъ вѣдома массы. Наоборотъ, самый смыслъ нашего участія въ выборахъ требуетъ, чтобы каждый шагъ нашихъ уполномоченныхъ или выборщиковъ былъ извѣстенъ и *понятенъ* массѣ. Извѣстнымъ онъ станетъ и помимо насъ, но понятнымъ можемъ его сдѣлать только мы. И мы, разумѣется, должны будемъ это сдѣлать, если не захотимъ, чтобы, масса пришла къ выводу, что выборщики-соціалдемократы обманули ее, продавшись кадетамъ. Но если, ведя

непримиримую агитацію противъ кадетовъ и призывая массы всюду и вездѣ голосовать только за соціалдемократическихъ выборщиковъ, мы въ то же время считаемъ вполнѣ возможнымъ выяснить массамъ, почему наши выборщики въ извѣстныхъ случаяхъ голосовали за кадетовъ,—то не можемъ ли мы въ другихъ случаяхъ, сохраняя ту же самую агитаціонную позицію, призывать избирателей непосредственно голосовать за кадетовъ? Я думаю, что принципіальной разницы здѣсь нѣтъ; оба пріема предполагаютъ совершенно одинаковый политическій уровень избирателя. Въ Европѣ соглашенія обычно происходятъ на перебаллотировкахъ; такой порядокъ представляетъ многія выгоды, о которыхъ я здѣсь не стану распространяться. Но я обращаю вниманіе товарищей на то, что перебаллотировки вовсе не происходятъ въ сторонѣ отъ массы или надъ массой, какъ выборы во второй стадіи; въ перебаллотировкахъ участвуетъ тотъ же самый массовый избиратель, что и на общихъ выборахъ,—и этому простаку приходится преодолѣвать большое затрудненіе: семь дней тому назадъ онъ въ результатѣ жесточайшей партійной агитаціи отдалъ свой голосъ соціалисту *противъ* либерала; сегодня, черезъ недѣлю, онъ по призыву того же соціалиста отдаетъ свой голосъ либералу. И если его голова справляется съ этимъ противорѣчіемъ во время перебаллотировокъ, то я не понимаю, почему она должна прійти въ затменіе предъ соотвѣтственной комбинаціей на общихъ выборахъ. Можно дѣлать догадки—большей или меньшей вѣроятности—о томъ, понадобятся ли соглашенія съ кадетами на первой стадіи выборовъ и въ какой мѣрѣ. Но принципіально отрицать самую допустимость такихъ соглашеній, какъ уже сказано, нельзя. Вообще странно было бы думать, что въ этой спеціальной сферѣ, гдѣ рѣшающую роль играютъ вопросы избирательной *техники*, у насъ имѣются какія-нибудь безусловныя начала, которыя могутъ при всѣхъ случаяхъ опредѣлять наше поведеніе. Можетъ ли такое *техническое* неудобство, безспорно очень серьезное, какъ отсутствіе перебаллотировокъ, устранить для насъ ту *политическую* цѣль, которой мы достигаемъ путемъ соглашеній? Разумѣется, нѣтъ.

Повторяю: рѣшающее значеніе для нашей политической самостоятельности имѣютъ не столько избирательныя манипуляціи

сами по себѣ, сколько ихъ *мотивы*, дающіе тонъ всей нашей агитаціи.

Если нами руководитъ голая абстракція,—вродѣ того, что, поддерживая кадетовъ, мы «изолируемъ реакцію»,—тогда соглашеніе съ кадетами превратитъ насъ въ большей или меньшей мѣрѣ въ адвокатовъ кадетской партіи предъ лицомъ населенія. *На первое мѣсто* намъ придется выдвинуть тѣ соображенія, что на насъ, соціалдемократахъ, свѣтъ клиномъ не сошелся, что, кромѣ насъ, существуютъ еще другія партіи, борющіяся за свободу, что кадеты представляютъ собою прогрессивную партію, что они борются за «землю и волю» и пр. и пр.

Если-же мы стоимъ на той точкѣ зрѣнія, что для того, чтобы изолировать и раздавить реакцію, нужно, между прочимъ, разрушить въ сознаніи прогрессивныхъ слоевъ населенія тѣ политическіе предразсудки, которые кадеты стремятся закрѣпить; что эта цѣль лучше всего будетъ достигнута, если мы поможемъ кадетамъ стать въ положеніе, котораго они такъ домогаются и которое требуетъ качествъ, какихъ у нихъ сейчасъ нѣтъ и въ поминѣ,—тогда мы останемся ихъ безпощадными политическими обличителями, какъ въ томъ округѣ, гдѣ мы будемъ непосредственно соперничать съ ними, такъ и въ томъ, гдѣ мы будемъ за нихъ голосовать.

Конечно, кадеты прогрессивная партія, конечно, г. Петрункевичъ несравненно «лучше» г. Пуришкевича и даже г. Гучкова; конечно, кадеты стоятъ за «землю и волю». Но мы, соціалдемократы, должны предоставить самимъ кадетамъ доказывать всѣ эти несомнѣнныя истины: они въ этомъ достаточно заинтересованы, и у нихъ для этого имѣется огромный аппаратъ легальной прессы и необходимое количество ораторовъ, располагающихъ полнымъ каталогомъ всѣхъ заслугъ и достоинствъ кадетской партіи. Мы же должны въ эту либеральную агитацію вносить нашъ, соціалдемократическій, коррективъ. Конечно, скажемъ мы, г. Петрункевичъ лучше г-на Пуришкевича («меньшее зло»), но суть дѣла въ томъ, что тактика г. Петрункевича не способна избавить васъ, граждане, отъ государственной диктатуры г. Пуришкевича. Конечно, кадеты стоятъ за «землю и волю», но ихъ политическая гегемонія не

дастъ народу ни земли ни воли.—Но вы, граждане избиратели или выборщики, не раздѣляете въ лицѣ вашего большинства этого нашего взгляда. Вы требуете, чтобы мы помогли вамъ своими голосами подавить черносотенцевъ и послать въ Думу г. Петрункевича. Мы сдѣлаемъ это. Ибо если въ Думу попадетъ Пуришкевичъ, онъ поможетъ вамъ сохранить вашу вѣру въ Петрункевича, *) и въ вашемъ сознанiи вся отвѣтственность падетъ на насъ. Этого мы не хотимъ. Мы идемъ вамъ на встрѣчу. Мы голосуемъ за вашего кандидата, чтобы показать вамъ, что вы стоите на ложномъ пути.—Такъ скажемъ мы на избирательныхъ собранiяхъ. И если наши мотивы будутъ пока безразличны для тѣхъ гражданъ, которые, все равно, думали голосовать за кадета, то они будутъ далеко не безразличны для соцiалдемократически настроенныхъ избирателей въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ихъ побуждаемъ голосовать за депутата, котораго они политически переросли.

Выше сказано, что при первой постановкѣ вопроса мы выступаемъ адвокатами кадетовъ, при второй — обличителями. Конечно, я вовсе не хочу этимъ сказать, будто тов. Плехановъ рекомендуетъ намъ отождествляться съ кадетами или хотя бы только умалчивать обо всѣхъ ихъ грѣхахъ. Вѣдь и адвокатъ не отождествляется съ подсудимымъ и не отрицаетъ его преступленiя; онъ защищаетъ его, онъ выдвигаетъ на свѣтъ, главнымъ образомъ, его добрыя стороны и тѣ обстоятельства, которыя смягчаютъ вину.

Въ сжатой формулѣ агитацiя перваго типа можетъ быть выражена такъ: «хотя у кандидата NN, какъ у кадета, есть тысяча недостатковъ, но за всѣмъ тѣмъ у него имѣются такiя достоинства, какъ у оппозицiоннаго политика, какъ у борца за «землю и волю», которыя даютъ ему право представительствовать народъ въ Государственной Думѣ».

Вторая формула будетъ такова: «хотя у кандидата NN, какъ у кадета, есть тысяча достоинствъ, но за всѣмъ тѣмъ онъ

---

*) Написавъ эти строки, мы вспомнили, что г. Петрункевичъ, въ силу нашихъ законовъ о Думѣ и особенно въ силу г-на Камышанскаго, не можетъ быть избранъ во вторую Думу. Но мы имѣемъ, конечно, въ виду не индивидуальнаго, а собирательнаго Петрункевича.

совершенно не пригоденъ для борьбы за «землю и волю»,—и чтобы доказать вамъ это, мы вамъ поможемъ послать его въ Государственную Думу».

Въ этомъ различіи—цѣлый міръ политической агитаціи.

Могутъ возразить, что «пригодность» и «непригодность» кадетовъ для разрѣшенія революціонныхъ задачъ не нужно понимать абсолютно. Сегодня непригодные, они завтра сдѣлаются пригодными подъ вліяніемъ обстоятельствъ, которымъ они сами безсознательно идутъ на встрѣчу. Совершенно вѣрно. Но я думаю, что именно агитація второго типа будетъ въ наивысшей мѣрѣ содѣйствовать революціонному перерожденію жизнеспособныхъ элементовъ конституціонно-демократической партіи.

Я здѣсь считаю умѣстнымъ повторить то, на чемъ никогда не устану настаивать: не нужно отождествлять марксистское изслѣдованіе съ соціалдемократической агитаціей. Между ними не можетъ быть противорѣчія, но они и не тождественны. Они относятся другъ къ другу, какъ наука къ искусству, какъ теорія къ практикѣ. Пусть объективный анализъ соціально-историческихъ отношеній заставитъ насъ, марксистовъ, даже прійти къ выводу, что побѣда демократической націи означаетъ диктатуру кадетовъ; но мы, соціалдемократы, больше всего сдѣлаемъ для ускоренія этого процесса и для углубленія соціальнаго содержанія грядущей буржуазно-демократической диктатуры, если будемъ теперь безпощадно разоблачать полную непригодность кадетской партіи для роли политическаго вождя революціонной націи. Такова діалектика политики!

«Поддерживая буржуазную демократію, толкать ее на путь революціи...»

«Рѣчь» на это отвѣчаетъ такъ: «*поддерживать* насъ мы вамъ охотно разрѣшимъ; въ угоду вашему доктринерству мы вамъ даже позволимъ называть насъ *буржуазной демократіей*; но *толкаться*—нѣтъ, ужъ это извините!»

Въ № отъ 15 ноября сказано буквально слѣдующее:

«Вотъ это-то стремленіе соціалдемократіи («толкать всю буржуазную демократію на путь революціи и дѣлать изъ Думы въ цѣломъ орудіе революціи») должно встрѣтить самый рѣзкій и рѣшительный отпоръ со стороны «буржуазной демократіи», и даже той ея части, которая стоитъ за соглашенія... Необходимо

разъ на всегда установить, что толкать «буржуазную демократію» и Думу куда бы то ни было соціалдемократіи не удастся. «Буржуазная демократія» идетъ въ Думу, чтобы *законодательствовать...»* *) И потомъ опять: «Буржуазная демократія... за лозунгомъ соціалдемократіи не пойдетъ и толкать себя не позволитъ...»

Несмотря на всю комичность этого тона уѣздной барыни, которая для «соглашенія» съ пролетаріатомъ ѣдетъ третьимъ классомъ, но каждую минуту требуетъ, чтобъ ее, пожалуйста, не толкали, несмотря на всю проявленную здѣсь ребяческую наивность кадетской мысли, приведенныя строки довольно поучительны и, такъ сказать, наводятъ на размышленіе.

Соціалдемократія рѣшила въ извѣстныхъ случаяхъ поддерживать на выборахъ кадетскія кандидатуры. Органъ кадетской партіи, обращаясь къ намъ, говоритъ: Вы хотите бороться за Учредительное Собраніе? Это утопія! Мы разъ навсегда отказываемся отъ этого лозунга **). Вы хотите превратить Думу въ органъ революціонной борьбы?—Не ждите нашей помощи: мы идемъ законодательствовать.

Газета г. Милюкова очень безпокоится, чтобъ не вышло «недоразумѣнія», очень волнуется и настаиваетъ на томъ, чтобъ соціалдемократамъ дано было «понять» въ самой ясной и категорической формѣ... Почти въ каждомъ номерѣ эта почтенная газета возвращается къ колючему вопросу. Съ одной стороны—выгоды «соглашенія», съ другой стороны—перспектива неучтиваго подталкиванія. Но опять-таки: если отказаться отъ соглашенія, развѣ соціалдемократы откажутся отъ своихъ революціонныхъ намѣреній? «Но мы имъ дадимъ твердо и рѣшительно понять!» ободряютъ кадеты другъ друга. «Ахъ, захотятъ ли они понять?» тоскливымъ эхомъ откликается г-жа Кускова въ «Товарищѣ».

Этотъ добрый, безкорыстный «товарищъ» двухъ партій — онъ разрывается на части, чтобъ сервировать блокъ, какъ въ лучшихъ домахъ. Вѣдь въ сущности вопросъ совершенно простъ, увѣряетъ газета: кто за конституцію—тѣ налѣво, въ большой

---

*) Курсивъ самой газеты, собирающейся законодательствовать.
**) Въ той же статьѣ.

мѣшокъ блока; кто за ватеръ-клозетную фирму Лидвали, тотъ направо. Конечно, всѣ сохраняютъ при этомъ свою полную самостоятельность—въ большомъ мѣшкѣ блока. Правда, социалдемократы грозятъ толкаться, но въ сущности, если разсмотрѣть этотъ вопросъ въ свѣтѣ реалистической политики, то вѣдь для того социалдемократы и приглашаются въ мѣшокъ, чтобъ имъ не очень удобно было толкаться. Они и сами, наконецъ, вынуждены будутъ понять...—«Ахъ, захотятъ ли, захотятъ ли они это понять?» тоскуетъ на вѣткѣ г-жа Кускова.

Мы хотимъ дать этимъ господамъ посильныя разъясненія явно-успокоительнаго характера.

Социалдемократія была бы крайне наивной, еслибъ основывала свои расчеты на *заявленіяхъ* другихъ партій. Мы очень хорошо помнимъ старыя слова нашего стараго Маркса, что о существѣ каждой партіи такъ же мало можно судить по ея деклараціямъ, какъ о характерѣ человѣка по его мнѣнію о самомъ себѣ. Деклараціи кадетовъ могутъ быть вполнѣ тверды и категоричны и вполнѣ искренни, — онѣ все равно не годятся, какъ объективный матеріалъ, способный опредѣлить нашу тактику. Въ октябрѣ 1905 г. кадеты требовали Учредительнаго Собранія и клялись бросить все свое вліяніе на чашу вѣсовъ революціи. Передъ выборами они обязались не заниматься «органической» работой. Вступивъ въ Думу, они рѣшили только «законодательствовать», оставаясь на строго конституціонной почвѣ. Послѣ разгона Думы они выпустили выборгское воззваніе, которое, разумѣется, никакая софистика не уложитъ въ параграфы «конституціоннаго» права. Потомъ они отказались отъ выборгскаго воззванія, не отказываясь отъ онаго. Теперь они отказываются отъ Учредительнаго Собранія и отъ чаши вѣсовъ революціи. Они опять идутъ законодательствовать.

Нѣтъ спора, всѣ эти маневры и манипуляціи, которые на нашъ вульгарный взглядъ представляются блужданіемъ политическихъ пошехонцевъ межъ трехъ сосенъ, на самомъ дѣлѣ продиктованы высшими государственными соображеніями. Но такъ какъ намъ этихъ высшихъ соображеній, по совершенно справедливымъ предчувствіямъ г-жи Кусковой, никогда не по-

нять, то мы не можемъ съ ними сообразовать свою политику. Но возможны ли въ такъ случаяхъ соглашенія? Конечно: ибо мы считаемся только съ той революціонной ситуаціей, которую создастъ Государственная Дума, а вовсе не съ субъективными планами кадетскихъ депутатовъ. Это никоимъ образомъ не означаетъ, что сегодняшніе планы кадетовъ для насъ безразличны. Если мнѣніе человѣка о себѣ не опредѣляетъ его характера, то оно все-же входитъ важнымъ составнымъ элементомъ въ его характеръ. То же самое и съ деклараціями партій. Намъ всегда важно противопоставить то, что кадеты говорятъ, тому, что они дѣлаютъ: и въ томъ случаѣ, когда они обѣщаютъ больше, чѣмъ даютъ, и тогда, когда они вынуждены пойти дальше, чѣмъ хотѣли. Мы потребуемъ отъ кадетовъ во время выборовъ, чтобъ они ясно и точно опредѣлили, что и какъ они думаютъ дѣлать. Мы закрѣпимъ ихъ отвѣты въ памяти избирателей. И мы сумѣемъ въ нужный часъ вскрыть всѣ противорѣчія и сдѣлать всѣ выводы.

— Да, но возможны ли для насъ избирательныя соглашенія съ кадетами, разъ они заранѣе заявляютъ перомъ своихъ публицистовъ, что цѣль этихъ соглашеній—двинуть демократическую буржуазію на путь революціонной борьбы — встрѣтитъ рѣшительный отпоръ съ ихъ стороны?

Не только возможны, но и обязательны. Развѣ мы думаемъ воздѣйствовать на политику демократіи черезъ политическое сознаніе ея публицистовъ? Развѣ мы ставимъ своей задачей—переубѣдить кадетскихъ депутатовъ въ Думѣ и силою логики, краснорѣчія, такта и тысячи другихъ достоинствъ перетянуть ихъ въ лагерь революціи?

Такіе надежды и планы были бы достойны осмѣянія! Мы примѣняли бы къ кадетамъ лишь ту жалкую тактику, посредствомъ которой они сами столько разъ пытались завлечь правительство на путь либерализма.

Нѣтъ, мы строимъ нашу тактику на объективной логикѣ событій. Наивное, но мощное въ стихійности и массовидности своей пролетарское возстаніе 9-го января, а не наши убѣжденія заставило буржуазную демократію принять лозунгъ Учредительнаго Собранія и всеобщаго избирательнаго права. Октябрская стачка заставила слагавшуюся конституціонно-демократи-

ческую партію присягнуть на вѣрность революціи. Разгонъ Думы, а не наши убѣжденія заставилъ кадетовъ написать и подписать выборгское воззваніе.

— Но вѣдь они отказались отъ всего этого! Но вѣдь они пронесли черезъ всѣ испытанія въ полной неприкосновенности весь багажъ своего политическаго филистерства. Гдѣ же основанія надѣяться, что новый крахъ излѣчитъ ихъ?

Кого ихъ: господъ Милюкова, Петрункевича, Родичева?... Но развѣ наша работа состоитъ въ перевоспитаніи либеральныхъ политиковъ? Нѣтъ, она заключается въ томъ, чтобы, опираясь на завоеванія, сдѣланныя кадетами въ отсталыхъ слояхъ мѣщанства, двинуть мобилизованныя кадетами общественныя группы впередъ и оттиснуть либеральныхъ вождей на другіе, болѣе отсталые и косные слои. Г-да Милюковы и Петрункевичи не мѣняются,—но развѣ они сохраняютъ въ неизмѣнномъ составѣ свою армію? Развѣ выборгское воззваніе—и принятіе его и отреченіе отъ него—не сыграло роли анти-кадетской прививки, сдѣланной самими кадетами? Какое же значеніе можетъ для насъ имѣть тотъ фактъ, что кадеты грозятъ бороться противъ превращенія Думы въ орудіе революціи? Для насъ достаточно того, что за кадетами идутъ еще такіе соціальные элементы, на которые революція имѣетъ всѣ права. Мы должны ей помочь реализовать эти права. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кадетамъ будутъ противостоять реакціонные кандидаты, и гдѣ рѣшеніе вопроса будетъ зависѣть отъ насъ, мы бросимъ наши бюллетени въ кадетскія урны и съ спокойной соціалистической совѣстью пошлемъ кадетовъ навстрѣчу ихъ судьбѣ.

VI.

Та точка зрѣнія на избирательныя соглашенія, которую мы отстаиваемъ, исключаетъ самую возможность вопроса о какой бы то ни было совмѣстной съ другими партіями избирательной платформѣ, или о какихъ-нибудь общихъ, спеціально для соглашенія созданныхъ, избирательныхъ лозунгахъ. Попытка т. Плеханова предложить обѣимъ партіямъ «полновластную Думу», въ качествѣ объединительной формулы, пред-

ставляется намъ мертворожденной. Наиболѣе безпощадной критикѣ подвергла плехановское предложеніе газета «Рѣчь»,— центральный органъ той именно партіи, ради которой т. Плехановъ утруждалъ себя, создавая свою алгебраическую формулу». «Весь вопросъ въ томъ,—совершенно справедливо пишетъ газета г. Милюкова,—можемъ ли мы на выборахъ оперировать «алгебраическимъ знакомъ», скрывающимъ за собой двѣ взаимноисключающія другъ друга ариѳметическія величины?» «Рѣчь» отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Правда, въ свое время «двусмысленный» лозунгъ Учредительнаго Собранія сыгралъ объединительную роль. Но дѣло въ томъ, что двусмысленность его не была ни съ чьей стороны преднамѣренной,— вся дальнѣйшая агитація эту двусмысленность вскрыла и тѣмъ заставила кадетовъ отказаться отъ самой формулы. Теперь же т. Плехановымъ предлагается искусственно и сознательно создать *завѣдомо* двусмысленный лозунгъ «полновластной Думы». Въ чемъ же тогда будетъ состоять содержаніе агитаціи вокругъ этого лозунга? Въ томъ ли, чтобъ эту двусмысленность скрывать и тѣмъ поддерживать искусственно построенную фикцію единаго лозунга? Или же въ томъ, чтобы, наоборотъ, вскрыть предъ массой такого рода двусмысленность, какъ только она всплыветъ въ политической борьбѣ? До сихъ поръ мы привыкли въ нашей агитаціи разоблачать двусмысленности, а не создавать ихъ. У партіи нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній мѣнять эту привычку.

«Рѣчь» въ сущности не противъ двусмысленности вообще,— что сталось бы съ либеральной мыслью, еслибъ отнять у нея пищу двусмысленныхъ формулъ и оборотовъ!—нѣтъ, «Рѣчь» противъ данной формулы потому, что ея двусмысленность слишкомъ прозрачна и революціонно скомпрометирована.

«Полновластная дума,—пишетъ газета,—этотъ терминъ уже *былъ* использованъ *партійно, въ противоположность* пониманію задачъ Думы партіей народной свободы. Мало того, именно пропаганда идеи «полновластной Думы» и оказалась тѣмъ предлогомъ, который далъ разгону Думы нѣкоторую внѣшнюю видимость законности. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія партіи народной свободы, если есть какой-либо лозунгъ, употребленія котораго надо избѣгать, какъ не только двусмыслен-

наго, но и крайне опаснаго, то это именно есть лозунгъ «полновластной Думы».

«Рѣчь» съ своей стороны предлагаетъ объединительную платформу, превосходную въ своей простотѣ: 1) возвращеніе во вторую Думу стараго думскаго (т. е. кадетскаго) большинства; 2) образованіе министерства изъ думскаго большинства, т. е. изъ кадетовъ. Словомъ, умная и добрая «Рѣчь» предлагаетъ намъ такую тактику, что остается только спросить: какъ же мы стали бы дѣйствовать въ томъ случаѣ, если-бъ просто стали кадетами? Именно такъ, какъ рекомендуетъ «Рѣчь»: мы призывали бы всѣхъ голосовать за кадетовъ и требовали бы кадетскаго министерства. Но такъ какъ обновленную Россію мы надѣемся извлечь не изъ портфеля г. Милюкова; такъ какъ, по нашему разумѣнію, для очистки самодержавныхъ конюшенъ, изъ которыхъ еще не выведены ихъ постояльцы, нужно нѣчто большее, чѣмъ пять-шесть «призванныхъ» къ власти либеральныхъ добряковъ; такъ какъ у насъ есть сверхъ того кое-какія обязательства по отношенію къ пролетаріату, которыхъ никто за насъ не выполнитъ,—то мы со всей почтительностью вынуждены отказаться отъ предлагаемаго намъ превращенія въ рабочій хоръ при кадетскихъ солистахъ.

Изъ разсужденій «Рѣчи» слѣдуютъ во всякомъ случаѣ два вывода.

Первый мы уже формулировали по другому поводу выше: соціалдемократія обличаетъ либераловъ за непослѣдовательность ихъ либерализма, за несогласованность ихъ тактики съ ихъ собственной демократической или полудемократической программой; либералы же ставятъ намъ неизмѣнно въ вину то, что въ нашей тактикѣ мы стоимъ на почвѣ классовой борьбы, что мы революціонные соціалисты, что мы не либералы, что мы не *плохіе* либералы, что мы не представляемъ копіи съ нашихъ критиковъ и противниковъ. Мы требуемъ отъ либераловъ, чтобъ они были вѣрны себѣ. Либералы требуютъ отъ насъ, чтобы мы превратились въ свою противоположность. Оттого соціалистическая критика получаетъ моральное содержаніе и практически дѣйственна, — тогда какъ критика, исходящая отъ либерализма, расплывается въ безпредметныхъ іеремиадахъ. Оттого соціалистическая критика всюду шагъ за шагомъ вырываетъ почву изъ-подъ ногъ либерализма.

Второй выводъ, тѣсно связанный съ первымъ, таковъ. При рѣзко выраженной, многообразной и сложной политической борьбѣ соціальной демократіи и демократіи буржуазной, наивно мечтать объ установленіи между ними «божьяго мира» на избирательный сезонъ; и еще наивнѣе думать, что этотъ миръ можетъ быть достигнутъ путемъ двусмысленныхъ формулъ и словесныхъ обходовъ. Какъ ртутный столбъ барометра, либерализмъ держится на извѣстной высотѣ только подъ внѣшнимъ давленіемъ—подъ давленіемъ революціонныхъ массъ. Мы можемъ воздѣйствовать на либерализмъ лишь постольку, поскольку мы воздѣйствуемъ на массы. Если мы начинаемъ лавировать между революціонными и либеральными лозунгами и мѣнять ихъ въ зависимости отъ преходящихъ настроеній буржуазной демократіи, если мы вступаемъ на путь той якобы реалистической политики, которая на самомъ дѣлѣ есть жалкій импрессіонизмъ, мы вносимъ только замѣшательство въ сознаніе массы и повышаемъ требовательность и косность либерализма, — косность—по отношенію къ абсолютизму, требовательность — по отношенію къ намъ. Стоитъ намъ сегодня сдѣлать шагъ навстрѣчу либерализму,—и либерализмъ сдѣлаетъ немедленно два шага въ сторону реакціи; въ результатѣ онъ окажется отъ насъ дальше, чѣмъ былъ вчера. Еще только на дняхъ они мечтали о соглашеніи съ соціалдемократами безъ всякихъ условій и ограниченій, — теперь, когда вопросъ о сдѣлкахъ съ кадетами занялъ въ нашей партійной жизни непропорціонально большое мѣсто, когда изъ нашей среды стали выдвигаться объединительныя формулы, имѣющія своей тенденціей превратить техническія соглашенія въ политическій блокъ, кадеты не только не растрогались и не пошли намъ навстрѣчу, но, наоборотъ, повысили свою требовательность до такихъ предѣловъ, что даже г-жа Кускова потеряла всякое терпѣніе. Выходитъ, будто нашъ утонченный «тактъ» питаетъ ихъ безтактность. Кадеты говорятъ намъ: «вы хотите соглашенія? прекрасно! вотъ вамъ лозунги: кадетская Дума и кадетскіе министры по приглашенію изъ Царскаго Села. Все, что сверхъ этого, то отъ лукаваго!»

— Позвольте, господа, вы слегка забываетесь, мы вовсе не просили у васъ вашихъ лозунговъ,—сохраните ихъ при себѣ

до того момента, пока массы, на которыя мы опираемся, не заставятъ васъ измѣнить ихъ,—или не выбросятъ васъ за ворота вмѣстѣ съ вашими лозунгами. Все, чего мы хотимъ, это избирательныя соглашенія въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо будетъ совмѣстными голосами помѣшать избранію черныхъ кандидатовъ. Для того, чтобы такія соглашенія были возможны, вы должны только считать для себя болѣе выгоднымъ имѣть въ Думѣ налѣво отъ себя соціалдемократовъ, чѣмъ направо — черносотенцевъ. Но для того, чтобы внушить вамъ *такое* представленіе о насъ, мы ни одного волоса не сдвинемъ на нашей головѣ.

Не доктринерство, а самый глубокій реалистическій расчетъ не позволяетъ намъ во имя мнимаго объединенія ставить между партіей и массой ширмы двусмысленныхъ лозунговъ.

«A force de se cacher aux autres on finit par ne plus se retrouver soi-même»... говорится въ одной драмѣ Метерлинка. Пряча свою душу отъ другихъ, кончаешь тѣмъ, что и самъ перестаешь находить ее. Это относится не только къ индивидуальной, но и къ коллективной душѣ политическихъ партій.

VII.

Намъ необходимо имѣть въ Думѣ группу соціалдемократическихъ депутатовъ, которые были бы способны не только съ честью представлять партію въ политическихъ дебатахъ, но и стать въ центрѣ всего того народнаго движенія, которое завяжется вокругъ Думы и которое подчинитъ себѣ Думу. Съ этой точки зрѣнія для насъ не имѣетъ *самостоятельнаго* значенія, проведемъ ли мы въ Думу 10, 15 или 30 депутатовъ. На большинство мы, разумѣется, не надѣемся. Каждый депутатъ въ отдѣльности для насъ цѣненъ лишь постольку, поскольку онъ фиксируетъ на себѣ, какъ на представителѣ ясно очерченной партіи, вниманіе своихъ избирателей и тѣмъ организуетъ ихъ вокругъ соціалдемократіи. Но это будетъ достигнуто лишь въ томъ случаѣ, если кандидатъ нашей партіи пройдетъ въ результатѣ рѣзко выраженной политической кон-

куренціи со всѣми другими партіями. Всякое общее соглашеніе, упреждающее избирательную агитацію и связывающее ее объединительной платформой, заранѣе обезцѣниваетъ для насъ, какъ соціалдемократовъ, благопріятный исходъ выборовъ. Совершенно недостойно нашей партіи, скажу я прямо, сосредоточивать столько вниманія и страсти вокругъ такого третьестепеннаго вопроса, какъ соглашенія съ кадетами. Будутъ или не будутъ соглашенія, во многихъ мѣстахъ или въ немногихъ, на первой или на второй стадіи, мы должны сейчасъ сосредоточить всю свою энергію на созданіи благопріятныхъ условій какъ для этихъ возможныхъ соглашеній, такъ и вообще для исхода всей избирательной кампаніи. А такія условія можетъ создать только свободная, ничѣмъ не связанная политическая агитація.

Если стать на точку зрѣнія соглашенія на основѣ общей платформы и предварительнаго распредѣленія ролей и мѣстъ, тогда въ руководительницы нужно выбрать г-жу Кускову. Она укажетъ, какъ намъ сѣсть, къ тому жъ у ней и ноты есть. Какъ истинная реалистка, г-жа Кускова исходитъ не изъ реально совершающейся партійной борьбы, выражающей разные интересы и взгляды, а изъ своего собственнаго (и потому именно для всѣхъ партій обязательнаго) представленія о томъ, чѣмъ должна быть Дума. Дума должна быть политическимъ микрокосмомъ. Поэтому буржуазная оппозиція должна заранѣе позаботиться о представительствѣ соціалистической демократіи, а эта послѣдняя — о представительствѣ демократической буржуазіи. Представительство вліятельныхъ партій въ Думѣ, всегда и вездѣ являющееся результатомъ политическаго соперничества и выборной конкуренціи, по плану г-жи Кусковой должно явиться дѣломъ предварительнаго полюбовнаго соглашенія партій на основѣ того представленія о задачахъ Думы, какое имѣетъ... г-жа Кускова. Этотъ превосходный политическій реализмъ, который такъ и дышитъ интеллигентской газетной канцеляріей, нашелъ въ «Товарищѣ» цѣлый рядъ сторонниковъ. Г. Хижняковъ взялъ на себя задачу предостеречь партіи отъ имени безпартійнаго избирателя. «Каждая партія,—пишетъ онъ,—для насъ неудовлетворительна, если она одна, ибо она одна не можетъ представить собою всѣхъ слоевъ и всѣхъ дѣйствующихъ прогрессив-

ныхъ силъ... Ни въ коемъ случаѣ *не тактика*, выставленная той или иной партіей въ настоящій моментъ, *должна опредѣлять отношеніе къ выдвигаемымъ ею кандидатамъ*. Ибо тактика будущаго, — дѣло только будущаго(!). Она должна рѣшаться въ думѣ представителями всѣхъ тактикъ такъ, какъ опредѣляется она страной... Только соглашеніе между партіями,—при которомъ партіи получили бы каждая приблизительно такое число мѣстъ, какими, количественно, симпатіями она пользуется,—даетъ правильное рѣшеніе вопроса» (№127, курс. мой). Вотъ какъ разсуждаютъ нынче политическіе реалисты, которые, впрочемъ, очень похожи на политическихъ гимназистовъ—и притомъ не старше четвертаго класса. Оказывается, что выборы депутатовъ «ни въ коемъ случаѣ» не должны опредѣляться вопросами тактики, ибо «тактика будущаго—дѣло исключительно будущаго». Самъ Прутковъ не взглянулъ бы на вопросъ глубже. Потомъ оказывается, что тактика будетъ рѣшаться въ Думѣ представителями всѣхъ тактикъ такъ, какъ опредѣлитъ страна. Но какимъ образомъ въ Думѣ окажутся необходимые представители «всѣхъ тактикъ», если выборъ «ни въ коемъ случаѣ» не можетъ опредѣляться соображеніями тактики, этого авторъ не указываетъ. Далѣе у него слѣдуетъ уже совершенно реакціонная болтовня на тему о томъ, что лишь безпартійный избиратель, «свободный отъ партійной, т. е. *частной*, *исключительной*, точки зрѣнія, единственно способенъ взглянуть на дѣло *съ точки зрѣнія общихъ интересовъ*». Безпартійность обывателя, т.-е. его политическая отсталость, безформенность, некультурность и пассивность, возводится въ доблесть. Партійной позиціи, совершенно въ духѣ блаженной памяти 80-хъ годовъ, противопоставляется «точка зрѣнія общихъ интересовъ». Если она у васъ есть, эта точка зрѣнія, то вы обязаны ее положить въ основу вашей программы и на этой программѣ строить новую партію. А если вы этого не дѣлаете, значитъ, ваша точка зрѣнія для дѣла «общихъ интересовъ» не стоитъ выѣденнаго яйца. Впрочемъ, мы сейчасъ вовсе не имѣемъ въ виду объяснять политическимъ реалистамъ, гимназистамъ и гимназисткамъ старшаго возраста связь между партійностью и общими интересами. Достаточно установить, что г. Хижняковъ совершенно напрасно беретъ на себя трудъ высказываться отъ

имени безпартійнаго избирателя. Этотъ послѣдній вовсе не отличается той претенціозностью, которою его надѣляетъ отъ собственныхъ избытковъ публицистъ «Товарища». Обыватель непартіенъ въ одной своей части потому, что онъ безнадежно пассивенъ, въ другой—потому, что онъ *еще не успѣлъ* опредѣлить своихъ партійныхъ симпатій. Помочь ему въ этомъ дѣлѣ, дать ему возможность свою ревность объ «общихъ интересахъ» перевести на языкъ программы и превратить въ политическую дѣятельность—задача партіи. Блокъ между ними, несомнѣнно, затруднилъ бы политическое самоопредѣленіе обывателя; свободная конкуренція, наоборотъ, облегчитъ выборъ. Изображать этого отсталаго избирателя какимъ-то таинственнымъ надпартійнымъ существомъ, которое блюдетъ высшіе интересы страны, могутъ только *доктринеры безпартійности*, эти бѣдныя интеллигентскія созданія, ютящіяся въ каждой междупартійной щели.

Политика доктринеровъ «Товарища»—политика діагонали. Въ реальной жизни участвуютъ живыя общественныя силы, отъ которыхъ берутъ свое начало политическія партіи. Роль партій опредѣляется соотношеніемъ силъ. Общая политика идетъ по діагонали параллелограма, сторонами котораго являются дѣйствующія силы. Равнодѣйствующая не есть нѣчто самостоятельное, она лишь производный результатъ образующихъ. Каждому сознательному пролетарію, части огромнаго цѣлаго, совершенно ясно, что для того, чтобы отклонить равнодѣйствующую въ свою сторону, необходимо развить наивысшую энергію въ направленіи своихъ классовыхъ интересовъ. Въ той или иной мѣрѣ этотъ законъ ясенъ всѣмъ соціальнымъ элементамъ съ болѣе или менѣе выраженной классовой физіономіей. Но интеллигентъ, оторванный отъ массовой практики, особенно если это публицистъ, привыкшій къ литературно-политическимъ спекуляціямъ, легко приходитъ къ мысли, что вмѣсто того, чтобы опредѣлять равнодѣйствующую въ процессѣ фактическаго соразмѣренія силъ, выгоднѣе теоретически предопредѣлить ее и призвать обѣ стороны направиться по ней безъ борьбы,—ибо ясно, что это дастъ большой выигрышъ силы. Раціоналисты до мозга костей, эти господа могутъ сколько угодно «признавать» классовую борьбу; она для нихъ все

равно, остается лишь предметомъ метафизической спекуляціи,—на практикѣ они неизмѣнно стремятся ее парализовать и замѣнить болѣе «экономными» методами развитія.

Для насъ, соціалдемократовъ, завоеваніе, полученное въ результатѣ массовой политической борьбы, неизмѣримо болѣе цѣнно, чѣмъ такое же завоеваніе, добытое путемъ закулиснаго соглашенія,—ибо въ первомъ случаѣ вносится нѣчто нетлѣнное въ сокровищницу массового сознанія, во второмъ—получается практическій выигрышъ, который такъ же легко упустить, какъ легко онъ былъ взятъ. Выборы для насъ не простая погоня за призомъ въ видѣ депутатскихъ мѣстъ, а борьба развернутымъ фронтомъ, агитація, обличенія, очныя ставки, мобилизація массъ вокругъ соціалистическаго знамени. А для этого намъ прежде всего нужны совершенно свободныя руки.

Г. Богучарскій, тоже безпартійный доктринеръ, очень обезпокоенъ стремленіемъ политическихъ партій сохранить въ избирательной борьбѣ свою независимость. «Каждая партія,—жалуется этотъ политикъ «былого»,—хочетъ сохранить незапятнаннымъ свое цѣломудріе, совершенно забывая, что, при всѣхъ своихъ драгоцѣнныхъ качествахъ, цѣломудріе имѣетъ и одинъ очень крупный недостатокъ: оно *всегда* безплодно...» («Тов.», № 125). Намъ несовсѣмъ ясно, что понимаетъ г. Богучарскій подъ цѣломудріемъ въ политикѣ; но намъ совершенно ясно, что то поведеніе, къ которому неустанно склоняютъ соціалдемократію бывшіе марксисты и отставные освобожденцы, есть... (мы извиняемся, но съ разрѣшенія г. Богучарскаго мы продолжаемъ его метафору) есть сплошной адюльтеръ, въ русскомъ переводѣ: прелюбодѣяніе. А извѣстно, что эта «практика» тоже не очень плодородна. И, наконецъ, разъ ужъ зашла рѣчь о безплодности, то я позволю себѣ спросить г. Богучарскаго: что можетъ быть безплоднѣе политика-резонера изъ безпартійныхъ отечественныхъ ревизіонистовъ, а ихъ ужъ, разумѣется, никто не заподозритъ въ политическомъ цѣломудріи?

VIII.

...Оказывается, что безпартійный обыватель или, вѣрнѣе, идея безпартійнаго обывателя внушила необыкновенную самоувѣренность цѣлому ряду междупартійныхъ интеллигентовъ. Не успѣлъ еще г. Богучарскій, какъ слѣдуетъ, щегольнуть отсутствіемъ всякаго цѣломудрія, какъ появились междупартійные Штильманы съ явнымъ желаніемъ показать, что и они на этотъ счетъ не лыкомъ шиты.

Но они не убѣждаютъ, они почти грозятъ.

— Обыватель въ массѣ своей безпартіенъ, но настроенъ оппозиціонно. Онъ хочетъ имѣть въ Думѣ представителей всѣхъ партій, враждебныхъ власти. Безпартійная интеллигенція имѣетъ на обывателя огромное вліяніе. Если кадеты не раскаются въ своемъ упрямствѣ и не пойдутъ навстрѣчу лѣвымъ, которые готовы объединиться на общей платформѣ, тогда не видать имъ обывателя, какъ своихъ ушей!

Если послушать этихъ безпартійныхъ политиковъ, то можетъ показаться, будто они давно уже вступили съ «обывателемъ» (кто онъ?) въ сдѣлку и даже тайно образовали съ нимъ междупартійную партію. Тонъ безпартійныхъ вождей междупартійной партіи настолько независимъ, что никто бы и не повѣрилъ, будто эти люди все время тащились въ хвостѣ у кадетовъ. Эти послѣдніе, однако, какъ-бы слегка испугались. Завязался великолѣпный діалогъ.

— Позвольте, — говорятъ кадеты, — мы никогда не отрицали наличности безпартійнаго избирателя и вліянія на него безпартійной интеллигенціи. Въ высшей степени наоборотъ. Еще на прошлыхъ выборахъ мы отлично узнали, что такое безпартійный интеллигентъ: можно сказать, вотъ онъ гдѣ у насъ сидитъ (проф. Милюковъ указываетъ рукою)... То есть, мы хотѣли собственно сказать, что къ безпартійной интеллигенціи мы относимся съ полнымъ вниманіемъ. Но согласитесь, не можемъ же мы принять лозунги, враждебные всему нашему политическому естеству! Не можемъ же мы вести агитацію за политическую платформу борющейся съ нами партіи!

«Они» (и даже не «они», а только *одинъ* изъ нихъ) говорятъ: «*полновластная Дума*»; но вѣдь это же пахнетъ конвентомъ. Подумайте, можемъ ли мы стоять за конвентъ? Можетъ ли г. Кутлеръ претендовать на роль Марата? Похожъ ли г. Струве на Сенъ-Жюста,—посмотрите сами на него: похожъ?

— Дѣло совсѣмъ не въ томъ, похожъ ли г. Струве на Сенъ-Жюста,—отвѣчаютъ представители безпартійнаго легіона,—г. Струве можетъ быть ни на что не похожъ; дѣло не въ той или иной формулѣ, и авторъ «полновластной Думы» не раскольникъ, чтобъ стоять за букву. Важно принципіальное согласіе вступить въ союзъ съ цѣлью уравнительнаго распредѣленія думскихъ мѣстъ. Слѣва мы видимъ терпимость и готовность (кадеты дѣлаютъ большіе глаза), вы же проявляете совершенно недоступную самоувѣренную нетерпимость. Основой соглашенія могутъ быть сдѣланы думскій адресъ и требованіе думскаго министерства. Мы спрашиваемъ васъ,—восклицаютъ безпартійные тономъ ультиматума:—*да* или *нѣтъ?*

— Позвольте, господа,—возражаютъ кадеты,—здѣсь какъ бы нѣкоторое недоразумѣніе... Мы отказывались отъ конвента, но вы говорите: думскій адресъ? вы говорите: думское министерство? Вѣдь это же *наши* требованія, это же *наша* избирательная платформа. Вы насъ спрашиваете, возможенъ ли для насъ союзъ съ соціалдемократами на почвѣ *нашей* платформы? Конечно, возможенъ! Какъ же вы могли насъ заподозривать въ *такой* нетерпимости? Мы всегда широко смотримъ на вещи.

— Такъ вы, значитъ, согласны?—спрашиваютъ безпартійные.—Вы, значитъ, отступаете отъ вашей первоначальной позиціи? Это все, что требовалось. Мы удовлетворены, мы совершенно удовлетворены!

— Вѣдь мы же говорили, что здѣсь одно недоразумѣніе,—предупредительно извиваются кадеты.—Но увѣрены ли вы въ лѣвыхъ? Въ концѣ концовъ, до сихъ поръ только одинъ Плехановъ обмолвился объединительной платформой, да и у того въ сущности вышелъ конвентъ. А что скажутъ остальные? Что скажутъ рабочіе, которыхъ цѣлый годъ возстановляли противъ насъ? Спросите ихъ, согласны ли они вести агитацію за нашу платформу? Или вы, можетъ быть, уже заручились ихъ согласіемъ? Вы вотъ давеча изволили насъ упрекать въ нетер-

пимости,—начинаютъ кадеты наступать,—но вѣдь это же чистая несправедливость; мы, какъ всегда, идемъ вамъ навстрѣчу: вотъ наша платформа, берите ее, агитируйте за нее; пусть за нее агитируютъ соціалдемократы... если только они согласны. Но постучитесь къ нимъ. Вотъ гдѣ вы найдете настоящую нетерпимость! Вотъ гдѣ доктринеры и фанатики! Вотъ куда вамъ должно обратить остріе вашей полемики!

Поставивъ столь блестяще вопросъ, кадеты начинаютъ весело смѣяться себѣ въ бороду. А безпартійные «побѣдители» смущенно бормочутъ: «Ну вотъ и прекрасно,—кадеты сдались: они совершенно согласны, чтобъ соціалдемократы вели агитацію за кадетскіе лозунги. Итакъ, одна позиція завоевана».

На этомъ пока—3-го сего декабря—діалогъ остановился. Но можно легко предвидѣть, чѣмъ онъ закончится. Господа безпартійные приступятъ къ «завоеванію» второй позиціи и постучатся къ соціалдемократамъ. Если-бъ эти послѣдніе отличались кадетской обаятельностью и широтою взгляда, они отвѣтили бы въ свою очередь: «Могли ли вы сомнѣваться въ нашей готовности вступить въ политическій союзъ съ либералами? Помилуйте, если только кадеты обязуются не сѣять вредныхъ иллюзій насчетъ разрѣшенія основной національно-исторической задачи, если только кадеты согласятся вести агитацію на основѣ *нашихъ* программно-тактическихъ лозунговъ, тогда, разумѣется, мы пойдемъ имъ и вамъ навстрѣчу». Послѣ такихъ словъ наши безпартійные простаки окончательно растаяли бы. Обѣ стороны согласны,—остается, слѣдовательно, *только* согласовать программные и тактическіе лозунги либеральной буржуазіи и соціалдемократическаго пролетаріата, и г-жа Кускова сможетъ сказать: нынѣ отпущаеши... Нужно, однако, думать, что соціалдемократы отвѣтятъ болѣе прямо и рѣшительно безтолковымъ безпартійнымъ свахамъ, указавъ имъ на все неприличіе ихъ предложеній. Тогда, разумѣется, вся отвѣтственность за несостоявшееся объединеніе падетъ на головы этихъ злостныхъ фанатиковъ. За то, что г-жѣ Кусковой не удастся объять необъятное, въ отвѣтѣ окажется не ея наивнѣйшій и безпочвеннѣйшій утопизмъ, не классовая природа либерализма и даже не классовая природа соціалдемократіи, а злая воля соціалдемократическихъ доктринеровъ. C'est simple comme bonjour,—

это ясно, какъ день божій. И въ результатѣ та самая безпартійная интеллигенція, которая исходила какъ-будто изъ намѣренія повысить шансы партіи пролетаріата на представительство въ Думѣ, кончитъ, пожалуй, тѣмъ, что поплетется за кадетами, привлекая къ нимъ по мѣрѣ силъ безпартійнаго «обывателя».

IX.

Только широкая партійная конкуренція можетъ дѣйствительно сплотить вокругъ Думы народныя силы. Но возникаетъ вопросъ: допускаетъ ли нашъ возмутительный избирательный законъ, дополненный разъясненіями столыпинствующаго сената, представительство рабочихъ массъ, сколько-нибудь пропорціональное ихъ дѣйствительному значенію? И если нѣтъ,—а вѣдь ясно, что *нѣтъ!*—то не можетъ ли эта ненормальность быть исправлена путемъ общаго соглашенія, по крайней мѣрѣ, тѣхъ партій, которыя признаютъ принципъ всеобщаго и равнаго права голоса? Нѣкоторые публицисты «Товарища» искренно хлопочутъ именно объ этомъ. Они пытаются убѣдить кадетовъ, что тѣ, какъ *демократы*, обязаны будутъ слегка посторониться и дать дорогу представителямъ пролетаріата даже въ томъ случаѣ, если наша выборная система сдѣлаетъ ихъ, кадетовъ, господами положенія въ петербургской или московской коллегіи выборщиковъ,

Кто знакомъ съ вычисленіями тов. Лосицкаго, тотъ знаетъ, какое возмутительное неравенство создаетъ избирательная система 6 авг.—11 дек. Больше всего ограбленъ пролетаріатъ, слѣдовательно въ наихудшія условія поставлена соціалдемократія.

Сенатскія разъясненія, въ свою очередь, всей тяжестью обрушились на пролетаріатъ и крестьянство. Можно съ увѣренностью сказать, что кадеты, какъ отдѣльная *партія*, а не какъ составная часть оппозиціи, во многихъ случаяхъ прямо выиграли отъ сенатскихъ разъясненій, которыя въ городѣ ослабили почти исключительно соціалдемократію, а въ деревнѣ — главнымъ образомъ трудовиковъ. Нѣтъ рѣшительно ничего не-

возможнаго въ томъ, что въ Петербургѣ, гдѣ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ имѣлъ за себя не менѣе 200,000 голосовъ взрослыхъ рабочихъ, ни одному представителю пролетаріата не найдется мѣста въ Думѣ. Для этого достаточно, чтобъ у кадетовъ въ коллегіи выборщиковъ оказалось относительное большинство, избавляющее ихъ отъ необходимости искать поддержки соціалдемократическихъ выборщиковъ. И если-бы въ нашемъ распоряженіи не было ничего, кромѣ упованій на демократическую совѣсть кадетовъ, шансы рабочаго представительства стояли бы очень низко. Они нисколько, разумѣется, не поднялись бы отъ благожелательнаго вмѣшательства посредниковъ изъ «Товарища», достаточно неавторитетныхъ для обѣихъ сторонъ. У насъ есть, однако, болѣе сильное средство: оно состоитъ въ *расширеніи избирательной кампаніи далеко за тѣ рамки, какія полагаетъ офиціальная система*. Разумѣется, мы не сможемъ проводить въ уполномоченные, въ выборщики и въ депутаты лицъ, не удовлетворяющихъ требованіямъ закона, и не сможемъ при этомъ нарушать тѣ пропорціи, какія установлены закономъ и его офиціальными лжетолкователями. Но то, что мы сможемъ и должны сдѣлать, это собрать вокругъ каждаго «офиціальнаго» выборщика и депутата какъ можно больше «неофиціальныхъ» голосовъ. Рабочіе промышленныхъ предпріятій, занимающихъ меньше ста рукъ, лишены избирательнаго права. Мы должны привлечь ихъ къ участію въ голосованіи. Они могутъ передать свои голоса уполномоченнымъ болѣе крупныхъ предпріятій или выбирать собственныхъ уполномоченныхъ, которые разумѣется, не войдутъ въ указанныя коллегіи, но которымъ, тѣмъ не менѣе, офиціальные уполномоченные дадутъ возможность оказать вліяніе на исходъ кампаніи, принявъ во вниманіе ихъ голоса при опредѣленіи выборщиковъ. То же самое съ желѣзнодорожными рабочими. То же самое съ безработными. То же самое съ торговыми рабочими, съ чернорабочими, съ извозчиками, съ прислугой. Всѣ голоса должны быть зарегистрированы; передовые рабочіе должны призвать массу къ выработкѣ наказовъ своимъ уполномоченнымъ и выборщикамъ для передачи депутату, и подъ этими наказами должны собираться подписи далеко за предѣлами промышленныхъ предпріятій, надѣленныхъ «правами».

Эта кампанія не должна ограничиваться только пролетарскими массами. Мѣщанство, интеллигенція, студенчество должны быть также привлечены въ лицѣ своихъ лѣвыхъ элементовъ къ голосованію за соціалдемократическихъ депутатовъ. Чѣмъ шире мы развернемъ эту кампанію, тѣмъ меньше мы будемъ зависѣть отъ демократической снисходительности какихъ-нибудь кадетовъ. Какое значеніе могутъ имѣть доброжелательныя ходатайства литературной группки «Товарища» предъ кадетами за пролетаріатъ въ сравненіи съ давленіемъ самого пролетаріата на кадетовъ? Путемъ самостоятельной и ничѣмъ не связанной агитаціи намъ нужно сплотить массы вокругъ соціалдемократіи— не вокругъ «оппозиціи» вообще, а вокругъ нашей партіи, — и двери Думы раскроются предъ представителями пролетаріата. Мы противопоставимъ кадетскимъ выборщикамъ десятки тысячъ, сотни тысячъ поданныхъ за насъ голосовъ, — и пусть послѣ этого кадеты проводятъ отъ Петербурга шесть Кутлеровъ. Пусть они *посмѣютъ* дѣлать это! Мы сможемъ очень спокойно смотрѣть на то, какъ либеральные «представители народа» полѣзутъ въ думскую щель, повернувшись спиною къ народнымъ массамъ. И если-бы оказалось, что отъ Петербурга мы не проведемъ ни одного депутата, наши выборщики передадутъ свои наказы и голоса соціалдемократу, избранному отъ другого мѣста. Какъ бы ни была мала соціалдемократическая фракція Думы, рабочія массы будутъ объединены вокругъ нея, и каждый изъ нашихъ депутатовъ сможетъ, какъ писалъ я въ органѣ печатниковъ, сказать: «Въ моемъ мизинцѣ больше народныхъ голосовъ, чѣмъ у десятка дворянскихъ или буржуазныхъ депутатовъ, вмѣстѣ взятыхъ».

Подвожу выводы:

1) Для того, чтобъ парализовать опасность реакціонныхъ выборовъ, гдѣ такая опасность существуетъ, совершенно достаточно избирательной сдѣлки чисто-практическаго характера. Чтобъ совмѣстно съ кадетами отшвырнуть Крушевана, нѣтъ надобности выдумывать объедительныя платформы. Болѣе того: нѣтъ никакой надобности смягчать свою критику кадетовъ.

2) Лучше сдѣлка на второй стадіи, чѣмъ на первой. Но лучше сдѣлка на первой стадіи, чѣмъ Крушеванъ.

3) Чѣмъ шире и глубже избирательная борьба, тѣмъ легче можно произвести предварительный учетъ силъ; тѣмъ съ меньшимъ рискомъ можно отложить соглашеніе до второй стадіи выборовъ.

4) Для того, чтобы хоть отчасти парализовать возмутительное неравенство избирательныхъ правъ и обезпечить въ Думѣ за пролетаріатомъ если не представительство, то вліяніе, сколько-нибудь пропорціональное его силѣ, есть только одинъ путь: расширеніе избирательной кампаніи далеко за предѣлы офиціальной куріи и давленіе на либеральныхъ выборщиковъ силою безправныхъ и полуправныхъ народныхъ массъ, объединенныхъ вокругъ нашего партійнаго знамени. Соглашеніе съ либералами на почвѣ общей платформы было бы поэтому съ нашей стороны добровольнымъ самоубійствомъ.

Рабочій съѣздъ.

I. Письмо П. Б. Аксельроду.

Дорогой П. Б.! Насколько можно судить по доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, Вы дѣятельно работаете надъ созывомъ рабочаго съѣзда. При извѣстныхъ условіяхъ, которыхъ, вѣроятно. не придется долго ждать, рабочій съѣздъ станетъ неизбѣжнымъ. Намъ необходимо итти навстрѣчу ему, какъ въ интересахъ революціи, такъ и въ интересахъ нашей партіи—если эти интересы можно раздѣлять. И я думаю, что Вы, П. Б., болѣе, чѣмъ кто-либо другой въ рядахъ нашей партіи, можете взять на себя *фактическое* руководство созывомъ рабочаго съѣзда, ибо для этого требуется способность пренебречь мелкими и мелочными соображеніями формально-революціоннаго или формально-партійнаго характера во имя широкой постановки дѣйствительно-революціонныхъ и дѣйствительно-партійныхъ задачъ. Я, какъ Вы, вѣроятно, знаете, принималъ близкое участіе въ дѣятельности Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, этой формально-безпартійной организаціи рабочихъ массъ. И я имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться, какое огромное преимущество получаетъ партія, когда она можетъ въ своей работѣ непосредственно опереться на организацію сотенъ тысячъ рабочихъ. До образованія Совѣта партія висѣла надъ революціоннымъ хаосомъ, чувства и настроенія котораго она только приблизительно отгадывала; послѣ образованія Совѣта, она оказалась лицомъ къ лицу съ организованнымъ представительствомъ класса. Совѣтъ не могъ стать *конкурентомъ* партіи; наоборотъ, онъ сдѣлался *аппаратомъ ея вліянія*. Не формально,

но по существу Совѣтъ былъ организаціей нашей партіи. Уже тотъ фактъ, что за Совѣтомъ стояли 200.000 рабочихъ, непосредственно ставилъ предъ нимъ, а значитъ и предъ партіей, большія политическія задачи, вынуждая обѣ фракціи отбросить въ сторону ничтожныя соображенія внутрипартійной конкуренціи. Но массовая рабочая организація не только внутренно облагораживала партію, связывая ее съ массой не принципіальной лишь, но дѣйствительной, живой, непосредственной, реальной связью,— она, эта массовая организація, создавала для насъ, кромѣ того, возможность революціоннаго сотрудничества съ той частью соціалистовъ-революціонеровъ, которая, работая въ рядахъ городского пролетаріата, перерождается, наперекоръ своимъ теоретическимъ предразсудкамъ, въ направленіи рабочаго соціализма.

Вопросъ о всероссійскомъ рабочемъ съѣздѣ выдвинулся уже въ періодъ существованія Совѣта. Для Петербургскаго Совѣта съѣздъ былъ естественнымъ выходомъ изъ противорѣчиваго положенія мѣстной организаціи, которая силою вещей вынуждена была брать на себя центральныя функціи.

Я лично былъ и остаюсь горячимъ сторонникомъ идеи съѣзда. Тѣмъ не менѣе я считалъ бы крайне нежелательной переоцѣнку его возможнаго значенія, такъ какъ при извѣстныхъ условіяхъ, такая преувеличенная оцѣнка можетъ очень вредно отозваться на судьбѣ нашей партіи.

Прежде всего,—и съ этимъ, Вы, конечно согласитесь,—рабочій съѣздъ можетъ имѣть значеніе лишь, какъ съѣздъ открытый, гласный. Для того, чтобы съѣздомъ интересовалась масса, нужно, чтобы депутаты выбирались на открытыхъ рабочихъ собраніяхъ; нужно, чтобы съѣздъ открыто засѣдалъ въ столицѣ; нужно, чтобы открытая рабочая пресса распространяла свѣдѣнія о немъ во всѣхъ углахъ. Словомъ, необходимы тѣ условія, въ которыхъ существовалъ *первый* Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.—Съѣздъ, организованный подпольно, засѣдающій въ Финляндіи или Швеціи, оповѣщающій о себѣ путемъ нелегальныхъ бюллетеней или чрезъ «хронику» буржуазной прессы, не можетъ имѣть для массъ *никакого значенія*. Въ этомъ организаторы съѣзда, безъ сомнѣнія, отдаютъ себѣ ясный отчетъ, такъ что на этомъ настаивать не приходится.

Съѣздъ станетъ возможенъ лишь на основѣ новаго революціоннаго подъема, который создастъ, несомнѣнно, на мѣстахъ массовыя рабочія организаціи, совѣты депутатовъ. Весьма возможно, что самый съѣздъ будетъ въ значительной мѣрѣ представительствомъ этихъ совѣтовъ. На этихъ техническихъ деталяхъ я, однако, не буду останавливаться. Меня сейчасъ интересуетъ другой вопросъ: какова должна быть тактика нашей партіи по отношенію къ съѣзду?—можетъ быть, правильнѣе было бы сказать: каково должно быть отношеніе сторонниковъ съѣзда къ партіи?

Выше я уже упомянулъ о возможномъ преувеличеніи въ оцѣнкѣ ожидаемыхъ результатовъ съѣзда. Нѣкоторые товарищи —такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ передавали—смотрятъ на съѣздъ, какъ на панацею, которая должна «спасти» партію. «Если рабочій съѣздъ не поможетъ партіи,—говорятъ они,—тогда уже ничто ей не поможетъ». Что же это значитъ? спрашиваю я себя. Развѣ партіи грозитъ гибель? Отъ какой смертельной болѣзни ее нужно спасать? И какимъ образомъ ее можетъ «спасти» рабочій съѣздъ? Мы всѣ такъ часто критиковали и во многихъ случаяхъ такъ несправедливо критиковали нашу партію, что не грѣхъ выступить на ея защиту. Гдѣ признаки «внутренней органической болѣзни», тѣмъ болѣе—«разложенія» партіи? Мнѣ укажутъ на борьбу двухъ фракцій. Я ни на минуту не думаю преуменьшать ущербъ, какой наноситъ партіи эта борьба; я никому не уступаю въ ненависти къ мелочной, завистливо-тупой и фантастической при всемъ своемъ «реализмѣ» политикѣ фракціонныхъ дѣлъ мастеровъ, которыхъ слишкомъ много на обѣихъ сторонахъ. Но—во имя марксизма!—съ какого это времени борьба фракцій является симптомомъ разложенія партіи? Обѣ наши фракціи опираются на пролетаріатъ,—классъ, который не раскалывается, но сплачивается историческимъ развитіемъ. Обѣ наши фракціи *субъективно* стоятъ на почвѣ программы международной соціалдемократіи. Логика классовой борьбы пролетаріата—чѣмъ дальше, тѣмъ больше,—дѣлаетъ для нихъ эту программу *объективной* необходимостью. Если-бъ мы могли установить, что обѣ фракціи, отрываясь другъ отъ друга, сдвигаются на *разные* соціальные слои, мы имѣли бы право сказать: партія разлагается. Но этого нѣтъ и въ по-

минѣ. На самомъ дѣлѣ обѣ фракціи, исходя изъ однихъ и тѣхъ же принципіальныхъ основаній, борятся за вліяніе на пролетаріатъ. Революціонный характеръ эпохи придаетъ этой борьбѣ неравномѣрный, «взрывчатый» характеръ. При каждомъ новомъ поворотѣ революціи партія оказывается предъ двумя возможностями: либо раствориться въ революціонно-классовой стихіи, утративъ свою партійную индивидуальность; либо въ борьбѣ за организаціонно-партійное самосохраненіе порвать свою связь съ жизнедѣятельностью класса. Тѣ элементы партіи, которые прежде всего видятъ первую опасность, нерѣдко склоняются къ тактикѣ формально-революціоннаго ригоризма; они слишкомъ часто игнорируютъ тѣ живыя трудности и противорѣчія, черезъ которыя историческій процессъ ведетъ насъ къ конечной цѣли. Наоборотъ, тѣ элементы партіи, которые вдохновляются стремленіемъ избѣжать второй опасности, нерѣдко обнаруживаютъ склонность выдвигать промежуточные, «предварительные» лозунги, цѣль которыхъ во что бы то ни стало связать партію съ пролетарской массой, даже съ общенаціональнымъ движеніемъ *на каждой данной ступени его развитія.* Этотъ упрощенный методъ борьбы за вліяніе партіи при своемъ послѣдовательномъ развитіи ведетъ къ оппортунизму. Не нужно думать, что между формально-революціоннымъ ригоризмомъ и оппортунизмомъ лежитъ пропасть. Наоборотъ, они очень родственны между собою и легко переходятъ другъ въ друга. Мнѣ незачѣмъ напоминать, что анархизмъ и реформизмъ, крайнія выраженія тѣхъ же двухъ тенденцій на Западѣ, только дополняютъ другъ друга. Я назвалъ анархизмъ и реформизмъ—слова, которыми пестритъ наша партійная полемика,—и я тутъ же спѣшу прибавить: но достаточно сравнить обѣ наши фракціи, не по ихъ случайнымъ словамъ, а по ихъ политическимъ дѣламъ, съ европейскимъ оппортунизмомъ и европейскимъ реформизмомъ, чтобъ увидѣть, какъ ничтожна въ сущности амплитуда нашихъ разногласій. Квалифицировать тактику той или другой фракціи нашей партіи, какъ анархизмъ или реформизмъ, значитъ, въ сущности, говорить: если-бъ вы были до конца послѣдовательны, если-бъ въ основу всей вашей тактики вы положили то, что составляетъ вашу ошибку, то вы пришли бы неизбѣжно къ анархизму (или реформизму).

Такой пріемъ полемики вполнѣ допустимъ въ цѣляхъ выясненія извѣстной политической тенденціи. Но было бы чистѣйшимъ безуміемъ основывать на этомъ пріемѣ строительство (или разрушеніе) партіи. Нѣтъ, сколь бы ни были болѣзненны наши внутрипартійныя пренія, они ни въ коемъ случаѣ не служатъ симптомомъ разложенія партіи. И тѣмъ не менѣе,—могутъ мнѣ возразить,—партіей всѣ недовольны, партію бранятъ, противъ партіи брюзжатъ, изъ партіи бѣгутъ. Я не склоненъ преувеличивать этотъ фактъ, тѣмъ не менѣе я не стану отрицать его. Но я никоимъ образомъ не соглашусь въ этомъ фактѣ видѣть признакъ разложенія партіи. Дѣйствительная причина недовольства лежитъ, на мой взглядъ, *внѣ* свойствъ и качествъ партіи—въ условіяхъ самой революціи, въ чередованіи ея приливовъ и отливовъ. Революціонный характеръ эпохи не позволяетъ систематически работать надъ созданіемъ широкой и устойчивой *организаціонной* базы партіи. Въ періодъ подъема въ движеніе вовлекается огромная масса пролетаріата. Чтобы политически овладѣть ею, партія вынуждена прибѣгать къ посредству широкихъ безпартійныхъ организацій. Ближайшій натискъ реакціи разрушаетъ эти массовыя организаціи и загоняетъ партію въ подземелье. Активность массъ временно прекращается. Связи партіи съ массами разрушаются. Такое положеніе естественно рождаетъ недовольство. То, что является результатомъ соотношенія силъ реакціи и революціи, вмѣняется въ ошибку революціи и въ частности партіи. Больше всего это дѣлаютъ сами соціалдемократы, столь привыкшіе къ самокритикѣ, не всегда осмысленной. Кромѣ того, неопредѣленное положеніе, которое создается заминкой революціи, естественно выдвигаетъ на первый планъ партійной жизни тактическіе предложенія, предположенія и планы. Чѣмъ безпредметнѣе эти планы, тѣмъ ожесточеннѣе партійныя пренія. А это, въ свою очередь, усугубляетъ недовольство партіей и нападки на нее изнутри.—Эти нападки могутъ быть справедливы или несправедливы, но по существу дѣла нѣтъ и не можетъ быть такого организаціоннаго секрета, который избавилъ бы партію отъ трудностей и противорѣчій революціоннаго развитія. Ожидать въ этомъ отношеніи какого-нибудь спасительнаго средства со стороны съѣзда было бы наивнымъ утопизмомъ. Это

лучше всего доказывается тѣмъ, что самъ съѣздъ не можетъ быть организованъ въ періодъ относительнаго революціоннаго затишья, когда правительство натянуло вожжи изъ послѣднихъ силъ.

Гдѣ-же все-таки признаки разложенія партіи? Политическое вліяніе ея на пролетаріатъ неизмѣнно растетъ. Достаточно сопоставить три этапа петербургскаго, а отчасти и всероссійскаго рабочаго движенія,—9-е января, комиссію Шидловскаго и Совѣтъ Депутатовъ,—чтобы колоссальный ростъ силы и вліянія партіи ударилъ въ глаза. Тѣ товарищи, которые предсказывали, что широкая масса рабочихъ уйдетъ отъ насъ къ демократамъ—къ студентамъ, къ Гапону, къ Союзу Союзовъ, къ... Прокоповичу и богъ вѣсть къ кому,—эти товарищи, проявлявшіе величайшій оптимизмъ... за счетъ буржуазной демократіи, оказывались каждый разъ посрамленными. Роль партіи въ пролетаріатѣ росла по крайней мѣрѣ въ такой же прогрессіи, какъ роль пролетаріата въ революціи.

Мнѣ могутъ сказать, что это касается лишь *политическаго* вліянія партіи; нападки же на партію имѣютъ въ виду ея *организацію*. Выше я уже сказалъ, что революціонный характеръ эпохи, столь сильно увеличивающій наше политическое вліяніе, мѣшаетъ намъ въ то же время создать прочную, широкую партійную организацію. Я этимъ вовсе не хочу сказать, что наша организація—лучшая, какую можно создать при данныхъ условіяхъ. Но я требую, чтобы при нападкахъ на партію не игнорировали всѣхъ перспективъ, чтобы не забывали, что именно эта якобы никуда не годная организація дала партіи возможность завоевать огромное вліяніе.

Васъ, уважаемый П. Б., можетъ удивить, почему я въ письмѣ къ Вамъ защищаю партію отъ некритическихъ обвиненій, и Вы можете спросить, какое отношеніе имѣетъ моя защита къ вопросу о рабочемъ съѣздѣ. Отвѣчу кратко: я боюсь, что при извѣстной постановкѣ дѣла рабочій съѣздъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ что-либо создать, будетъ способствовать разрушенію того, что есть.

Какъ ни велико можетъ быть значеніе съѣзда, онъ во всякомъ случаѣ не способенъ пересоздать нашу партію. Самое большее, онъ войдетъ новымъ благопріятнымъ эпизодомъ въ

сложный процессъ ея роста и преобразованія. Этотъ процессъ имѣетъ свою инерцію,—и съ нею нужно считаться. Партія слагается, съ одной стороны, по мѣрѣ того, какъ рабочая масса въ цѣломъ пріобрѣтаетъ навыки политической дѣятельности, и, съ другой, по мѣрѣ того, какъ сознательные элементы этой массы, выдѣляясь во все возрастающемъ числѣ изъ ея среды, кристаллизуются въ политическую организацію. Это сложный и долгій процессъ. Если противорѣчія партійнаго роста принимаютъ слишкомъ болѣзненный характеръ, то выходъ изъ нихъ все-же не можетъ быть найденъ внѣ расширенія и углубленія партійной работы въ ея цѣломъ. Никакое отдѣльное «предпріятіе» не можетъ таить въ себѣ спасенія. Вотъ почему для моего уха дико звучитъ фраза: «Если рабочій съѣздъ не поможетъ партіи, то ей уже ничто не поможетъ»... А между тѣмъ такой поистинѣ чудовищный лозунгъ становится популярнымъ среди нѣкоторыхъ элементовъ партіи.

Для того, чтобы мои опасенія стали болѣе понятными, я долженъ отойти нѣсколько назадъ. Мое первое принципіальное разногласіе съ фракціей меньшинства возникло вскорѣ же послѣ 2-го съѣзда по вопросу о методахъ дальнѣйшаго формированія партіи. Нѣкоторые вліятельные меньшевики пришли къ тому заключенію, что выходъ изъ затрудненій и злоключеній партійнаго развитія состоитъ въ томъ, чтобы черезъ голову «интеллигентской партіи» непосредственно апеллировать къ пролетаріату. Я никогда не могъ понять, какимъ образомъ данная существующая партія или ея половина можетъ апеллировать къ пролетаріату черезъ свою собственную голову. Это такъ же невозможно, какъ сѣсть къ себѣ на колѣни. Я никогда не могъ понять, какія могутъ быть другія средства апелляціи къ неорганизованной массѣ, кромѣ вовлеченія ея въ сферу партійнаго руководства. А для такого руководства необходимъ тотъ аппаратъ, который имѣется. Руководить массой, «освободившись» отъ своей матеріальной организаціи, партія не имѣетъ никакой возможности. На дѣлѣ организаціонное строительство у меньшевиковъ имѣло точь-въ-точь такой же характеръ, какъ и у большевиковъ. Оно опредѣлялось небольшимъ политическимъ опытомъ партіи, полуинтеллигентскимъ составомъ ея руководящихъ организацій, общимъ уровнемъ пролетаріата, темпомъ

политическаго развитія страны. Героическое средство, силою котораго классъ сразу ставился,—конечно, только въ умозрѣніи,—на мѣсто исторически сложившейся партіи, оказалось, разумѣется, непримѣнимымъ.

Партія не можетъ перескакивать черезъ естественныя фазы своего развитія. Если помните, П. Б., я упорно, хотя не всегда успѣшно, настаивалъ на необходимости бороться противъ утопической тенденціи—какимъ-то кратчайшимъ путемъ, минуя этапы партійной эволюціи, овладѣть рабочимъ классомъ, я старался доказать, что эта тенденція очень мало поможетъ намъ связаться съ рабочей массой, но зато создастъ въ нашихъ собственныхъ рядахъ неуваженіе къ партіи, къ ея накопленному опыту, къ ея политической культурѣ.

Вѣдь въ этомъ варварскомъ неуваженіи къ завоеваніямъ и къ традиціямъ партіи состоялъ основной грѣхъ 2-го съѣзда. Онъ тоже хотѣлъ кратчайшимъ путемъ перейти отъ естественно сложившихся политическихъ группъ къ партіи. Онъ тоже апеллировалъ черезъ голову этихъ группъ къ еще не существовавшей партіи. Партія такимъ образомъ, конечно, не создалась, но кружки, концентрировавшіе въ себѣ идейный капиталъ соціалдемократіи, оказались разрушены. Къ такому же результату мы придемъ, если, во имя рабочаго съѣзда, повернемся теперь спиною къ партіи.

Повернуться спиною къ партіи—это не мое выраженіе. Говорятъ, что нѣкоторые энтузіасты рабочаго съѣзда этими словами отвѣчаютъ на вопросъ: какъ быть, если партія, въ лицѣ своихъ двухъ фракцій, не придетъ къ единообразному рѣшенію относительно рабочаго съѣзда? Повернуться спиною къ партіи,—вотъ выходъ изъ противорѣчій партійнаго развитія. Если-бъ все дѣло состояло въ томъ, что кто-нибудь изъ соціалдемократовъ усталъ отъ трудностей развитія своей партіи и хочетъ уйти изъ нея, оставалось бы только пожелать ему счастливаго пути. Но вопросъ гораздо серьезнѣе: повернуться спиною къ партіи—это условный лозунгъ цѣлаго теченія въ рядахъ «меньшинства», какъ прямое продолженіе прежняго плана: черезъ голову партіи апеллировать къ классу. *Въ широкомъ историческомъ* смыслѣ всякое новаторство въ партіи, всякая борьба противъ партійной косности и рутины есть апелляція отъ пар-

тіи къ классу: политическое развитіе путемъ сложныхъ противорѣчій отбираетъ тѣ методы, которые отвѣчаютъ интересамъ классового развитія. Но простое голосованіе класса въ каждый данный моментъ вовсе не рѣшаетъ вопроса объ этихъ методахъ.

Когда создался Совѣтъ, въ рядахъ партіи возникли двѣ формально-противоположныя точки зрѣнія на него. Одна требовала, чтобъ Совѣтъ призналъ программу партіи или упразднился. Другая настаивала на томъ, чтобъ «интеллигентская» партія отстранилась предъ Совѣтомъ, какъ подлиннымъ представительствомъ рабочаго класса. Я беру обѣ точки зрѣнія въ ихъ крайнемъ выраженіи. Дѣйствительное положеніе вещей не сложилось ни по одному изъ этихъ рецептовъ. Совѣтъ оставался безпартійнымъ, но партія въ его составѣ составляла самостоятельную силу, которой принадлежало руководство.

Совѣтъ былъ разрушенъ. Одновременно съ нимъ были разрушены открытыя демократическія организаціи партіи. Но сама партія перенесла разгромъ и снова возстановилась—подъ своимъ классовымъ знаменемъ, со всѣми своими сильными и слабыми сторонами, въ томъ числѣ—съ ожесточенными фракціонными конфликтами. На рабочемъ съѣздѣ партія въ лицѣ обѣихъ фракцій должна представлять собою единодушную группу, проводящую одни и тѣ же рѣшенія въ предѣлахъ партійной программы и партійныхъ резолюцій. Попытка вынести разногласія между меньшинствомъ и большинствомъ на рабочій съѣздъ была бы преступленіемъ. Вліяніе партіи чрезвычайно понизилось бы, и самый съѣздъ былъ бы парализованъ внутренней деморализаціей. Прежде чѣмъ выступать на рабочемъ съѣздѣ, *партія должна прійти къ обязательному для обѣихъ частей соглашенію.* Какъ бы компромиссна ни была тактика партіи на самомъ съѣздѣ, въ результатѣ такого соглашенія, она дастъ неизмѣримо лучшіе и большіе плоды, чѣмъ междуусобная борьба двухъ фракцій за вліяніе на съѣздъ.

Нельзя вѣрнѣе скомпрометировать идею рабочаго съѣзда, какъ сдѣлавъ его предпріятіемъ одной фракціи. А мнѣ представляется, что дѣло это, можетъ быть, независимо отъ доброй воли его организаторовъ, складывается именно такимъ образомъ. Я знаю, что на это мое опасеніе организаторы съѣзда могутъ отвѣтить такъ: мы организуемъ рабочій съѣздъ, какъ рабочій

съѣздъ,—потому что онъ необходимъ въ политическихъ интересахъ рабочаго класса; никакимъ фракціоннымъ соображеніямъ здѣсь нѣтъ мѣста; всякій, кто понимаетъ важность съѣзда, будетъ нашимъ желаннымъ сотрудникомъ; если въ партіи не найдется чувства отвѣтственности, чтобы во имя такого большого дѣла отшвырнуть въ сторону всѣ фракціонныя дрязги, тогда что-же? тогда дѣйствительно только и останется повернуться спиною къ партіи. Историческіе интересы рабочаго класса выше условныхъ интересовъ нашей партійной организаціи.

Этотъ отвѣтъ звучитъ убѣдительно, но это отвѣтъ чисто формальный. Прежде всего потому, что повернуться спиною къ партіи не такъ легко. Если-бъ лично Вы, П. Б., пришли къ выводу о необходимости уйти изъ стараго зданія и закладывать фундаментъ на новомъ мѣстѣ (а я не могу допустить этого относительно Васъ, ибо такой выводъ рѣзко противорѣчилъ бы Вашимъ общимъ представленіямъ о путяхъ и методахъ партійнаго развитія,—представленіямъ, которымъ мы всѣ столь многимъ обязаны),—если-бъ, говорю я, Вы пришли къ такому выводу, логика фракціонной борьбы привела бы немедленно къ тому, что половина партіи подхватила бы Вашъ выводъ: *повернуться спиною къ партіи*. Лозунгъ, который Вы выдвинули бы противъ фракціонной свары, немедленно превратился бы во фракціонный лозунгъ. Повернуться спиною къ партіи означало бы на дѣлѣ повернуться спиною къ большевикамъ. «Апелляція къ рабочему классу» означала бы просто на просто пропаганду партійнаго раскола. Итти съ этимъ лозунгомъ на рабочій съѣздъ значитъ итти съ намѣреніемъ, хотя бы и несознаннымъ, расколоть его. И въ результатѣ новаго раскола оказалось бы, что ни одна изъ фракцій не овладѣла пролетаріатомъ, что за обѣими стоятъ десятки тысячъ организованнѣхъ рабочихъ, что обѣ топчутся на одной и той же территоріи, что объемъ разногласій не позволяетъ, несмотря на все желаніе, повернуться другъ къ другу спиною. Неужели такъ трудно предвидѣть этотъ неизбѣжный результатъ?..—Что же дѣлать? Нужно непремѣнно превратить рабочій съѣздъ изъ предпріятія фракціоннаго въ предпріятіе партійное. Должна быть создана *спеціальная партійная комиссія* изъ представителей обѣихъ фракцій для подготовки съѣзда. Одновременно

должна вестись подготовка къ *партійному съѣзду*, который долженъ предшествовать рабочему. Партійный съѣздъ долженъ выработать общеобязательную тактику по отношенію къ рабочему съѣзду. Всѣ члены партіи въ составѣ рабочаго съѣзда образуютъ соціалдемократическую фракцію, которая единообразно выступаетъ по всѣмъ основнымъ вопросамъ.

Это мѣры техническія, которыя могутъ быть, разумѣется, измѣнены такъ или иначе, но цѣль которыхъ—сдѣлать рабочій съѣздъ дѣйствительно партійнымъ дѣломъ—должна остаться неизмѣнной. Помимо всего и прежде всего долженъ быть измѣненъ самый тонъ агитаціи по поводу съѣзда. Чѣмъ больше мы будемъ противопоставлять его партіи, какъ апелляціонную инстанцію, тѣмъ меньше онъ окажется способенъ сыграть эту роль. Чѣмъ меньше мы будемъ прямо и непосредственно заниматься организаціей внутрипартійной революціи, тѣмъ легче и безболѣзненнѣе она совершится. Подъ непріятельскимъ огнемъ не занимаются рискованной реорганизаціей арміи. Нельзя мѣнять лошадей, говоритъ американская поговорка, когда переѣзжаешь черезъ быстрый потокъ.

Дорогой П. Б.! Несмотря на то, что почти вся партія, по крайней мѣрѣ, формально, раздѣлена между двумя фракціями, я же лично не вхожу ни въ одну изъ нихъ, я былъ и остаюсь неисправимымъ оптимистомъ и патріотомъ партіи. Я питаю большое довѣріе къ объективной логикѣ революціоннаго развитія,—только бы обѣ половины партіи не становились поперекъ его пути со своей субъективно-фракціонной логикой. Раскола я боюсь въ настоящій моментъ гораздо больше, чѣмъ оппортунизма или формальнаго революціонизма. «Повернуться спиною къ партіи», этотъ лозунгъ кажется мнѣ гораздо болѣе вреднымъ, чѣмъ десятки «якобинскихъ» или «оппортунистическихъ» фразъ. *Единство партіи на основѣ фактически складывающагося единства классовой борьбы,—единство во что бы то ни стало!!* «На этомъ я стою, иначе я не могу»... Я глубоко убѣжденъ, что въ отвѣтъ на призывъ какой-нибудь группы экспериментаторовъ повернуться спиною къ партіи, огромное большинство ея членовъ изъ обѣихъ фракцій сплотится вокругъ знамени съ надписью:

„Да здравствуетъ Партія!“

И я твердо увѣренъ, что рука нашего учителя П. Б. Аксельрода первая протянется къ этому знамени.

Всецѣло преданный Вамъ *Н. Троцкій.*

12 сентября, 1906 г.

II. Письмо тов. Ю. Ларину.

Уважаемый товарищъ! Прежде, чѣмъ я имѣлъ возможность ознакомиться съ Вашей брошюрой «Широкая рабочая партія и рабочій съѣздъ», *) до меня дошли отзывы о ней, которые я никоимъ образомъ не могу назвать благопріятными. Мнѣ передавали, что, несмотря на посвященіе Вами вашей брошюры С.-Д. Партіи—«съ любовью и преданностью»,—Вы на самомъ дѣлѣ судите партію судомъ Линча и обѣщаете посредствомъ рабочаго съѣзда создать взамѣнъ ея какую-то колоссальную организацію рабочихъ массъ. Говорили, что Ваша предварительная партійная смѣта вмѣщаетъ милліонъ человѣкъ, причемъ Вы требуете только, чтобъ была снята «вывѣска» той самой Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи, которой Вы такъ почтительно посвящаете вашу книжку. Дантоновскій эпиграфъ, который Вы предпослали изложенію — «смѣлость, смѣлость и смѣлость!» — отнюдь не увеличилъ моего довѣрія къ Вашей работѣ, ибо у меня уже было достаточно основаній полагать, что «смѣлость» Ваша устремляется главнымъ образомъ противъ нашей партіи,—само собою разумѣется, во имя новой партіи, преимущества которой совершенно неоцѣнимы, но которую Вы только еще намѣреваетесь создать. Очевидно, этому Вашему намѣренію отвѣчаетъ другой взятый Вами эпиграфъ: «каждый шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣе дюжины программъ». Итакъ, заключилъ я, тов. Ларинъ присоединяетъ, повидимому, къ старой дюжинѣ—тринадцатую программу «дѣйствительнаго шага».

*) Изд. «Новый Міръ». Москва, 1906.

За всѣмъ тѣмъ я долженъ сказать, что книжка Ваша оправдала мои дурныя предчувствія лишь отчасти. Болѣе того,—она представляетъ на мой взглядъ, несомнѣнный интересъ. Вашъ анализъ революціоннаго развитія страны и политическаго формированія партіи даетъ много мѣткихъ и поучительныхъ отдѣльныхъ замѣчаній; Вашъ здоровый революціонный оптимизмъ опирается на большой запасъ довѣрія къ объективному развитію, и лично мнѣ гораздо болѣе симпатиченъ, чѣмъ безпредметныя жалобы нѣкоторыхъ товарищей, заунывныя, какъ погребальная пѣсня эскимоса. И тѣмъ не менѣе *Ваши тактическіе выводы*,—особенно въ той части, которая относится къ «созданію» массовой партіи,—*никуда не годятся*. На этихъ выводахъ я остановлюсь подробнѣе, воспользовавшись тѣмъ, что у Васъ хватило, съ одной стороны, «смѣлости» развить до конца нѣкоторые типическіе предразсудки, а съ другой—умѣнія связать эти предразсудки съ довольно реалистической оцѣнкой состоянія партіи.

Прежде всего я совершенно согласенъ съ Вами, что называть въ настоящее время нашу партію «интеллигентской» значитъ просто говорить неправду. Можно жаловаться на то, что рабочіе еще не успѣли выдвинуть серьезнаго штаба вождей изъ собственной среды, вслѣдствіе чего въ руководящихъ организаціяхъ преобладаютъ интеллигенты; можно жаловаться на то, что эти руководящія организаціи условіями подполья оторваны отъ широкихъ пролетарскихъ *соціалдемократическихъ* слоевъ, составляющихъ реальное тѣло партіи; но утверждать, будто русская соціалдемократія — это интеллигентская организація, оторванная отъ стихійныхъ рабочихъ массъ, значитъ съ большимъ запозданіемъ повторять то, что было *до извѣстной степени* справедливо ко времени второго съѣзда (1903 г.).

Большое количество у насъ соціалдемократической интеллигенціи объясняется общими соціально-политическими причинами и прежде всего—огромной революціонной ролью пролетаріата въ нашей запоздалой буржуазной революціи. Руководящая роль интеллигенціи въ партіи и въ рабочемъ движеніи вообще объясняется, съ одной стороны, тѣми соціальными преимуществами, которыми владѣетъ интеллигенція (образованіе, досугъ), съ другой—политической молодостью русскаго проле-

таріата. Этотъ фактъ не можетъ быть устраненъ какимъ-нибудь искусственнымъ пріемомъ, онъ долженъ быть исторически изжитъ. И ничто такъ не способствуетъ этому процессу, какъ большое количество соціалистической интеллигенціи. Среди нѣкоторой части соціалдемократовъ, почти исключительно интеллигентовъ, развилась привычка изображать наши партійныя отношенія «по Дюрингу»: пришелъ вооруженный интеллигентъ и подчинилъ себѣ безоружнаго пролетарія. Выводъ отсюда такой: пора намъ посторониться и дать мѣсто самодѣятельности рабочихъ. «Лучше организованная масса безъ соціалдемократіи,— пишетъ одинъ товарищъ,—чѣмъ соціалдемократія безъ массы» *). Само собою разумѣется, что наше самоотстраненіе понизило бы только культурно-политическій уровень рабочаго движенія и нисколько не увеличило бы самодѣятельности и организованности массъ. Многочисленные кадры интеллигентныхъ соціалистическихъ инструкторовъ—это колоссальный плюсъ въ дѣлѣ развитія политической самостоятельности пролетаріата. Странно даже настаивать на этомъ, но почти-дантоновская «смѣлость» нѣкоторыхъ товарищей въ критикѣ партіи и ея отношенія къ классу доходитъ до нарушенія всякихъ историческихъ перспективъ. Разсуждаютъ совершенно внѣ времени и внѣ пространства. Разсуждаютъ такъ, будто имѣютъ подмышкой готовое классовое движеніе со столь же отчетливыми лозунгами, какъ сейчасъ, но руководимое исключительно рабочими вождями. Философствуютъ такъ, точно партія — не живой процессъ, а теоретическая спекуляція, которой можно противопоставить другую, болѣе совершенную теоретическую спекуляцію...

* *
*

Выходъ изъ партійнаго кризиса Вы видите въ рабочемъ съѣздѣ. Но, въ отличіе отъ многихъ горячихъ сторонниковъ этой идеи, Вы придаете ей вполнѣ законченный и отчетливый видъ. Для Васъ конгрессъ пролетаріата всей страны не просто внушительная политическая демонстрація и даже не временный рабочій парламентъ, выносящій рѣшенія по очереднымъ

---

*) В. А. Щегло. «О рабочемъ съѣздѣ». СПБ. 1906, стр. 14.

вопросамъ классовой политики, для Васъ—это *учредительный съѣздъ широкой рабочей партіи.* Въ полномъ согласіи съ этой цѣлью Вы достаточно точно очерчиваете тотъ кругъ пролетаріата, который долженъ быть представленъ на съѣздѣ. Вы ставите съѣзду цѣль—охватить передовые активные элементы рабочаго класса, представляющіе собой вмѣстѣ съ тѣмъ организаціонныя единицы сколько-нибудь замѣтной величины. Подъ это опредѣленіе, пишете Вы, одинаково подойдутъ всѣ мѣстныя политическія организаціи рабочаго класса всѣхъ соціалистическихъ партій, достигающія тысячи человѣкъ, всѣ профессіональные союзы съ неменьшимъ числомъ членовъ, центральныя учрежденія соціалистическихъ партій, которыя могутъ представлять собою всѣ меньшія организаціи каждой партіи, мѣстныя центральныя бюро профессіональныхъ союзовъ, которыя представляли бы собой мелкіе профессіональные союзы и, наконецъ, крупные заводы съ 2—3 тысячами рабочихъ и выше, такъ какъ каждый изъ нихъ представляетъ собой нѣчто цѣльное и сплоченное. Таковъ Вашъ планъ. Существующія соціалистическія фракціи не могутъ, по Вашему мнѣнію, ни охватить широкій слой политически-активныхъ, но неорганизованныхъ рабочихъ, ни закрѣпить свою связь съ профессіональными союзами, ибо революціонная рабочая масса, удовлетворяющаяся признаніемъ принципа классовой борьбы, относится весьма безразлично не только къ распрямъ большевиковъ съ меньшевиками, но и къ разногласіямъ между соціалдемократіей и с.-р. Для организаціонно-политическаго сплоченія всей этой массы необходима, по Вашимъ словамъ, такъ сказать «безпартійная партія»—Ваше собственное выраженіе! Вы затрудняетесь предопредѣлить организацію учрежденной на съѣздѣ безпартійной партіи, но на мѣстахъ Вы представляете себѣ «сліяніе всѣхъ политическихъ организацій каждаго города и представительство крупныхъ заводовъ въ мѣстныхъ центральныхъ бюро, причемъ всѣ партійные комитеты составлялись бы изъ представителей и профессіональной и политической организаціи»*). Такъ какъ каждый шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣе дюжины программъ, то вопросъ о программѣ будущей

*) «Шир. раб. партія», стр. 52—53.

партіи, повидимому, не причиняетъ Вамъ безсонныхъ ночей. Вы представляете себѣ достаточно широкую программу, которая исчерпывалась бы признаніемъ соціализма, какъ конечной цѣли, и классовой борьбы, какъ пути; конечно, и классовая борьба должна быть формулирована достаточно *широко*, чтобъ ее могли вмѣстить с.-р. (NB. Извѣстно, что с.-р., наперекоръ общимъ представленіямъ объ емкости тѣлъ, вмѣщаютъ только «широкія» вещи и совершенно не вмѣщаютъ «узкихъ».) Вы оговариваетесь, что не имѣете въ виду организовать такимъ образомъ весь рабочій классъ. Нѣтъ, если вся девятимилліонная масса,—пишете Вы,—можетъ чувствовать острую потребность въ классовомъ парламентѣ лишь въ особые моменты, то «кругъ передовыхъ активныхъ элементовъ—*900 тысячъ—уже сейчасъ можетъ быть прочно сплоченъ* въ классовую лабораторію, *въ политическую партію европейскаго типа*».*) Девятьсотъ тысячъ человѣкъ! Превосходная цыфра! Она почти равняется суммѣ русской и японской армій подъ Мукденомъ. Вотъ что намъ долженъ дать рабочій съѣздъ!

Итакъ, профессіональные союзы, передовые заводы и фабрики, организаціи соціалдемократовъ, организаціи соціалистовъ-революціонеровъ, организаціи безпартійныхъ—все соединяется въ одинъ гигантскій хороводъ «рабочей партіи».—Но точно ли это будетъ политическій хороводъ? Получите ли Вы дѣйствительно партію, хотя бы и «безпартійную»? Не будетъ ли это просто, такъ сказать, скопище мало чѣмъ связанныхъ группъ и индивидовъ?—«скопище», впрочемъ, не слишкомъ замѣтное на пространствѣ въ 5 милліоновъ квадратныхъ километровъ. На чемъ основана увѣренность, что такое хаотическое образованіе не распадется немедленно послѣ рабочаго съѣзда, а дѣйствительно преобразуется въ самостоятельную партію пролетаріата? Есть ли необходимость—и почему именно теперь?—*фиксировать* политическій уровень передового рабочаго милліона? Будетъ ли эта широкая база достаточно устойчивой для того, чтобъ опереть на нее планомѣрно развивающуюся партію? Не затормозимъ ли мы дѣйствительное формированіе соціалдемократической партіи, программно и организаціонно закрѣпивъ по-

*) «Шир. раб. партія», стр. 49.

литическую примитивность широкихъ массъ? Не свяжемъ ли мы инициативу дѣйствительно-соціалистическихъ элементовъ, поставивъ ихъ въ организаціонную зависимость отъ элементовъ отсталыхъ? Я не говорю, что эти вопросы заранѣе убиваютъ Вашу идею. Но они во всякомъ случаѣ естественны въ устахъ каждаго члена соціалдемократіи. И они требуютъ отвѣта, очень убѣдительнаго отвѣта, который разрушилъ бы всѣ сомнѣнія и позволилъ бы соціалдемократіи спокойно утопиться въ милліонной рабочей партіи. Вы отвѣчаете на всѣ эти основные вопросы оптомъ и весьма кратко, причемъ отвѣтъ вашъ такъ характеренъ, что я приведу его дословно. «*Пути исторіи*,— пишете Вы,—ведутъ русскій пролетаріатъ на дорогу широкаго здороваго соціалдемократизма, и образованіе широкой *партіи, которую условія и опытъ заставятъ быть и дѣлаться все болѣе соціалдемократической* въ цѣломъ, по духу и поведенію, лежитъ на этомъ пути. Ничего бояться,—ободряете Вы насъ. — что если вы теперь снимете вывѣску и широко пустите въ партію подлинныя дѣйственныя силы рабочаго класса,—нечего бояться, что они (онѣ) тогда принизятъ движеніе или совлекутъ его съ вѣрнаго классового пути. Вѣдь рѣчь идетъ объ авангардѣ, о цвѣтѣ рабочаго класса,—на что же намъ, соціалдемократамъ, еще надѣяться, какой расписки еще требовать у судьбы, кромѣ *гарантіи неизбѣжнаго хода вещей* *)». Вся суть Вашего мышленія сосредоточена въ этихъ строкахъ: марксистскій объективизмъ Вы замѣнили какимъ-то абстрактнымъ соціально-революціоннымъ фатализмомъ. Вы надѣетесь на «пути исторіи» и на «объективный ходъ вещей». Но что Вы собственно называете «путями исторіи»? Объективный ходъ вещей ведетъ капиталистическія страны къ соціализму, а соціализмъ въ качествѣ своей политической предпосылки требуетъ самостоятельной партіи пролетаріата, какъ класса, способнаго взять въ руки власть. Нѣтъ сомнѣнія, что такая партія сложится *въ конечномъ счетѣ* и у насъ. Но *какъ* она сложится? Что именно мы должны для этого сдѣлать сейчасъ? Какъ облегчить процессъ сплоченія великой партіи будущаго? На эти конкретные вопросы голая апелляція къ «путямъ исто-

*) «Широкая раб. партія», стр. 20—21, курс. мой.

ріи» совершенно не отвѣчаетъ. Конечно, какъ-бы значительны ни были наши ошибки, какими бы фактическими планами мы временно не задавались,—въ концѣ концовъ мы придемъ къ правильной тактикѣ классовой партіи. Но это вовсе не дѣлаетъ лишней работу партійной мысли надъ устраненіемъ ошибокъ и ложныхъ шаговъ. Я думаю, что моя мысль слишкомъ ясна, чтобъ стоило подробно развивать ее. Всѣ «пути исторіи» ведутъ въ Римъ соціализма, но есть пути болѣе короткіе и болѣе длинные; человѣку же данъ разумъ, чтобы выбирать. Вы же—кальвинистъ марксизма: пути исторіи—для Васъ пути провидѣнія, причемъ, какъ и всякій фаталистъ, Вы увѣрены, что провидѣніе указуетъ каждый разъ тотъ именно путь, какой избираете Вы. Нѣтъ болѣе высокомѣрнаго субъективизма, чѣмъ фатализмъ!

Это, впрочемъ, не ваша индивидуальная особенность. Хотя Вы и отмежевываетесь тщательно отъ массы русскихъ соціалдемократовъ, противопоставляя имъ Плеханова и Аксельрода, какъ европейцевъ—варварамъ, тѣмъ не менѣе — такова сила некультурной среды!—Вы, европеецъ, раздѣляете со многими изъ русскихъ товарищей самое «азіатское» качество: фатализмъ. Эту нашу черту замѣтила и отмѣтила т. Роза Люксембургъ. Въ предисловіи къ русскому изданію своей брошюры о всеобщей стачкѣ, она говоритъ: «русскіе товарищи въ своемъ безграничномъ упованіи на «историческій процессъ» и его благія намѣренія по отношенію къ соціалдемократіи доходятъ до такихъ результатовъ, какіе въ Германіи были бы совершенно немыслимы и непонятны для любого соціалдемократа *).

Оптимистическій фатализмъ есть отраженіе условій революціонной эпохи. Съ нимъ можно еще мириться, какъ съ настроеніемъ; съ этой чисто-психологической стороны онъ, какъ я уже сказалъ, мнѣ лично гораздо симпатичнѣе той привившейся среди нѣкоторыхъ элементовъ партіи «самокритики», психологія которой подчасъ такъ живо напоминаетъ блаженной памяти интеллигента, вѣчно занимающагося «самосовершенствованіемъ» безъ всякихъ, впрочемъ, результатовъ. Но настроеніе, хотя бы и симпатичное, нельзя полагать въ основу тактики,—Вы

---

*) «Всеобщая забастовка и нѣмецкая с.-д.», Кіевъ, стр. XIV.

сами это слишкомъ часто повторяете на протяженіи всей Вашей брошюры... Задача совсѣмъ не въ томъ, чтобъ на спѣхъ построить огромный балаганъ изъ досокъ и веревокъ, а также лоскутовъ,вырванныхъ изъ знаменъ нашей партіи. Такое сооруженіе, несмотря на свои щели и прорѣхи, въ теченіе всей революціи будетъ собирать въ своихъ стѣнахъ много народа; это несомнѣнно.—Ну, а при ликвидаціи революціи? Не боитесь ли вы, что съ нашимъ сооруженіемъ произойдетъ, то же, что съ балаганами при окончаніи ярмарки: зданіе опустѣетъ и пойдетъ на сломъ. И намъ съ Вами, уважаемый товарищъ, придется собирать лоскуты нашихъ старыхъ знаменъ, сшивать ихъ и водружать на революціонномъ пепелищѣ...

Вы, конечно, знаете, что я не пессимистъ. О, нѣтъ! Не даромъ же столько критическихъ воробьевъ чирикало на крышахъ о моемъ безнадежномъ утопизмѣ. Я считаю, что побѣдоносное развитіе русской революціи, въ силу внутренняго строенія націи, ведетъ насъ къ рабочему правительству, опирающемуся черезъ пролетаріатъ на народныя массы; и если рабочее правительство самымъ фактомъ своего существованія и всѣми тѣми силами, которыми она будетъ располагать, толкнетъ передовыя страны Европы на путь соціалистической революціи, то это крайне сократитъ этапы политическаго развитія русскаго пролетаріата и упроститъ его соціально-революціонную борьбу *). Если-бы рабочее правительство было для меня абстрактнымъ лозунгомъ, который я старался бы *навязать* движенію; если-бы перманентная революція была для меня отвлеченной идеей, которую я старался бы *предпослать* нашей тактикѣ; словомъ, если-бъ я дѣйствительно былъ метафизикомъ-утопистомъ, какимъ меня хотятъ ославить вышеозначенные воробьи, — тогда я обѣими руками ухватился бы за Вашу идею широкой рабочей партіи. Ибо рабочее правительство несомнѣнно должно будетъ опираться на широкіе политическіе клубы пролетаріата, которые въ своей совокупности дадутъ рѣзко выраженную классовую организацію, на первыхъ порахъ безъ опредѣленной партійной программы. Но и

*) См. статью «Итоги и перспективы» въ сборникѣ «Наша революція», изд. Н. Глаголева.

«окраска» скоро придетъ при условіи соціалистической революціи на Западѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ роль россійской соціалдемократіи, той «узкой» партіи, къ которой мы съ Вами принадлежимъ, будетъ совершенно незначительна, и у насъ не будетъ основаній опасаться послѣдствій ея растворенія въ широкой организаціи класса. Вы, насколько я могу понять, совершенно отрицаете возможность такой перспективы. Я же считаю ее весьма вѣроятной,—неизмѣримо болѣе вѣроятной, чѣмъ перспектива коалиціонно-демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства («большинство») или буржуазно-демократической диктатуры съ пролетаріатомъ въ оппозиціи («меньшинство»). Если при всѣхъ этихъ существенныхъ разногласіяхъ я считаю вполнѣ возможной работу рука объ руку съ меньшевиками и съ большевиками,—въ чемъ Вы *теперь* со мною совершенно сходитесь,—такъ это потому, что нашу сегодняшнюю тактику мы должны выводить изъ сегодняшнихъ отношеній, а не изъ болѣе или менѣе вѣроятнаго прогноза дальнѣйшаго хода историческихъ событій. По мѣрѣ того, какъ эти событія будутъ на насъ надвигаться, они будутъ стирать разногласія, основанныя на переоцѣнкѣ однѣхъ силъ и недооцѣнкѣ другихъ. Но наша тактика должна быть построена такъ, чтобъ она обезпечила за нами максимумъ силы при всякихъ условіяхъ. А они могутъ сложиться даже и такъ, что въ построенной нами огромной партіи намъ съ Вами не окажется мѣста.

Въ самомъ дѣлѣ: возьмемъ сравнительно благопріяную перспективу, вытекающую изъ точки зрѣнія тѣхъ меньшевиковъ, которые полагаютъ, что наша революція не будетъ по своимъ плодамъ простымъ воспроизведеніемъ 48-го года. Буржуазная революція развивается «до конца». У власти—революціонная мелкобуржуазная демократія. Происходитъ полная ликвидація соціальнаго варварства и политической азіатчины. Широкая аграрная реформа чрезвычайно увеличиваетъ емкость внутренняго рынка. Застоявшіяся производительныя силы страны развиваются лихорадочнымъ темпомъ. Каково при такихъ условіяхъ будетъ настроеніе пролетаріата? Быстрый ростъ капиталистическаго производства толкнетъ его на путь профессіональныхъ организацій и экономическихъ завоеваній. Успѣшная борьба на этомъ пути въ атмосферѣ общенаціональнаго

подъема сдѣлаетъ широкіе круги квалифицированныхъ рабочихъ склонными къ либерально-демократической идеологіи. Оппортунисты, которые теперь сидятъ по щелямъ и угрюмо сосутъ лапти собственнаго «критическаго» плетенія, вылѣзутъ на свѣтъ божій и найдутъ свою аудиторію въ рабочихъ рядахъ. При такихъ условіяхъ «широкая рабочая партія» можетъ оказаться избирательнымъ аппаратомъ стоящей у власти буржуазной демократіи. Вы мнѣ отвѣтите, что эта картина васъ нисколько не пугаетъ, ибо, какъ опьяненіе кончается состояньемъ похмѣлья, такъ и расцвѣтъ капитализма приводитъ къ промышленному кризису,— слѣдовательно, къ обостренію классовой борьбы и разрушенію національно-демократической идеологіи. О, несомнѣнно! *Въ концѣ концовъ*, пролетаріатъ найдетъ себя. Но вѣдь это утѣшеніе чисто формальное. Реальная задача, которую мы себѣ ставимъ,—помочь пролетаріату прійти къ самопознанію *кратчайшимъ путемъ*. И я думаю, что въ обстановкѣ, охарактеризованной выше, мы поймемъ, какую огромную ошибку мы сдѣлали, растворивъ соціалистическую организацію въ широкой массѣ. Намъ ничего не останется какъ снова собирать единомышленниковъ въ «узкую» партійную организацію, если, разумѣется, мы сами, при отсутствіи идейно-партійной связи, не растеряемъ нашихъ соціалистическихъ убѣжденій.

«Когда волны революціоннаго потопа опадутъ,— говоритъ Роза Люксембургъ въ уже цитированномъ мною предисловіи,— и выступятъ наружу неприглядныя скалистыя очертанія «нормальнаго» классоваго господства буржуазныхъ классовъ, тогда и въ Россіи «историческій процессъ» перестанетъ подносить соціалдемократіи готовые плоды, и *у нея въ результатѣ окажется пріобрѣтеннымъ лишь столько силы и вліянія, сколько она сумѣла закрѣпить за собой* въ революціоную эпоху сознательнымъ и открытымъ воздѣйствіемъ на рабочую борьбу» *).

Этого мы не должны забывать, какъ бы мы себѣ ни представляли дальнѣйшій ходъ революціи.

*) Р. Люксембургъ. «Всеобщ. забастовка и нѣмецкая с.-д.» стр. XV.

* *
*

Вамъ кажется, что широкая рабочая партія не только включитъ въ свой составъ многочисленный слой безпартійныхъ рабочихъ и профессіональные союзы, но и ассимилируетъ враждующія нынѣ соціалистическія фракціи. Но представляете ли Вы себѣ сколько-нибудь реально, въ чемъ выразится эта ассимиляція и что именно представитъ изъ себя новая партія на другой день послѣ съѣзда? Надъ этимъ стоитъ подумать.

Разумѣется, никакой рабочій съѣздъ не отучитъ насъ съ Вами отъ марксизма, не такъ-ли? Недаромъ же Вы сообщаете въ цѣляхъ своей реабилитаціи, что уже написали двѣ брошюры противъ с.-р. и обѣщаете написать третью. Я даже думаю, что третью вы именно начнете писать послѣ съѣзда, подъ вліяніемъ непосредственнаго общенія съ новыми товарищами по партіи. Разумѣется с.-р. не останутся въ долгу. Какъ та, такъ и другая партія, стремясь къ самосохраненію внутри «безпартійной партіи», будутъ со всею ревностью поддерживать внутреннюю, фракціонную связь и дисциплину — какъ всегда, за счетъ общепартійной. Открытое образованіе массовой партіи мыслимо лишь при относительной политической свободѣ, слѣдовательно, въ то время у насъ снова будетъ богатая соціалистическая пресса; неизбѣжная фракціонная полемика будетъ итти по всей линіи. Агитаторы—с.-р. и агитаторы—с.-д. попрежнему будутъ бороться за вліяніе на безпартійныхъ членовъ «партіи». А фракціонная борьба внутри соціалдемократіи? Можетъ быть, она потеряетъ свою остроту? На чамъ основаны такія ожиданія? Вотъ Вы лично для того, очевидно, чтобъ показать, какъ нетрудно объединиться съ с.-р-ами, называете Чернова товарищемъ (т.). Я лично ничего противъ этого не могу возразить. Но жаль, что въ той же самой брошюрѣ Вы называете «большевика» Лидина, дѣйствительно безнадежнаго въ своемъ фракціонномъ консерватизмѣ докринера, не товарищемъ (т.), а господиномъ (г.). Можетъ быть, это, впрочемъ, опечатка? Можетъ быть, можетъ быть... Но какая провиденціальная опечатка! Я боюсь, что кор-

ректоры будущей широкой партіи превратятъ эту опечатку въ норму.

Фракціонная борьба останется со всѣми своими тяжелыми послѣдствіями. И это въ сущности счастье: ибо какъ-никакъ фракціи представляютъ собою органическія образованія, тогда какъ внезапно учрежденная партія въ милліонъ головъ будетъ совершенно механическимъ соединеніемъ группъ и лицъ. Такимъ образомъ,—я вношу поправку къ сказанному выше,— если мы не придемъ къ печальной необходимости начинать эначала, такъ это только потому, что Ваша массовая партія все оставитъ по-прежнему: она будетъ почти такъ же безсильна на зло, какъ и на добро.

Надѣяться, что рабочій парламентъ, созванный не для временнаго руководства текущей практической борьбой класса, а для выработки общихъ нормъ политическаго поведенія, сможетъ регулировать борьбу фракцій и партій, значитъ витать въ царствѣ фикцій.

Вы спросите т. Череванина,—онъ вамъ ясно и точно скажетъ, чего ему въ этомъ отношеніи нужно отъ съѣзда.

«Разъ партія безсильна дѣйствовать въ пролетаріатѣ, какъ единое цѣлое, и въ то же время безсильна расколоться на самостоятельныя части,—это отвѣтъ Череванина, — *апелляція ко всему пролетаріату въ лицѣ рабочаго съѣзда становится единственнымъ выходомъ*».

«Масса рабочихъ,—жалуется Череванинъ,—имѣетъ чрезвычайно смутное представленіе не только о разногласіяхъ, раздѣляющихъ нашу партію, но и о разногласіяхъ раздѣляющихъ соціалдемократовъ отъ эсеровъ».

«Не тушить наши разногласія на рабочемъ съѣздѣ мы должны, какъ предлагаютъ намъ нѣкоторые,—заявляетъ Череванинъ,—а, напротивъ, *развернуть ихъ посредствомъ съѣзда передъ широкой массой»* *).

Вы видите, какъ обстоитъ дѣло? Оказывается, что реальная политическая жизнь, вовлекшая въ свой водоворотъ рабочія массы, не предъявляла до сихъ поръ большого спроса на наши

*) «Политическое положеніе и тактическія проблемы». Москва, 1906, стр. 153 и сл.

фракціонныя разногласія, а такъ какъ извѣстно, что не разногласія существуютъ для жизни, а жизнь должна служить матеріаломъ для разногласій, то естественно, что мы должны воспользоваться рабочимъ съѣздомъ, чтобъ развернуть наши фракціонныя достоинства въ ихъ полномъ объемѣ. Вы, можетъ быть, спросите, товарищъ, окажется ли съѣздъ, отражающій уровень пролетаріата въ данный моментъ, сколько-нибудь воспріимчивымъ къ тѣмъ фракціоннымъ качествамъ, которыя до сихъ поръ такъ мало ассимилировались сознаніемъ массы въ процессѣ всей ея политической практики? О, пустяки! Если на съѣздѣ хорошенько поработать локтями и колѣнями, то можно будетъ, наконецъ, вдавить въ сознаніе рабочихъ депутатовъ представленіе объ «истинной», «послѣдовательной» и «выдержанной» соціалдемократіи. Разумѣется, при одномъ условіи: если съѣздъ, который соберется во имя политическихъ задачъ, не разбѣжится задолго до окончанія нашего фракціоннаго самоопредѣленія или—что гораздо вѣроятнѣе—не выброситъ за дверь десятокъ фракціонныхъ маніаковъ.

Вы, конечно, совершенно не раздѣляете плановъ Череванина и, можетъ быть, съ нѣкоторымъ сочувствіемъ читаете эти строки. Вамъ, вѣроятно, даже кажется, что Вы съ Вашимъ Левіаѳаномъ «широкой рабочей партіи» отличаетесь отъ фракціониста-раскольника Череванина, какъ небо отъ земли. Но истинно говорю Вамъ: Вы гораздо ближе къ вашему антиподу, чѣмъ предполагаете. Васъ тѣсно объединяетъ совершенно *не-марксистское* представленіе о путяхъ партійнаго развитія. Сложная внутренная механика этого процесса вамъ обоимъ совершенно чужда.

Я понимаю, что говорю дерзость,—особенно по отношенію къ т. Череванину, который считаетъ себя принадлежащимъ къ небольшой, но избранной «*кучкѣ* интеллигентовъ и рабочихъ, усвоившихъ себѣ правильную соціалдемократическую тактику» *). Но тѣмъ не менѣе я стою на своемъ. Сужденія Череванина насквозь пропитаны раціонализмомъ. Онъ, повидимому, никогда не цѣловалъ въ уста прекрасную фею діалектическаго мышленія.

---

*) «Полит. полож. и такт. проблемы», стр. 154.

Для Череванина «правильная социалдемократическая тактика» это совокупность нѣсколькихъ принциповъ, усвоенныхъ «кучкой интеллигентовъ и рабочихъ».

Когда же онъ становится лицомъ къ лицу съ тѣмъ реальнымъ процессомъ, который, путемъ цѣлаго ряда противорѣчій, превращаетъ принципы въ живую тактику, онъ оказывается совершенно терроризованнымъ; онъ видитъ только путаницу, ошибки, уклоненія,—и совершенно не замѣчаетъ реальнаго остова, на которомъ эти ошибки выростаютъ,—именно формирующейся партіи. И испуганный муками претворенія слова въ дѣло, онъ призываетъ кучку избранныхъ покинуть это зачумленное мѣсто и демонстрировать подлинные, настоящіе принципы предъ дѣвственнымъ сознаніемъ широкихъ внѣпартійныхъ рабочихъ круговъ. Онъ не понимаетъ одного: какъ только его принципы будутъ усвоены, выступятъ наружу всѣ тѣ противорѣчія, отъ которыхъ онъ собирается бѣжать. Поистинѣ трагедія: вѣдь это борьба духа съ своею собственною плотью!

Но, дорогой товарищъ, и Вы нисколько не лучше. Ваше безуміе только болѣе красиво. Череванинъ надѣется, что полемическая дискуссія на рабочемъ съѣздѣ дастъ побѣду правильнымъ принципамъ. Вы надѣетесь не на удачно формулированные принципы и не на фракціонную полемику на рабочемъ съѣздѣ, а на «объективный ходъ вещей». Но вы тоже поворачиваетесь спиною къ тому живому политическому достоянію, которое у насъ есть: къ нашимъ фракціямъ, которыя въ своей борьбѣ и въ своемъ сотрудничествѣ, въ сложномъ взаимодѣйствіи съ массой, въ непрерывныхъ треніяхъ и уклоненіяхъ творятъ «послѣдовательно социалдемократическую массовую партію». И повѣрьте, что именно эта работа составляетъ добрую долю того объективнаго хода вещей, который ведетъ пролетаріатъ на путь социалистическаго самопредѣленія. А Вы, какъ метафизикъ, этого не учитываете и, какъ утопистъ, желаете однимъ героическимъ жестомъ «Левіафана на удѣ вытащить на брегъ».

* *
*

Для т. Череванина революція наполнена множествомъ «соблазновъ». Мелкобуржуазно-анархо-бланкистскіе бѣсы подстере-

гаютъ нашу партію за каждымъ пнемъ, за каждой старой гнилой колодой. «Истинному послѣдовательному соціалдемократу» поздно вечеромъ прямо-таки рискованно выходить изъ дому.

Выработка «истинной» классовой тактики встрѣчаетъ тысячи препятствій. Сатана буржуазнаго революціонизма принимаетъ все новые и новые образы. Только-что вытѣснили соціалистовъ-революціонеровъ изъ среды пролетаріата, какъ они немедленно возродились въ лицѣ «большевиковъ». Т. Череванинъ готовъ былъ бы расколоться съ «большевиками» и объявить ихъ внѣ соціалдемократіи, но его останавливаетъ сомнѣніе: не возродится ли «большевистское» теченіе въ средѣ самого меньшинства на другой день послѣ раскола?.. Картина получается удручающая. И если т. Череванинъ все-же не опускаетъ рукъ, и если онъ все-же питаетъ нѣкоторую надежду на созданіе «настоящей, послѣдовательной, выдержанной» соціалдемократіи, то этимъ онъ обязанъ не своему анализу, совершенно обезкураживающему, а исключительно бодрости своего соціалистическаго духа. Откуда исходятъ всѣ эти соблазны и трудности? Т. Череванинъ не прибавляетъ по этому вопросу ничего къ тому, что имѣется въ литературѣ «меньшинства»—и прежде всего въ статьяхъ т. Аксельрода. Именно: русскому пролетаріату приходится складываться въ партію, когда буржуазія еще не стоитъ у власти, когда буржуазная нація еще только борется революціоннымъ образомъ за государственную власть. Это создаетъ вокругъ пролетаріата атмосферу единства революціонныхъ интересовъ націи и толкаетъ «народъ» подъ гегемонію революціонныхъ представителей «общества». Отсюда же выростаетъ и опасность чисто-якобинскихъ методовъ политики въ средѣ самой соціалдемократіи.—Противъ этого анализа,—если видѣть въ немъ изображеніе *одной изъ тенденцій* революціоннаго развитія,—ничего нельзя возразить; наоборотъ, его всегда необходимо имѣть въ виду при повѣркѣ общаго направленія нашей политики. Но это именно анализъ. А т. Череванинъ дѣлаетъ изъ него готовое чучело и это чучело ставитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ему хотѣлось бы видѣть границу «выдержанной» соціалдемократіи.

Вытѣснили бланкизмъ въ лицѣ соціалистовъ-революціонеровъ, жалуется Череванинъ,—и онъ немедленно обернулся въ боль-

шевиковъ. Я вовсе не стану отрицать, что въ средѣ большевиковъ всплываютъ время отъ времени тенденціи, приближающіяся къ с.-р.-ству. Но составляютъ ли эти тенденціи *сущность* политической работы большевиковъ? Черванинъ ссылается на нѣкоторыя статьи и резолюціи большевиковъ—по поводу партизанскихъ дѣйствій, экспропріаціи и пр.—и заканчиваетъ восклицаніемъ: можно ли съ ними жить въ одной партіи? Если составить о большевикахъ представленіе по Черванину, то невольно возникнетъ вопросъ: чѣмъ же эти господа отличаются отъ максималистовъ-экспропріаторовъ, анархистовъ-коммунистовъ и пр. Я лично очень мало сочувствовалъ тѣмъ тенденціямъ, по поводу которыхъ Черванинъ ставитъ вопросъ о расколѣ. Но для меня большевики—не пара статей и не пара резолюцій, хотя-бы анархическихъ, а значительная часть соціалдемократической партіи. И когда я стараюсь отдать себѣ отчетъ въ опасностяхъ «большевизма», то я беру его не въ его особности, а въ живой связи съ другой фракціей, со всей партіей и, черезъ нее, со всѣмъ рабочимъ движеніемъ. Поэтому я безъ всякаго отчаянія встрѣтилъ тѣ статьи и заявленія, въ которыхъ несомнѣнно отразилась анархическая сторона революціи; мое представленіе о партіи говорило мнѣ, что литературно-анархическій налетъ, отвѣчающій эксцессамъ отдѣльныхъ группъ загнанной въ подполье революціонной массы, будетъ снесенъ новымъ политическимъ подъемомъ; что связь большевиковъ съ массами слишкомъ велика, движеніе пролетаріата слишкомъ опредѣленно, политическія тенденціи слишкомъ сильны, чтобы многотысячной фракціи нашей партіи грозила опасность превратиться въ группы партизановъ-экспропріаторовъ. Разумѣется, партійная критика вредныхъ тенденцій была необходима. Но ставить по этому поводу вопросъ о расколѣ значитъ обнаруживать весьма сомнительную политическую зрѣлость.

Тенденцію Черванинъ превращаетъ въ *фактъ*, а матеріалистическій *анализъ* замѣняетъ *примѣркой* къ шаблону. Соціалисты-революціонеры для него какъ-бы образецъ бланкизма, и стоитъ установить между ними и большевиками сходство, если не тождество,—и вопросъ рѣшенъ. А между тѣмъ т. Черванинъ совершенно проглядѣлъ то перерожденіе, которое претерпѣваютъ сами соціалисты-революціонеры. Не только депу-

таты-рабочіе, прошедшіе с.-р-скую школу, но и офиціальные представители этой партіи, съ которыми намъ пришлось работать въ Петербургскомъ Совѣтѣ, очень далеко ушли отъ того архаическаго типа, который былъ представленъ въ свое время «Вѣстникомъ Русской Революціи» и многими статьями «Революціонной Россіи». Стоитъ только припомнить прежнее огульное отрицаніе классовыхъ «перегородокъ» въ «единомъ» революціонномъ движеніи, признаніе за земской оппозиціей не только демократическаго, но и соціалистическаго (!) характера, чтобъ увидѣть, какъ сильно приблизились соціалисты-революціонеры, работающіе въ городахъ, къ классовому соціализму. Правда, ихъ точка зрѣнія сильно отстаетъ отъ ихъ политической практики; но и теперь уже оказалось невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ партіи «народныхъ соціалистовъ», съ одной стороны, и «максималистовъ» съ другой. Соціалдемократическая критика была вполнѣ права, когда вскрывала въ с.-р-ствѣ двойственную тенденцію къ анархизму и къ мѣщанскому политическому радикализму. Нашей критикѣ пришло на помощь политическое развитіе и положило начало неизбѣжной дифференціаціи. Въ высокой степени замѣчательно, что однородное перерожденіе переживаетъ теперь польская соціалистическая партія (P. P. S.), во многомъ близкая нашимъ соціалистамъ-революціонерамъ и состоящая съ ними въ соглашеніи. На дняхъ только отъ P. P. S. откололось бланкистско-націоналистическое крыло партіи, и заявленіе Центральнаго Комитета объ этомъ расколѣ показываетъ, какъ быстро приближается эта часть польской рабочей демократіи къ дѣйствительно классовому соціализму. И въ этомъ случаѣ не малую роль играетъ критика польской соціалдемократіи. Но рѣшающее значеніе принадлежитъ фактамъ революціи...

Но не будемъ отвлекаться. Тенденція въ сторону якобинскаго (почтительно-высокомѣрнаго) третированія массы несомнѣнно создается буржуазной революціей. Но на перерѣзъ идутъ другія силы и вліянія: высокій соціальный типъ нашего индустріальнаго пролетаріата, который десятью головами выше санкюлотовъ 1789—93 г.г. и подмастерьевъ 48 г.; значительное число сознательныхъ соціалистовъ въ рабочей средѣ; примѣръ и вліяніе классовой борьбы Запада и пр. и пр. И я ду-

маю, что всякій соціалдемократъ, если онъ только наблюдаетъ жизнь не прокурорскими глазами фракціоннаго сектанта, признаетъ, что объективное развитіе не только не стремится оторвать большевиковъ отъ соціалдемократіи и перебросить ихъ въ лагерь «анархо-бланкизма», но, наоборотъ, многое уже сдѣлалъ для того, чтобы приблизить даже и соц.-революціонеровъ, по крайней мѣрѣ, ихъ городскіе элементы, къ программѣ и тактикѣ классовой борьбы. Досадно, что Череванину некогда заниматься такими наблюденіями: онъ мечтаетъ о расколѣ партіи, какъ о средствѣ спасти праведниковъ соціалдемократіи отъ потопа буржуазной революціи.

Но замѣтили ли Вы, товарищъ, какъ односторононенъ пессимизмъ Череванина? Это ярко проявилось въ полемикѣ по поводу избирательныхъ соглашеній съ либеральной буржуазіей. Публицисты «большинства», какъ извѣстно, указывали и указываютъ, какую опасность для ясности классового сознанія представляютъ соглашенія на «первой стадіи». Череванинъ совершенно отказывается видѣть эту опасность. Оппозиціонная Дума—въ интересахъ политической свободы; политическая свобода—въ интересахъ пролетаріата; соглашенія съ кадетами способствуютъ образованію оппозиціонной Думы,—какимъ же образомъ выясненіе условій, благопріятствующихъ классовымъ интересамъ пролетаріата, можетъ затемнять его классовое сознаніе? Вотъ схема разсужденій Череванина. Но вѣдь мы кое-что знаемъ объ европейской практикѣ соглашеній, которая имѣетъ свою внутреннюю логику, ведущую къ политикѣ «блока» рабочихъ съ радикальными буржуа. Европа—другое дѣло, отвѣтитъ намъ т. Череванинъ, тамъ буржуазія уже стоитъ у кормила, а у насъ приходится еще только тащить ее къ кормилу за шиворотъ.—Прекрасно, но вѣдь раньше мы слышали, что именно это наше отличіе отъ парламентской Европы создаетъ опасность подчиненія пролетаріата оппозиціонно-политическому руководству буржуазіи. Неужели же т. Череванинъ не понимаетъ, что соглашенія съ либеральной оппозиціей идутъ на встрѣчу этой тенденціи? Или онъ думаетъ, что только идея «диктатуры пролетаріата и крестьянства» можетъ затемнить сознаніе рабочихъ, а практика политическихъ соглашеній не чревата никакими опасностями? Но въ такомъ случаѣ почему

она называется «меньшимъ *зломъ*»? Наивно думать, что намъ угрожаетъ только «анархо-бланкизмъ»,—по мѣрѣ того, какъ мы врѣзываемся въ парламентарныя условія, мы идемъ навстрѣчу вульгарнѣйшему оппортунизму. То, что для насъ при извѣстныхъ условіяхъ «неизбѣжное зло», для оппортунистовъ основа всей политической мудрости. Стоитъ только вспомнить, какъ ухватились ревизіонисты изъ «Товарища» за знамя «блока», какъ они стараются оторвать меньшевиковъ отъ большевиковъ и утопить этихъ послѣднихъ въ лужѣ газетной воды, —и станетъ ясно, что все это дѣлается не для того, чтобы спасти пролетаріатъ отъ «анархо-бланкизма», а для того, чтобъ перетянуть соціалдемократію на путь «реальной» политики, т. е. привить ей жалкій реформаторскій утопизмъ. Я вовсе не думаю, что все и вся, чему симпатизируютъ ревизіонисты, подлежитъ уже тѣмъ самымъ гееннѣ огненной. Наоборотъ, я стою за соглашенія. Но я позволяю себѣ думать, что сочувствіе ревизіонистовъ и кадетовъ такъ же характерно для всякаго отклоненія въ сторону оппортунизма, какъ и сочувствіе соціалистовъ-революціонеровъ—для каждаго проявленія бланкистскихъ тенденцій. Опасности есть на обѣихъ сторонахъ, и потому соціалдемократъ долженъ глядѣть «въ оба». А т. Череванинъ слегка коситъ на правый глазъ. Будемъ, однако, надѣяться, что это не создастъ ему никакихъ неудобствъ въ его дальнѣйшей политической дѣятельности.

* *
*

Предлагая намъ совершить головокружительный скачекъ въ неизвѣстное, Вы считаете необходимымъ опереться на историческіе прецеденты. Съ одной стороны Вы указываете на Англію, гдѣ пролетаріатъ «оформилъ классовую борьбу образованіемъ широкой партіи» съ другой стороны—на Бельгію, гдѣ рабочая партія сложилась путемъ съѣзда соціалдемократическихъ рабочихъ организацій. На Бельгію—собственно не на Бельгію, а на 20 строкъ въ книгѣ Вандервельда—ссылается, подобно Вамъ, другой сторонникъ внезапной широкой партіи, т. Щегло. Англія и Бельгія—съ какихъ поръ эти двѣ страны стали для насъ образцами политическаго развитія?

Въ Англіи Вы берете за образецъ Комитетъ Рабочаго Представительства, который, однако, ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на роль центральнаго комитета рабочей партіи. Это спеціальный органъ, выдвинутой главнымъ образомъ трэдъюніонами, въ цѣляхъ самостоятельнаго рабочаго представительства въ парламентѣ. Побѣда Комитета на послѣднихъ общихъ выборахъ имѣетъ, безспорно, огромное симптоматическое значеніе. Англійскій пролетаріатъ, впавшій въ летаргію послѣ пораженія чартизма, снова пробуждается къ политической жизни. Но отсюда еще очень далеко до того, чтобъ видѣть въ Комитетѣ Рабочаго Представительства партію пролетаріата, по образцу которой намъ нужно строить свою! Это безъ труда пойметъ всякій, кто приметъ во вниманіе, что *англійская соціалдемократія не вступила въ эту парламентарную организацію рабочихъ союзовъ и группъ.* Я прямо-таки изумляюсь, какъ это Вы, соціалдемократъ, ни единымъ словомъ не упоминаете объ этомъ обстоятельствѣ, рекомендуя намъ новую англійскую «партію» въ качествѣ примѣра. Вы, конечно, не обязаны соглашаться съ тактикой англійскихъ соціалдемократовъ. Но Вы обязаны во всякомъ случаѣ принять во вниманіе и взвѣсить ее. Надо думать, они достаточно компетентны въ оцѣнкѣ англійскихъ условій, достаточно заинтерессованы въ созданіи широкой рабочей партіи, и если, тѣмъ не менѣе, не примкнули къ Комитету Представительства, то имѣли на это серьезныя основанія.

Кромѣ трэдъ-юніоновъ къ этому Комитету принадлежатъ: Фабіанское Общество, насчитывающее 900 членовъ, и Независимая Рабочая Партія, въ которую входитъ 16.000 членовъ. Это несомнѣнно *лѣвое* крыло парламентской организаціи англійскаго пролетаріата. А между тѣмъ соціалдемократическая федерація на послѣднемъ своемъ съѣздѣ въ Бредфордѣ (на Пасхѣ 1906 г.) отклонила мысль о сліяніи даже и съ Независимой Рабочей Партіей, принявъ по этому поводу резолюцію Гайндмана. Васъ эти «мелочи», разумѣется, совершенно не интересуютъ. Вашимъ взорамъ предносится партія въ милліонъ человѣкъ, тогда какъ я отклоняю Ваше вниманіе въ сторону соціалдемократіи, насчитывающей какихъ-нибудь два десятка тысячъ членовъ. Тѣмъ не менѣе смѣю Васъ завѣрить, что начинающееся политическое

самоопредѣленіе англійскихъ рабочихъ массъ многимъ обязано неутомимой пропагандѣ немногочисленной англійской соціалдемократіи. И теперь, когда послѣ многолѣтнихъ, наполовину безплодныхъ усилій, предъ ней открываются, повидимому, широкіе горизонты, она предпочла не связывать себя организаціонной дисциплиной съ все еще пропитанной буржуазными предразсудками массой трэдъ-юніонистовъ, сохраняя свою независимость для дѣла критики и пропаганды. Фактъ вступленія тридцати независимыхъ рабочихъ депутатовъ въ палату общинъ, какъ уже сказано, очень знаменателенъ; но поведеніе этихъ депутатовъ далеко не всегда отвѣчаетъ требованіямъ классовой политики. Центральному органу англійской соціалдемократіи, «Justice», приходилось по разнымъ поводамъ спрашивать, «когда же, наконецъ, Рабочая Партія пойметъ, что въ ея задачи вовсе не входитъ составлять неотдѣлимую часть нынѣшней парламентской машины?» Можно быть увѣреннымъ, что политическое развитіе англійскаго пролетаріата пойдетъ отнынѣ быстрыми шагами,—соціально-политическія условія крайне благопріятны,—но англійская соціалдемократія гораздо больше внесетъ въ этотъ процессъ, если останется самостоятельнымъ авангардомъ, сознательнымъ и бодрствующимъ, чѣмъ если растворится въ огромной, но дѣтски-безпомощной рабочей «партіи».

Итакъ, изъ Вашей неожиданной экскурсіи въ Великобританію Вы, если-бъ только Васъ не ослѣпляла предвзятая мысль, должны были бы извлечь выводы, совершенно разрушающіе Ваши метафизическія конструкціи:

1. Несмотря на то, что пролетаріатъ объективными условіями своего существованія направляется въ сторону соціальной революціи, именно примѣръ Англіи показываетъ, что политическое развитіе рабочаго класса далеко не всегда оказывается планомѣрнымъ восхожденіемъ къ соціализму; «заминки» простираются иной разъ, какъ видите, на нѣсколько десятилѣтій. Слѣдовательно, «судьбы исторіи» отнюдь еще не могутъ служить непосредственной гарантіей нашихъ прыжковъ въ неизвѣстное и безпредѣльное.

2. Именно примѣръ Англіи показываетъ, что соціалдемократія, даже оставаясь въ силу неблагопріятныхъ историческихъ условій узкой и почти сектантской организаціей, можетъ

совершать свою работу, подготовляя, съ одной стороны, многочисленныхъ соціалистическихъ инструкторовъ и способствуя, съ другой стороны, отмежеванію внѣ ея организованныхъ рабочихъ массъ отъ буржуазныхъ партій.

3. Именно примѣръ Англіи показываетъ, что даже послѣ образованія самостоятельной широкой рабочей партіи, соціалдемократія—при извѣстныхъ условіяхъ—можетъ оказать наибольшую услугу этой партіи, не растворяясь въ ней, а сохраняя за собой полную свободу дѣйствій для критики и пропаганды.

Вотъ какъ обстоитъ дѣло съ Англіей. Я боюсь, что Вы зададите мнѣ вопросъ: но развѣ наши соціально-политическія условія такъ же неблагопріятны для быстраго сплоченія массовой соціалдемократіи, какъ условія Англіи? О, нѣтъ, отвѣчу я, ничего подобнаго! Но только зачѣмъ же Вы берете за образецъ страну, которая намъ не можетъ служить образцомъ, и опытъ которой доказываетъ скорѣе прямо-противоположное тому, что вы хотите доказать?

Кромѣ Англіи, Вы привлекли еще къ дѣлу и Бельгію. Исторія бельгійской рабочей партіи въ Вашемъ изложеніи какъ-бы спеціально создана намъ на поученіе. Партія образовалась въ 1885 г. на рабочемъ съѣздѣ, представлявшемъ какъ политическія, такъ и экономическія организаціи пролетаріата. «Немедля началась,—разсказываете Вы,—оживленная борьба за всеобщее избирательное право... Теперь партія имѣетъ въ парламентѣ 34 депутата...» *). Выходитъ, что все произошло «немедля» и крайне просто, благодаря тому, что 5 апрѣля 1885 г. съѣхалась сотня рабочихъ, представлявшихъ 59 ассоціацій. На самомъ дѣлѣ все это совершенно невѣрно.

Начать съ того, что къ моменту учредительнаго рабочаго съѣзда въ Бельгіи не было политической рабочей организаціи, которую хоть въ самой отдаленной мѣрѣ можно было бы сопоставить съ россійской соціалдемократіей; были разрозненные кружки и группы—кооперативы, профессіональные союзы, общества взаимопомощи, соціалистическія организаціи; было вполнѣ естественное тяготѣніе къ единству, вызывавшееся между прочимъ и потребностями борьбы за всеобщее избирательное право,

*) «Широкая раб. партія», стр. 54.

которая началась вовсе не «немедля» послѣ съѣзда 1885 г., а за нѣсколько лѣтъ до того, вскорѣ послѣ образованія такъ называвшейся «Бельгійской Соціалистической Партіи» (въ 1879 г.), если ужъ не считать движенія 1866 г. Съѣздъ 1875 г. не былъ предпріятіемъ какой-нибудь значительной національной организаціи соціалистическаго пролетаріата, онъ былъ выраженіемъ объединительныхъ тенденцій разрозненныхъ рабочихъ кружковъ. Учрежденная на этомъ съѣздѣ партія была, внѣ всякаго сомнѣнія, гораздо слабѣе нашей нынѣшней соціалдемократіи—и ничуть не походила на ту всеобъемлющую организацію, которую Вы думаете создать у насъ путемъ скорорѣшительныхъ пріемовъ. Незачѣмъ и говорить, что объединеніе раздробленныхъ ассоціацій было огромнымъ шагомъ впередъ; но если-бы въ Бельгіи къ 1885 г. была высоко-стоящая національная соціалдемократія, возникшая путемъ подбора, *учредительный* съѣздъ рабочихъ ассоціацій былъ бы излишнимъ, ибо это вѣдь не единственный методъ созданія партіи. Не единственный—и не непремѣнно лучшій: такъ, послѣ 1885 г. бельгійская рабочая партія далеко не скоро пришла къ выработкѣ планомѣрной тактики. Не говоря о томъ, что въ нѣкоторыхъ кругахъ своихъ она переплеталась съ либеральной партіей, среди многихъ ея экономическихъ организацій царило полное равнодушіе къ политикѣ и соціализму. На этой почвѣ уже въ 1887 г. новая партія *раскололась* на двѣ части: на Рабочую и на Республиканско-соціалистическую партіи. Въ 1889 г. на конгрессѣ Рабочей Партіи было внесено предложеніе о переименованіи ея въ «Партію работниковъ» (Parti des travailleurs) и о раздѣленіи ея на четыре совершенно автономныя организаціи: профессіональные синдикаты, общества взаимопомощи, кооперативы и политическіе союзы. Это предложеніе имѣло своей цѣлью расширеніе партіи. Но такъ какъ оно, по словамъ Вандервельда, способно было привести къ *ослабленію цѣльности* партіи и уменьшенію *вліянія соціалистическаго духа*, то конгрессъ отвергъ его *подавляющимъ большинствомъ* *). Это показываетъ, что какъ только образова-

*) Э. Вандервельдъ и Ж. Дестрэ. «Соціализмъ въ Бельгіи» Москва, 1906, стр. 103.

лась національная рабочая партія, достигшая извѣстнаго политическаго уровня, она сочла необходимымъ отказаться отъ *примитивныхъ* методовъ организаціи, выражающихся въ чисто механическомъ включеніи рабочихъ группъ въ формальныя границы партіи.

Такимъ образомъ, съ Бельгіей дѣло обстоитъ не многимъ лучше, чѣмъ съ Англіей. Но если даже закрыть глаза на факты и придать Вашимъ примѣрамъ то истолкованіе, которое Вамъ нужно, все-же останется несомнѣннымъ, что какъ бельгійская рабочая партія 1885 г., такъ и англійская рабочая партія 1905 г. возникли на основѣ *добровольныхъ* ассоціацій пролетаріата, какъ кооперативы, трэдъ-юніоны, политическіе союзы. Но, насколько мнѣ извѣстно, еще никому не приходило въ голову включать въ партію сплошь цѣлые заводы, — только потому, что они насчитываютъ свыше 2.000 рабочихъ! Это уже совершенно самобытное творчество, не имѣющее никакихъ прецедентовъ—даже въ Вашемъ свободномъ истолкованіи европейскаго опыта.

* *
*

Еще два слова въ заключеніе этого растянувшагося письма. Вы о себѣ говорите въ Вашей брошюрѣ, какъ о бывшемъ членѣ петербургской группы партіи. Это даетъ мнѣ право надѣяться, что Вы помните, какъ далека была группа — и, можетъ быть, Вы сами?—полтора года тому назадъ отъ широкихъ плановъ, которые Вы теперь лелѣете. Тогда не только не было рѣчи о сліяніи всѣхъ соціалистическихъ и профессіональныхъ ручейковъ въ безбрежномъ океанѣ рабочей партіи, но, наоборотъ, считалось, что въ самомъ ручейкѣ вода должна быть не иначе, какъ строго профильтрованной. Можетъ быть, Вы сами, товарищъ, чувствовали тогда склонность къ такому фильтрованію?— Я считаю умѣстнымъ разсказать здѣсь слѣдующій эпизодъ, который я живо вспоминаю. Въ петербургской организаціи «меньшинства», къ которой Вы принадлежали и съ которой у меня были личныя связи, состояло нѣсколько человѣкъ, не вполнѣ раздѣлявшихъ офиціальную точку зрѣнія группы на новые въ то время вопросы о временномъ правительствѣ, участіи въ немъ и пр. и пр. Одинъ изъ «отвѣтственныхъ представителей»

меньшинства—это Вашъ терминъ, товарищъ,—внесъ предложеніе, силою котораго изъ группы должны были удалиться тѣ члены ея, которые не соглашались съ составленными на-спѣхъ резолюціями по вопросамъ о возстаніи и временномъ правительствѣ. Я не помню судьбы этого предложенія, но хорошо помню свою бесѣду съ отвѣтственнымъ его авторомъ. Я прежде всего позволилъ себѣ выразить сомнѣніе въ томъ, достаточно ли у группы основаній считать себя настолько авторитетной, чтобы составлять впрокъ обязательныя резолюціи по спорнымъ вопросамъ, отнюдь еще не стоящимъ на очереди. И затѣмъ, спросилъ я «отвѣтственнаго представителя», что же сдѣлаютъ товарищи, изгнанные изъ группы? Перейдутъ изъ центра въ организаціонную периферію, не такъ-ли? Такимъ путемъ, въ интересахъ поддержанія «единства» въ руководящей коллегіи вы превратите районныя организаціи въ мѣста ссылки для всѣхъ инако-мыслящихъ. Не боитесь ли вы въ такомъ случаѣ, что между вами, абсолютно однороднымъ центромъ, и рабочей массой возникнетъ еретическое средостѣніе?—Отвѣтственный представитель отвѣтилъ мнѣ, что лица, отступающія отъ «политической платформы» группы не могутъ быть терпимы и въ периферіи. Имъ остается либо уходить къ «большевикамъ», либо строить самостоятельную организацію. Но, позвольте,— возразилъ я, признаюсь, въ нѣкоторомъ ужасѣ, — вѣдь это тѣ самые чисто-механическіе, оперативные методы строительства, которыми столь печально ознаменовался періодъ перехода отъ кружковъ къ общепартійной организаціи! Вѣдь меньшинство, какъ таковое, возникло и сложилось именно на почвѣ протеста противъ организаціоннаго деспотизма «однородныхъ» правящихъ коллегій! Вѣдь острыя формы оппозиціи меньшинства оправдывались именно необходимостью отстоять свободу партійнаго мышленія и, если угодно, свободу фракціонныхъ заблужденій отъ уравнительныхъ методовъ распущенія, исключенія и разгона?—На это «отвѣтственный представитель» отвѣтилъ мнѣ буквально слѣдующее: «Все это такъ, но теперь выдвинулись программно-тактическія разногласія, которыя гораздо важнѣе принциповъ организаціонной политики; положеніе таково, что въ борьбѣ за чистоту своего направленія меньшинство вынуждено само примѣнять тѣ методы, которые оно вмѣняло

большевикамъ въ преступленіе». Вы, можетъ быть, помните этотъ отвѣтъ, какъ помните, вѣроятно, то обстоятельство, что «отвѣтственнымъ представителемъ», авторомъ оперативнаго предложенія и моимъ собесѣдникомъ были Вы сами, уважаемый товарищъ... Съ тѣхъ поръ прошло полтора года. За это время много воды утекло подъ петербургскими и иными мостами. Прожитое время ни для кого изъ насъ не пропало даромъ. И я съ удовольствіемъ вижу изъ Вашей брошюры, что Вы усвоили себѣ цѣлый рядъ элементарныхъ истинъ партійной мудрости, на которыя я обращалъ Ваше вниманіе во время нашего разговора. Это, однако, не все. Изъ той же Вашей брошюры я лишній разъ убѣждаюсь, что не только общественное, но и личное развитіе совершается путемъ противорѣчій и крайностей. Отъ искусственнаго организаціоннаго отбора «строго выдержанныхъ меньшевиковъ»(!) Вы перешли къ пропагандѣ растворенія всей соціалдемократіи въ огромной независимой рабочей партіи; отъ предложенія выключить изъ фракціонно-партійной организаціи единомышленниковъ Парвуса и Троцкаго. вы пришли къ предложенію включить въ партійную организацію сторонниковъ Чернова и Пѣшехонова.

Простите, товарищъ, но я думаю, что Вы еще не нашли необходимаго организаціоннаго равновѣсія. Эволюція партіи Васъ слишкомъ раскачала. Вамъ еще необходимо прійти къ болѣе упорядоченному, болѣе синтетическому представленію о путяхъ и средствахъ сплоченія партіи. Вы такъ независимо и проницательно мыслите по существу, что,—я лично не сомнѣваюсь въ этомъ,—Вы сумѣете отказаться отъ тѣхъ сенсаціонныхъ парадоксовъ, которые свидѣтельствуютъ не о «смѣлости» мысли, а только объ ея... неуравновѣшенности. Ваши всеобъемлющіе планы—только формальная антитеза фракціонному консерватизму и фанатизму. Въ развитіи вашего личнаго политическаго мышленія это, вѣроятно, необходимый эпизодъ. Но для партіи было бы безумной роскошью продѣлывать этотъ бурный эпизодъ вмѣстѣ съ Вами.

Примите мой товарищескій привѣтъ.

Н. Троцкій.

1 декабря 1906 г.

Въ защиту партіи.

«Если только не хотятъ изгнать борьбу изъ литературы и политики, —а изгнать ее значило бы убить всякую литературную и политическую жизнь,—то приходится мириться съ фактомъ, что на войнѣ все именно и ведется, какъ на войнѣ... Законность такой борьбы растетъ въ той мѣрѣ, въ какой она задѣваетъ *лицо ради дѣла;* но чѣмъ больше она въ лицѣ видитъ только дѣло, тѣмъ больше нарушаетъ она личныя права этого лица.»

(Фр. Мерингъ, «Ист. герм с.-д.», т. II.).

«Привыкли мы крапивой звать крапиву
И глупостью—глупцовъ дѣла».

(Шекспиръ, «Коріоланъ»).

1. По поводу моихъ «полемическихъ пріемовъ».

«Если я васъ убью, такъ это пустяки, но если вы убьете меня,—клянусь Георгіемъ!—это убійство». (Констэбль изъ Понча—чартисту).

Въ числѣ моихъ критиковъ есть г. Прокоповичъ, ревизіонистъ, слѣдовательно «критикъ» изъ чести и по профессіи.

Свою статью обо мнѣ («Товарищъ», № 108) г. Прокоповичъ выразительно назвалъ «Партійная безцеремонность», давая тѣмъ, очевидно, понять, что самъ онъ стоитъ за безцеремонность *без*партійную.

Г. Прокоповичъ предпосылаетъ своей критикѣ нѣсколько совершенно новыхъ и блестяще-формулированныхъ мыслей на тему о томъ, что есть «полемика и полемика»; что «идейная полемика имѣетъ огромное политическое значеніе»; что антагонистомъ ея является «полемика личная, заключающаяся въ по-

пошенiи личности противника, въ забрасыванiи его грязью», и затѣмъ заявляетъ, что именно я, Троцкiй, полемизирую въ этомъ недостойномъ родѣ, «инсинуирую по чужимъ адресамъ безъ всякой мѣры» и «выбрасываю изъ тюрьмы брань». Г. Прокоповичъ, однако, примѣровъ моей брани и моихъ инсинуацiй не приводитъ. Онъ заявляетъ лишь, что не послѣдуетъ за мной въ моей манерѣ вести полемику и сдѣлаетъ попытку—трудную, въ виду моей «интеллектуальной физiономiи»—перевести вопросъ на почву идейнаго спора.

Инсинуацiи и брань безспорно дурное дѣло. Но и ложь, по моему, никогда никому украшенiемъ не служила. А я долженъ сказать, что всѣ исполненныя высокаго негодованiя рѣчи г. Прокоповича насчетъ того, будто я занимаюсь въ своей книгѣ инсинуацiями, поношенiемъ личности противниковъ и забрасыванiемъ ихъ грязью, представляетъ просто злую ложь. На трехстахъ страницахъ своей книги я полемизирую со многами лицами. Моя полемика можетъ показаться пристрастной, невѣрной, придирчивой, рѣзкой, бездарной, но это всегда — принципiальная полемика, это всегда—политическая критика, это всегда—идейная борьба. На добро или на худо—политика дѣлается живыми людьми. И то, что я считаю неправдой, заблужденiемъ или глупостью въ политической жизни, всегда стоитъ предо мною, какъ живой противникъ или врагъ. Я нападаю на него, если я считаю, что дѣло, которому я служу, требуетъ этого. Мои нападки могутъ быть несправедливы, грубы или неуклюжи. Но никогда я не «поношу» личность противника ради нея самой, никогда не «инсинуирую», не «забрасываю грязью». И если г. Прокоповичъ говоритъ противное, онъ говоритъ неправду.

На тѣхъ двухъ страницахъ своей книги, гдѣ я говорю о русскихъ «ревизiонистахъ», ушедшихъ изъ партiи пролетарiата и не вступившихъ въ партiю буржуазiи, безсильныхъ на добро и на зло, получившихъ возможность своего литературнаго выраженiя только благодаря тому, что либеральное общество охотно мирится съ ихъ «критическимъ соцiализмомъ», направленнымъ не противъ либерализма, а противъ фактически существующей соцiалдемократiи,—на этихъ двухъ страницахъ, которыя имѣетъ въ виду г. Прокоповичъ и которыя сейчасъ раскрыты предо мною, нѣтъ ни одной строки, которая была бы

направлена противъ *моральной* физіономіи г. Прокоповича, противъ *чистоты и безкорыстія* его намѣреній и противъ *искренности* его ошибокъ.

Но такъ какъ эти двѣ страницы показались г. Прокоповичу несправедливыми и рѣзкими, то онъ, писатель, знающій только идейную полемику, прежде всего занялся розыскомъ, какія *личныя* причины могли быть у меня для моей критики.

«Г. Троцкій,—такъ пишетъ мой оппонентъ,—съ особеннымъ усердіемъ набрасывается на меня и другое лицо, *хотя*(!) ни въ нашихъ прежнихъ писаніяхъ, ни въ журналѣ «Безъ Заглавія», на который г. Троцкій *почему-то* особенно сердитъ, его фамилія рѣшительно ни разу не упоминалась,—просто за ненадобностью: нашъ журналъ велъ только идейную полемику.» (Курс. мой) Да я, Троцкій, знающій только личную полемику, брань и инсинуаціи, считаю себя въ правѣ быть «сердитымъ» и «набрасываться» въ тѣхъ случаяхъ, когда я лично ничѣмъ не задѣтъ,—и этимъ моя *личная* полемика отличается отъ *идейной* полемики г. Прокоповича, который немедленно производитъ розыскъ насчетъ намѣреній своего оппонента и, противопоставивъ моимъ двумъ страницамъ три газетныхъ столбца, ни словомъ не упоминаетъ о качествѣ моей полемики противъ *другихъ* лицъ: что-жъ, г. Прокоповичъ, моя книга сплошь инсинуація—или во всѣхъ другихъ случаяхъ я выступаю, какъ честный журналистъ?

Нѣтъ, повидимому, нѣтъ. Ибо г. Прокоповичъ пишетъ, что имя мое ни разу не появлялось въ его журналѣ «Безъ Заглавія» *именно потому*, что я негодный противникъ для идейной полемики. Какъ жаль, что для такого рѣшительнаго утвержденія г. Прокоповичъ произвелъ недостаточно точное разслѣдованіе. Въ его журналѣ «Безъ Заглавія» упоминалось мое имя,—и хотя рѣчь шла о моемъ памфлетѣ противъ Струве, гдѣ ужасныя свойства моей полемики должна были сказаться во всей своей наготѣ, сотрудникъ «Безъ Заглавія» отзывается о моей брошюрѣ очень сочувственно, называя ее «интересной и талантливой» (№ 12, стр. 494). Если-бъ я хотѣлъ искать *личныхъ* причинъ этой оплошности редактора покойнаго журнала, я долженъ былъ бы предположить, что г. Прокоповичъ не зналъ, кто скрывается за псевдонимомъ *Л. Тахоцкій*, и только

потому допустилъ похвалу по адресу полемической брошюры журналиста, замѣняющаго честную полемику инсинуаціей и бранью.

Замѣчательное, однако, дѣло! Г. Прокоповичъ въ началѣ своей статьи прямо говоритъ, что только *предисловіе* къ моей книгѣ является «образчикомъ» личной полемики, а нѣсколькими строками ниже онъ уже съ возмущеніемъ говоритъ о моей «интеллектуальной физіономіи» вообще. Въ своей книгѣ я полемизирую съ абсолютизмомъ, съ реакціей, съ либерализмомъ всѣхъ оттѣнковъ, наконецъ съ нѣкоторыми теченіями внутри нашей собственной партіи. Обо всей этой полемикѣ г. Прокоповичъ не упоминаетъ ни словомъ и всю мою «интеллектуальную физіономію» пріурочиваетъ къ *двумъ страничкамъ* предисловія, на которыхъ упоминается его имя. Если-бъ мой обличитель не предупредилъ насъ, что онъ рыцарь идейной полемики, можно было бы подумать, что г. Прокоповичъ оцѣниваетъ интеллектуальную физіономію публициста исключительно въ зависимости отъ того, какъ этотъ послѣдній относится *къ нему лично.*

Замѣчательное дѣло! Я отвѣчалъ когда-то «Нашей Жизни» въ «Началѣ». Тонъ этой моей статьи г. Прокоповичъ называетъ «вполнѣ приличнымъ». А между тѣмъ въ полемическомъ отношеніи мое предисловіе не содержитъ ничего такого, чего не было бы уже въ моей «вполнѣ приличной» статьѣ. Въ этой послѣдней я говорилъ о своихъ оппонентахъ, какъ о «таинственныхъ «марксистахъ», притаившихся на запяткахъ конституціонно-демократической газеты». Этими словами я старался охарактеризовать *политическое* положеніе русскихъ ревизіонистовъ. Этому же вопросу посвящены двѣ злополучныя странички моего предисловія, и онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего болѣе рѣзкаго, чѣмъ приведенныя строки изъ «вполнѣ приличной» статьи. Нужно, однако, указать, что въ статьѣ г. Прокоповичъ не былъ названъ, тогда какъ въ предисловіи имя его упомянуто. Конечно, конечно, это не имѣетъ никакого значенія,—но какъ все-таки хорошо, что г. Прокоповичъ сразу отрекомендовался идейнымъ публицистомъ,—иначе ему положительно можно было бы приписать психологію пончскаго констэбля.

Однако, замѣчательное дѣло! Г. Прокоповичъ, какъ мы уже знаемъ, говоритъ, что я «почему-то *особенно сердитъ*» на журналъ «Безъ Заглавія», въ которомъ мое имя не упоминалось-де ни разу. Послѣднее, какъ мы видѣли, невѣрно. Но зато вѣрно, что о журналѣ «Безъ Заглавія» я не говорю *ни одного слова.* Я упоминаю только о группѣ ревизіонистовъ «безъ имени, безъ заглавія» — характеризуя названіемъ журнала межеумочное положеніе русскихъ ревизіонистовъ. Но что я сердитъ, да еще *«особенно»* сердитъ на журналъ, о которомъ не говорю ни слова и на который нисколько не «сердитъ», это г. Прокоповичъ просто выдумалъ. Нѣтъ, положительно не легко бываетъ иной разъ отличить моральный паѳосъ идейнаго полемиста отъ неряшливой декларацiи обиженнаго филистера!

Десятки подобныхъ мелочей, пустыхъ уколовъ, фальшивыхъ полемическихъ гримасъ заслуживали бы разсмотрѣнія, если-бъ я ставилъ своей цѣлью характеристику полемической физіономіи моего оппонента. Но такъ какъ я далекъ отъ этой цѣли, то я не буду останавливаться на томъ, какъ г. Прокоповичъ со снисходительной безцеремонностью—конечно, *безпартійной*—и «горячимъ», хотя и непрошеннымъ «сочувствіемъ» ощупываетъ мои нервы, разстроенные «продолжительнымъ сидѣньемъ, процедурой суда и ссылкой въ перспективѣ», съ какимъ благороднымъ жестомъ онъ заявляетъ, что «все-же» не можетъ признать за мной *права (!)* «выбрасывать изъ тюрьмы брань»,— хотя нигдѣ въ своей книгѣ я не говорю ни о тюрьмѣ, ни о судѣ, ни о ссылкѣ, ни о своихъ нервахъ. Но довольно! Смѣю увѣрить всѣхъ Прокоповичей, что мои нервы достаточно хороши для того, чтобъ я могъ безошибочно отличить противника, въ которомъ говоритъ настоящій и безкорыстный полемическій гнѣвъ, отъ журналиста, который пишетъ лимфой уязвленнаго самолюбія.

Вотъ все, что я считаю нужнымъ сказать пока по части моихъ полемическихъ пріемовъ.

Что касается «принципіальной» части статьи г. Прокоповича, то она, какъ мы дальше увидимъ, представляетъ рядъ попытокъ укусить партію за икры. При этомъ г. «критику» по необходимости приходится принимать горизонтальное положеніе, которое пагубнымъ образомъ отражается на его нер-

спективныхъ представленіяхъ. Не ради г. Прокоповича, но ради самого дѣла мы попытаемся возстановить дѣйствительныя очертанія партіи и характеризовать ея революціонную роль. Само собою разумѣется, что въ этой работѣ мы съ читателемъ будемъ сохранять вертикальное положеніе.

2. Злопыхательное безпристрастіе г. Прокоповича.

Я предполагаю въ читателѣ общее знакомство съ исторіей нашей партіи и потому считаю себя въ правѣ не держаться хронологическаго порядка въ своемъ разборѣ обличеній г. Прокоповича и ниже—г-жи Кусковой *).

Чтобъ сразу войти въ курсъ этихъ обличеній и опредѣлить ихъ принципіальную цѣнность, мы начнемъ съ отзыва г. Прокоповича о тактикѣ соціалдемократіи по отношенію къ петербургскому Совѣту Рабочихъ Депутатовъ.

Рабочіе совѣты, по мнѣнію критика нашей партіи, были «по идеѣ» явленіями огромной важности. «Но тѣ соціалъ-демократы,—пишетъ онъ,—вашего (т. е. моего) направленія, которые въ это время были въ Петербургѣ, не поняли этой легшей въ основаніе Сов. Раб. Деп. идеи, и на первыхъ же порахъ ихъ жизни яростно набросились на «хрусталевщину». Хрусталевъ,—продолжаетъ г. Прокоповичъ,—не принадлежалъ и вашему направленію, но именно онъ сдѣлалъ большое дѣло тѣмъ, что уловилъ правильную идею и со свойственной ему изумительной энергіей реализовалъ ее въ жизни. Но вы то, вы то, г. Троцкій, причемъ-же тутъ «вы»?»

Само безпристрастіе, очевидно, водило здѣсь рукою г. Прокоповича. Начать съ того, что г. Прокоповичъ пристаетъ лично ко мнѣ съ вопросами о моей роли,—тогда какъ я говорилъ лишь о роли партіи. Это, однако, деталь, которая лишь харак-

*) Читателю, не знакомому съ исторіей нашей, партіи мы настоятельно рекомендуемъ краткій «Очеркъ исторіи соціалдемократіи въ Россіи» Н. Батурина, Москва, 1906 г., 126 стр., ц. 25 к. Мы впервые встрѣчаемъ въ партійной литературѣ имя Батурина, брошюра котораго представляетъ выдающееся явленіе. По сжатости изложенія и точности языка она должна быть причислена къ лучшимъ произведеніямъ нашей рабочей литературы.

теризуетъ стремленіе моего критика переносить полемику съ «личной» почвы на «принципіальную». Гораздо важнѣе то, что онъ говоритъ объ отношеніи между партіей и Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ. Вѣдь изъ словъ г. Прокоповича вытекаетъ, будто Совѣтъ возникъ и развился, во-первыхъ, по иниціативѣ отдѣльнаго лица,—во-вторыхъ, противъ воли партіи. Такъ какъ я не хочу думать, что г. Прокоповичъ сознательно искажаетъ исторію Совѣта и предполагаю, что онъ не имѣетъ объ ней никакого понятія, я считаю своимъ правомъ отослать его къ книгѣ, написанной ближайшими участниками Совѣта *) и въ томъ числѣ т. Хрусталевымъ. Здѣсь же я могу сказать только слѣдующее. Совѣтъ былъ организованъ по иниціативѣ одной изъ двухъ существовавшихъ тогда въ столицѣ соціалдемократическихъ организацій (т. н. петербургской группы). Печатный призывъ выбирать депутатовъ былъ изданъ группой. На первомъ собраніи Совѣта предсѣдательствовалъ членъ группы. На второмъ собраніи по предложенію представителя группы предсѣдательство было поручено т. Хрусталеву, который впервые явился на второе засѣданіе. Но это все, въ сущности, моменты чисто формальнаго характера. Гораздо большее значеніе имѣетъ та работа, которую на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ вели агитаторы партіи, призывая рабочихъ къ созданію Совѣта, разъясняя его задачи и цѣли, формулируя его лозунги. Огромный аппаратъ былъ приведенъ въ движеніе для созданія Совѣта, и это былъ аппаратъ нашей партіи. Я не знаю, на какихъ политическихъ задворкахъ г. Прокоповичъ подобралъ сплетню о «хрусталевщинѣ»,—я лично это слово въ первый разъ встрѣтилъ въ газетѣ «Россія» по поводу выборгскаго воззванія и второй разъ въ статьѣ г. Прокоповича. Для партіи Совѣтъ никогда не былъ и не могъ быть окрашенъ личнымъ цвѣтомъ т. Хрусталева, ибо Совѣтъ былъ дѣломъ самой партіи.

Г. Прокоповичъ упоминаетъ о соціалдемократахъ *моего* направленія, какъ о врагахъ Совѣта. Но развѣ я говорю о спеціальныхъ заслугахъ какой-либо фракціи? Я говорю о роли соціалдемократіи въ ея цѣломъ. А затѣмъ, что это за соціал-

*) «Исторія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ», статьи Н. Троцкаго, А. Кузовлева, Г. Хрусталева-Носаря и др., изд. Н. Глаголева.

демократы моего направленія? Я такихъ не знаю. Меньшевики? Большевики? Я лично одинаково близокъ и къ тѣмъ и къ другимъ, я работаю рука объ руку съ тѣми и съ другими, и я одинаково горжусь всякимъ революціоннымъ дѣломъ, совершеннымъ партіей, независимо отъ того, какая изъ фракцій сыграла въ немъ руководящую роль. Товарищи, которые работали со мной, знаютъ, что я говорю не фразу. Но дѣло не во мнѣ. Какіе это соціалдемократы «яростно набросились» на Совѣтъ? Конечно, не меньшевики, которые его организовали. Значитъ, большевики? Но слышалъ ли г. Прокоповичъ что-нибудь о роли т. Петрова-Радина, официальнаго представителя въ Совѣтѣ отъ организаціи большинства? Слышалъ ли онъ имя т. Нѣмцова, одного изъ самыхъ популярныхъ депутатовъ Совѣта? Если не слышалъ, пусть прочитаетъ обвинительный актъ по дѣлу Совѣта. Онъ узнаетъ тогда, что эти «большевики» были преданы суду и осуждены не за то, что «яростно нападали» на Совѣтъ, а за то, что дѣятельно и энергично работали въ его составѣ съ самаго возникновенія Совѣта. Г. Прокоповичъ, конечно, пойметъ, почему я не называю многихъ другихъ именъ. Правда, между двумя фракціями, какъ и внутри обѣихъ фракцій, были разногласія въ оцѣнкѣ Совѣта, его возможной роли и его связи съ партіей. Было бы удивительно, если-бъ въ виду новаго громаднаго явленія, какимъ былъ Совѣтъ, такія разногласія не возникли. Но по всѣмъ важнѣйшимъ политическимъ вопросамъ обѣ фракціи выступали въ Совѣтѣ совершенно солидарно, и политическія предложенія, вносившіяся въ Совѣтъ отъ имени партіи, всегда принимались Совѣтомъ. Какую огромную поддержку оказывала Совѣту партійная пресса! «Новая Жизнь», «Начало» и особенно «Русская Газета», распространеніе которой въ рабочихъ кварталахъ было колоссально, комментировали каждый шагъ Совѣта и создавали вокругъ него ту атмосферу гласности и довѣріе, внѣ которой онъ не могъ бы существовать. Партія, организовавшая Совѣтъ, сразу поставила къ его услугамъ нѣсколько десятковъ профессіональныхъ агитаторовъ, которые помогали Совѣту проводить въ жизнь каждое его рѣшеніе. «Извѣстія» Совѣта обслуживались литераторами партіи. Но, можетъ быть, важнѣе всего этого то, что партія своей долгой подпольной работой воспитала обширные

кадры сознательныхъ рабочихъ, изъ среды которыхъ пролетаріатъ Петербурга выбиралъ своихъ депутатовъ. Извѣстно ли г. Прокоповичу, что большинство этихъ депутатовъ либо прямо принадлежали къ партійной организаціи, либо прошли партійную выучку? Извѣстно ли г. Прокоповичу, что изъ 50 членовъ Совѣта, *наугадъ* вырванныхъ прокуратурой, было по крайней мѣрѣ 35 соціалдемократовъ? Я не могу понять психологіи г. Прокоповича, который, совершенно игнорируя эту огромную работу, совершенную партіей до Совѣта, въ Совѣтѣ и вокругъ Совѣта, счелъ приличнымъ и умѣстнымъ нагнуться, чтобъ поднять какую-то ничтожную сплетню о «хрусталевщинѣ» и противопоставить ее моему утвержденію, что партія сдѣлала великое дѣло.

«Но развѣ вы участвовали въ жел. дор. союзѣ,—нападаетъ на меня г. Прокоповичъ,—вы лично и люди вашего направленія? А между тѣмъ этотъ союзъ сказалъ рѣшающее слово въ октябрьскіе дни». Нѣтъ, я не участвовалъ въ желѣзнодорожномъ союзѣ, отвѣчаю я съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ: развѣ я что нибудь говорилъ о своемъ участіи въ желѣзнодорожной забастовкѣ? Участвовали ли въ Союзѣ люди «моего направленія»? Т.-е. соціалдемократы, работники нашей партіи? Еще-бы! Они принимали въ немъ огромное участіе; во многихъ мѣстахъ они играли руководящую роль. Но гораздо важнѣе всего этого опять-таки та долгая подготовительная работа, которую совершила партія въ средѣ желѣзнодорожнаго пролетаріата. Желѣзнодорожныя мастерскія всегда были цитаделями партіи. Во многихъ мѣстахъ рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ сыграли въ проведеніи забастовки рѣшающую роль, «снимая» колеблющихся служащихъ правленія и задерживая на станціи поѣзда. Мыслима ли была бы октябрьская желѣзнодорожная забастовка безъ всей предшествующей многомѣсячной стачечной эпопеи, въ которой соціалдемократія играла огромную роль даже по признанію г. Струве: не даромъ же онъ обвинялъ ее въ томъ, что она вызывала массовыя стачки въ политическихъ интересахъ. Мыслима ли была бы всеобщая забастовка безъ университетскихъ митинговъ, чрезвычайно поднявшихъ общее настроеніе и сообщившихъ всему дальнѣйшему движенію единство политическаго лозунга, которое въ октябрѣ замѣняло недоста-

ющее организаціонное единство. Но, можетъ быть, г. Прокоповичъ знаетъ, что университеты были открыты для митинговъ по иниціативѣ нашей партіи и что на этихъ митингахъ почти безраздѣльно господствовали ораторы-соціалдемократы? Приписывать октябрьскую стачку желѣзнодорожному союзу можетъ только прокуроръ, которому нужны зачинщики преступленія, а не факторы событія. Но желѣзнодорожный союзъ не былъ въ сущности и зачинщикомъ; извѣстно, что онъ проектировалъ стачку только въ январѣ, ко времени предполагавшагося созыва Думы. Октябрьская стачка возникла помимо воли какой-бы то ни было организаціи. Но изъ всѣхъ организацій, способствовавшихъ прямо или косвенно ея возникновенію и развитію, соціалдемократія занимала безспорно первое мѣсто.

О предшествовавшихъ событіяхъ 1905 г. г. Прокоповичъ говоритъ такъ: «9 января прошло безъ соціалдемократіи». Дальше, когда перейдемъ къ г-жѣ Кусковой, мы покажемъ, что это неправда. «Первомайскій крахъ партіи далъ силу оппозиціи». Какой крахъ? Неудача первомайской демонстраціи въ Петербургѣ, затѣянной одной изъ двухъ мѣстныхъ организацій—это крахъ партіи? Значитъ, каждая неудачная мѣстная стачка означаетъ крахъ общегосударственнаго профессіональнаго союза? «Подъ вліяніемъ одного стараго рабочедѣльца въ Петербургѣ началась, сначала слабо, потомъ сильнѣе, работа по организаціи профессіональныхъ союзовъ». Какъ просто! И тѣ соціалдемократы, которые теперь вездѣ и всюду руководятъ молодыми профессіональными союзами, очевидно, также наскоро приготовлены за послѣдніе мѣсяцы «однимъ старымъ рабочедѣльцемъ»? А этотъ «рабочедѣлецъ», очевидно, былъ воспитанъ «Союзомъ Освобожденія» и организовывалъ профессіональные союзы въ борьбѣ съ соціалдемократіей? Какой смыслъ противопоставлять мнѣ рабочедѣльца, члена одной изъ партійныхъ фракцій, когда я говорилъ о заслугахъ соціалдемократіи?

Но вѣдь «вы имѣете въ виду бланкистское направленіе», возражаетъ мнѣ г. Прокоповичъ. Нѣтъ, нисколько. Не вдаваясь пока въ разсмотрѣніе того, что г. Прокоповичу угодно понимать подъ бланкистскимъ направленіемъ, я говорю: моя мысль оперируетъ съ нашей дѣйствительно существующей партіей; съ той самой, которая первоначально возникла, какъ

Группа Освобожденія Труда; которая развилась въ многочисленные кружки соціалистической пропоганды; которая сдѣлала въ 1898 году значительную попытку, опираясь на эти кружки, провозгласить единство соціалдемократической партіи, какъ выразительницы единства классовой борьбы пролетаріата; которая перешла къ широкой экономической агитаціи и руководству безчисленными стачками; которая развернула огромную политическую агитацію, сообщавшую единство лозунговъ всѣмъ революціоннымъ выступленіямъ пролетаріата; которая создала подпольный централизованный аппаратъ для руководства этими выступленіями; которая выработала въ 1903 г. свою программу. Я имѣю въ виду эту партію со всѣми ея внутренними оттѣнками и теченіями, съ ея разногласіями и фракціонными треніями, ошибками и крайностями развитія, со всѣми болѣзнями ея политическаго роста. Я имѣю въ виду «пропагандистовъ», «экономистовъ», «рабочедѣльцевъ», «бундистовъ», «искровцевъ», «большевиковъ» и «меньшевиковъ», или, вѣрнѣе, я не имѣю въ виду спеціально ни тѣхъ, ни другихъ, а то реальное общее дѣло, которое превращаетъ всѣ эти теченія и фракціи въ отдѣльные этапы сложнаго процесса сліянія соціализма съ массовымъ движеніемъ пролетаріата. Внутри этой партіи я въ каждый данный моментъ занимаю опредѣленную позицію. Я отстаиваю то, что считаю правильнымъ, и борюсь противъ того, что считаю ошибочнымъ. Но въ своей внутрипартійной борьбѣ я всегда чувствую подъ ногами почву общепартійнаго опыта, опираясь на завоеванія и на традиціи партіи, и не согласенъ вычеркнуть ни одного изъ періодовъ ея развитія. Я, «бланкистъ», по опредѣленію г. Прокоповича, претендую на достаточно широкій партійный патріотизмъ и на нѣсколько болѣе сложное представленіе о путяхъ развитія соціалдемократіи, чѣмъ то, которое я вижу у моего оппонента. И это мое представленіе говоритъ мнѣ: неправда, будто октябрьское стачечное возстаніе было создано при абсентеизмѣ соціалдемократовъ небольшой организаціей, называвшейся желѣзнодорожнымъ союзомъ; неправда, будто въ созданіи и развитіи рабочихъ совѣтовъ рѣшающее значеніе имѣла энергія одного лица; неправда, будто образованіе профессіональныхъ союзовъ пошло отъ какого-то отдѣльнаго «рабочедѣльца». Трикраты неправда,

будто все это совершилось при противодѣйствіи нашей партіи. Если-бъ все это сказалъ какой-нибудь Кутлеръ, узнавшій объ этихъ вопросахъ отъ кадетовъ только вчера и еще не успѣвшій отереть канцелярскій потъ съ своего политическаго чела, можно было бы улыбнуться и добродушно покачать головой. Но когда это говоритъ политическій публицистъ, «соціологъ», «критическій соціалистъ», прикосновенный нѣкогда къ нашей партіи, приходится заключить, что только долго сдерживаемая клокочущая злоба заштатнаго политика, отравленная ненависть безсилія къ политической силѣ можетъ внушить такія каррикатурныя утвержденія, такія наглядныя несообразности.

Но «зачѣмъ вы поучаете меня,—восклицаетъ нашъ оппонентъ, что дѣло соціалдемократіи—великое дѣло? Вѣдь ревизіонизмъ одно изъ направленій соціалдемократической мысли, а на Западѣ—одно изъ крыльевъ партіи... Очевидно, вы хотите сказать другое. Вы хотите сказать,—поправляетъ онъ меня,—что именно бланкистское направленіе соціалдемократіи, къ которому вы принадлежите и которое идетъ сейчасъ на убыль, сдѣлало великія дѣла».

Я хотѣлъ сказать только то, что я сказалъ—не больше и не меньше. «Дѣло соціалдемократіи—великое дѣло», эта такая общая мысль, которая почти лишена содержанія. Подъ ней подпишется даже и г. Струве, кадетъ праваго крыла, по офиціальному положенію, и мирнообновленецъ по взглядамъ. Остается еще выяснить, въ чемъ же состоитъ «дѣло» соціалдемократіи? Ибо роковымъ образомъ оказывается въ каждой странѣ — въ Россіи, въ Финляндіи, въ Германіи, во Франціи, — что то конкретное дѣло, которое выполняетъ существующая соціалдемократія, имѣетъ очень мало общаго съ тѣмъ «дѣломъ», которое ей приписываетъ къ выполненію національная буржуазная демократія. Нѣтъ, въ «Предисловіи», на которое нападаетъ г. Прокоповичъ, я выразилъ болѣе опредѣленную мысль: я сказалъ, что россійская соціалдемократія, *та, которая фактически существуетъ,* та, въ которой русскіе ревизіонисты не нашли себѣ мѣста, совершила огромное историческое дѣло.

3. Вѣрно ли, что мы—интеллигентская партія?.

Два «опредѣленія» нашей партіи стали за послѣднее время въ буржуазныхъ газетахъ крылатыми словами: русская соціалдемократическая партія *интеллигентская* по составу и *бланкистская* по тактикѣ. Однимъ изъ первыхъ такую характеристику пустилъ въ оборотъ г. Струве. Она привилась. И теперь всѣ поденщики и кули либеральной прессы говорятъ о нашемъ бланкизмѣ съ такимъ апломбомъ, что наивный читатель можетъ повѣрить, будто они въ самомъ дѣлѣ понимаютъ, чѣмъ марксизмъ отличается отъ бланкизма. Нужно, однако, сказать, что буржуазные публицисты извлекли эти два опредѣленія изъ нашей же внутри партійной полемики. Съ достаточнымъ ли правомъ? Мы попробуемъ бѣгло отвѣтить на этотъ вопросъ.

Вѣрно ли, что наша партія *интеллигентская*?

Впрочемъ, имѣется ли вообще въ Россіи соціалдемократическая партія? Совсѣмъ недавно г. Петръ Струве съ рѣшительностью, которая характеризуетъ всѣ его выступленія противъ противниковъ слѣва, заявилъ, что соціалдемократической партіи у насъ не существуетъ. «Политическихъ партій въ истинномъ смыслѣ,—говоритъ онъ въ «Рѣчи»,—налѣво отъ партіи народной свободы нѣтъ. Онѣ, *можетъ быть*, сложатся, но это дѣло будущаго» (№ отъ 10 ноября, курсивъ нашъ). Въ свою очередь «Товарищъ» съ свойственнымъ ему «товарищескимъ» сочувствіемъ (къ Петру Струве или къ соціалдемократіи?) перепечаталъ эти строки.

Итакъ, *налѣво* отъ кадетовъ политическихъ партій, нѣтъ, и даже еще вопросъ сложатся ли онѣ. Очевидно, что *направо* такія партіи существуютъ. Очевидно, что союзъ русскаго народа или союзъ 17 октября, или общество мирнаго обновленія, или всѣ они обладаютъ свойствами и качествами политической партіи, какихъ нѣтъ у россійской соціалдемократіи.

Мы позволяемъ себѣ нѣсколько иначе смотрѣть на политическую физіономію нашей страны и думаемъ, что если въ Россіи есть политическая формація, относительно которой можно съ увѣ-

ренностью сказать: вотъ партія, которая несомнѣнно существуетъ и за которой исторія обезпечила завтрашній день, такъ это *только* соціалдемократія.

Если взять формальные признаки партіи—программа, тактика, дисциплина,—соціалдемократія займетъ здѣсь безспорно первое мѣсто. Традиціи, опытъ, способность вести работу при всякихъ условіяхъ, эта незамѣнимая способность, обусловливающаяся глубокой преданностью дѣлу со стороны членовъ партіи,—развѣ кадеты могутъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ конкурировать съ партіей пролетаріата? Число членовъ? Кадеты насчитываютъ ихъ до ста тысячъ, наша партія — полтораста тысячъ. Важнѣе всего, однако, соціальный составъ партіи. Что въ этомъ отношеніи можно сказать о конституціонной демократіи? На кого она опирается? На всѣхъ и ни на кого. Партія народной свободы, по словамъ Струве, «должна быть и дѣйствовать въ самой гущѣ нашей демократіи». Она должна, какъ иронизировалъ Герценъ надъ планами Бакунина, объединить помѣщиковъ, крестьянъ, священниковъ, генераловъ, женщинъ, птицъ и пчелъ. Но на кого кадеты съ полной увѣренностью могутъ опереться сейчасъ? На кого они разсчитываютъ опереться завтра? Партія насчитываетъ какихъ-нибудь 15 мѣсяцевъ существованія, слишкомъ короткій срокъ, чтобы можно было серьезно говорить объ ея жизнеспособности. Правда, на первыхъ выборахъ она одержала шумную побѣду. Но развѣ это ея завоеваніе, ея заслуга? Развѣ *она* подготовила эту побѣду? Нѣтъ, побѣда обрушилась на нее и сразу сломала ей спинной хребетъ: отъ остова партіи отдѣлились земскіе элементы, опора и надежда, и передвинулись въ лагерь «конституціонной» реакціи. Кадеты оказались предъ таинственной «гущей демократіи», которая дала имъ свои голоса только потому, что они оказались единственной оппозиціонной урной. «Гуща» демократіи! Но какъ овладѣть ею? Какіе элементы ея можно закрѣпить за собой? Пока-что кадеты лишь гадаютъ объ этомъ на кофейной «гущѣ» своихъ передовыхъ статей. Вы не встрѣтите у нихъ и намека на дѣйствительный соціальный анализъ русскаго общества. На что же опираются горделивыя утвержденія г. Струве? Можетъ быть, его окрыляетъ судьба прусскихъ прогрессистовъ, съ которыми кадеты имѣютъ такъ много общаго? Но это, какъ из-

вѣстно, не веселая судьба. Германская соціалдемократія развивалась въ борьбѣ съ германскими кадетами, и въ настоящее время отъ этихъ послѣднихъ остались только рожки да ножки. Находятся ли русскіе кадеты въ болѣе благопріятномъ положеніи? Не думаемъ. 8 лѣтъ тому назадъ г. Струве такъ отзывался о судьбахъ русскаго либерализма: «Чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ политическомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и *подлѣе* становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя, политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата». Уже будучи редакторомъ «Освобожденія», онъ предсказалъ русскому либерализму «прусскую» участь, если только послѣдній задумаетъ развиваться въ борьбѣ, а не въ «сотрудничествѣ» съ русской соціалдемократіей. И вотъ теперь оказывается, что русской соціалдемократіи вовсе не существуетъ. А «Товарищъ» съ молчаливой почтительностью приводитъ эту экспертизу либеральнаго Меньшикова.

Нѣтъ, вопреки достовѣрнымъ свидѣтельствамъ нѣсколькихъ перебѣжчиковъ, русская соціалдемократія существуетъ. И если научный анализъ общественнаго развитія и политическій опытъ Европы имѣютъ какое-нибудь значеніе, то наша партія можетъ не бояться за свой завтрашній день. Вѣрно ли, однако, что сейчасъ наша партія—интеллигентская? Странно даже ставить этотъ вопросъ. Доказывать, что россійская соціалдемократія — пролетарская партія не только по своей программѣ, но и по своему соціальному составу, также трудно, какъ доказывать всякую вообще очевидность. Объ этомъ кричатъ всѣ факты, имѣющіе какое-либо отношеніе къ жизни партіи и пролетаріата. Произведите статистику заключенныхъ въ тюрьмахъ и вы увидите, какой процентъ среди нихъ представляютъ рабочіе — соціалдемократы. Вспомните процессъ Совѣта Депутатовъ, показанія рабочихъ—свидѣтелей о политическихъ взглядахъ петербургскаго пролетаріата. Вспомните выборныя рабочія делегаціи въ комиссіяхъ Шидловскаго, Коковцева, Философова, вспомните совѣтъ безработныхъ, и эти факты гораздо ярче, чѣмъ голая статистика членовъ партіи, дадутъ представленіе о роли и значеніи соціалдемократіи въ рабочей средѣ. Если рѣчи объ «интеллигентскомъ» характерѣ партіи чѣмъ-нибудь оправдываются, такъ это тѣмъ, что огромное и несокрушимое *поли-*

тическое вліяніе соціалдемократіи въ средѣ пролетаріата не имѣетъ еще соотвѣтственнаго выраженія въ *организаціонной надстройкѣ* партіи: интеллигенція пользуется слишкомъ большимъ вліяніемъ въ комитетахъ партіи, на съѣздахъ, въ прессѣ и пр. Въ какой мѣрѣ это вѣрно и насколько въ этомъ виновна сама партія, а не внѣшнія условія,— объ этомъ мы сейчасъ говорить не станемъ. Здѣсь мы подчеркиваемъ лишь то, что самый вопросъ о чрезмѣрно «интеллигентскомъ» характерѣ партіи возникъ въ нашей партійной литературѣ, какъ отраженіе несоотвѣтствія между организаціоннымъ механизмомъ партіи и огромными предѣлами периферіи, на которую распространяется ея прямое и непосредственное вліяніе. Это вопросъ внутренней структуры партіи, а не ея соціально-политическихъ очертаній,—и потому здѣсь буржуазнымъ публицистамъ дѣлать совершенно нечего. Интереснѣе всего, однако, что въ болтовнѣ объ интеллигентскомъ характерѣ соціалдемократіи упражняются господа кадеты, которые устроили у себя при партіи канцелярію по рабочему вопросу, работающую не въ большей связи съ пролетаріатомъ, чѣмъ соотвѣтственная комиссія Столыпинскаго министерства.

4. Правда ли, что мы—бланкистская партія?.

Подъ перомъ какого-нибудь «теоретика» изъ «Рѣчи» или «Товарища» этотъ терминъ—бланкисты—не означаетъ ничего,— потому что означаетъ слишкомъ много. Для кадета—бланкистъ или якобинецъ всякій, кто не кадетъ. Якобинцы справа, якобинцы слѣва и конституціонно-демократическій центръ — вотъ кадетская схема нашей политической жизни. Для «критическихъ соціалистовъ» изъ «Товарища» якобинцемъ является всякій марксистъ, всякій революціонный соціалдемократъ, — поэтому, если вѣрить ихъ діагнозу, вся наша партія, въ лицѣ всѣхъ своихъ теченій, заражена проказой бланкизма.

Можно было бы не останавливаться на этомъ грозномъ діагнозѣ, который нисколько не характеризуетъ нашей партіи, но достаточно опредѣленно характеризуетъ умонаправленіе оппортунистическихъ реформистовъ. Дѣло, однако, въ томъ, что обвиненіе въ бланкизмѣ тоже извлечено господами критиками

изъ нашей внутрипартійной полемики, и это происхожденіе какъ-бы сообщаетъ ему нѣкоторую печать основательности. Нетрудно, однако, убѣдиться, что это печать фальшивая.

За послѣдніе три года въ нашей партіи борются и поочередно господствуютъ двѣ фракціи, которыя, за недостаткомъ какихъ-либо подходящихъ политическихъ наименованій, носятъ довольно неуклюжія названія «большевиковъ» и «меньшевиковъ». Полемическая литература обѣихъ фракцій очень богата,—слишкомъ богата. Я тѣмъ спокойнѣе могу это признать, что въ первое время самъ принималъ въ ней участіе. По разнымъ поводамъ и случаямъ большевики обвиняли меньшевиковъ въ оппортунизмѣ, въ бернштейніанствѣ; въ свою очередь меньшевики обличали большевиковъ въ якобинизмѣ или въ анархобланкизмѣ. Я вовсе не хочу сказать, что эти взаимныя обвиненія были лишены всякаго основанія; бывали, конечно, и такіе случаи,—что совершенно неизбѣжно, разъ существуютъ двѣ фракціи; но въ общемъ для меня несомнѣнно, что подъ этой внутрипартійной полемикой, не всегда соблюдавшей необходимыя политическія пропорціи, кроются вполнѣ реальныя противорѣчія нашего партійнаго развитія.

Русская соціалдемократія формируется въ совершенно безпримѣрныхъ условіяхъ: будучи по самому существу своему партіей массъ, она вынуждена жить въ подпольѣ; будучи классовой партіей пролетаріата, она должна приспособлять свою тактику къ буржуазной революціи; наконецъ, стоя предъ такими сложными задачами, она опирается на массы, лишь недавно пріобщившіяся къ политической культурѣ. Въ зависимости отъ этихъ условій партійное развитіе создавало различныя опасности, иногда реальныя, иногда воображаемыя.

Тяжелая необходимость считаться въ партійномъ строительствѣ съ такой реальной величиной, какъ политическая полиція, враждебно сталкивалась съ необходимостью превратить партійный аппаратъ въ демократическую организацію самодѣятельной массы. Необходимость принципіальной тактики требовала стройнаго и гибкаго партійнаго аппарата; между тѣмъ взрывчатый характеръ революціонныхъ событій, выступленіе новыхъ народныхъ слоевъ, чередованіе бури и затишья, все это крайне затрудняло работу по созданію оформленной партійной орга-

низаціи. Опасность оторваться отъ массы противостояла опасности раствориться въ массѣ. Соціалдемократическая тактика невозможна внѣ противопоставленія пролетаріата всему буржуазному обществу. Между тѣмъ, потребности «національной» революціи требовали объединенія дѣйствій пролетаріата и буржуазной демократіи. Потребность въ законченной тактикѣ по отношенію къ либерализму встрѣчала препятствіе въ хаотической природѣ самого либерализма, еще не завершившаго цикла своего развитія. Искусственно форсировать политическое выраженіе классовой борьбы значило дать революціи обратный ходъ. Притуплять противорѣчія значило жертвовать классовыми интересами пролетаріата и опять-таки тормозить революцію съ другого конца. «Опасности» на каждомъ шагу. Отдѣльные запросы политическаго развитія формулировались въ видѣ фракціонныхъ платформъ, которыя враждебно сталкивались другъ съ другомъ. Отсюда антитезы: экономизмъ—политицизмъ; демократизмъ—централизмъ; преклоненіе предъ стихійностью — якобинизмъ; оппотунизмъ—анархо-бланкизмъ; и т. д., и пр.

Отдѣльные запросы движенія съ разной силой выступаютъ въ разные періоды. Самые періоды, благодаря революціонному характеру эпохи, смѣняются съ крайней быстротой. Иногда приходится перевооружаться въ 24 часа. Отъ руководства стачками—къ политической агитаціи; отъ агитаціи — къ руководству уличными демонстраціями. Годъ кампаніи по поводу войны. Стачечная эпопея. Періодъ могучей открытой организаціи массъ. Задачи массовыхъ выступленій. Задачи парламентаризма. Снова вопросы массовыхъ выступленій. Снова вопросы парламентаризма. Конечно, во всемъ этомъ есть внутренняя связь. Но она вскрывается не иначе, какъ путемъ противорѣчій. Гегемонію въ партіи захватываетъ фракція, болѣе способная, по своимъ особенностямъ, удовлетворить запросы текущаго періода. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ теченіе трехъ бурныхъ лѣтъ, создавшихъ столько новыхъ группъ и партій, двѣ фракціи соціалдемократіи продолжаютъ существовать, не будучи въ силахъ поглотить одна другую, достаточно ясно показываетъ, что ни одна изъ нихъ не выражаетъ потребностей рабочаго движенія въ полномъ объемѣ. Внѣдреніе организаціи въ массы, накопленіе опыта, выработка вождей, словомъ формированіе рабочей

партіи происходитъ не путемъ планомѣрнаго извлеченія выводовъ изъ теоретическихъ посылокъ программы, а путемъ живой «междоусобной» борьбы фракцій и теченій. Нѣтъ спора, это очень «неэкономный» методъ развитія. Но предъ другими онъ имѣетъ то преимущество, что этимъ методомъ *фактически* создается наша партія. Поэтому, когда мы говоримъ о соціалдемократіи, противопоставляя ее демократіи буржуазной, мы мыслимъ ее не какъ просто соединеніе фракцій, не какъ ариѳметическую сумму большевиковъ съ меньшевиками, а какъ живое органическое цѣлое.

Расположивъ хронологически всѣ лозунги, утвержденія и заявленія обѣихъ фракцій, можно въ нихъ безъ труда найти рядъ противорѣчій. Да это уже не разъ и дѣлалось полемистами обѣихъ фракцій. Но эти противорѣчія не имѣютъ ничего общаго съ безпринципностью. Они происходятъ оттого, что каждая изъ фракцій, отстаивая въ каждый данный моментъ путемъ полемики и борьбы опредѣленные запросы рабочаго движенія, придаетъ имъ въ силу своей фракціонной позиціи категорическое, абсолютное выраженіе. Мы не будемъ приводить примѣры такихъ «метафизическихъ» противорѣчій, такъ какъ всякому, кто размышлялъ надъ развитіемъ соціалдемократіи, сказанное нами ясно само собой; а тому, кто не задумывался надъ этими вопросами, два-три примѣра ничего не скажутъ.

Само собою разумѣется, эти общія соображенія, позволяющія намъ съ полнымъ довѣріемъ взирать на дальнѣйшія судьбы партіи, не избавляютъ насъ отъ обязанности въ каждую данную минуту анализировать лозунги, выдвигаемые той или другой фракціей, и оцѣнивать ихъ подъ угломъ зрѣнія классовой политики пролетаріата. Болѣе того. Такая оцѣнка всегда предполагаетъ сведеніе тактическихъ ошибокъ къ неправильному тактическому принципу. Какъ-бы ни былъ малъ уголъ разногласія, мы всегда можемъ мысленно протянуть его стороны до безконечности и сказать нашему противнику: «смотрите, вы уклонились отъ направленія соціалдемократической политики; если вы и дальше пойдете по тому же пути, то придете неизбѣжно къ бланкизму, оппортунизму, анархизму, либерализму» и пр. и пр. Такая полемическая операція будетъ не только методологически правильна, но и практически плодотворна.

Партизанскую борьбу съ ошибочными шагами она возводитъ на степень принципіальной борьбы съ ошибочными методами— и тѣмъ облегчаетъ побѣду. Такимъ путемъ можно показать, какъ односторонняя борьба за созданіе и сохраненіе централизованной революціонной организаціи, борьба, игнорирующая цѣлый рядъ глубокихъ запросовъ движенія, въ своемъ логическомъ развитіи приводитъ къ перенесенію методовъ бланкизма внутрь партіи пролетаріата. Можно показать, какъ односторонняя забота о поддержаніи единства «національной» революціи вынуждаетъ игнорировать внутреннюю классовую механику этой революціи и ведетъ нашу тактику на путь оппортунизма и либерализма. Отсюда ясно, что такія опредѣленія въ нашей фракціонной полемикѣ, какъ *бланкизмъ* или *оппортунизмъ*, имѣютъ очень условное значеніе. Поскольку въ нихъ не приходится видѣть простыхъ попытокъ акустически терроризировать противника, что тоже неизбѣжно во всякой фракціонной борьбѣ,—они означаютъ не больше и не меньше, какъ слѣдующее: если такіе-то ошибки, уклоненія или предразсудки возвести на степень принципа, если этотъ принципъ положить въ основу всей тактики, если эту тактику охранить отъ вліянія идей марксизма, то мы получимъ бланкистскую или оппортунистическую тактику. Разумѣется, на такой вполнѣ законной конструкціи всегда выростаетъ много лишнихъ наслоеній въ результатѣ фракціоннаго ожесточенія, полемическаго темперамента и всего того, что относится къ категоріи Menschliches, allzu Menschliches (человѣческое, слишкомъ человѣческое). Но дѣйствительные размѣры отклоненій въ ту и другую сторону видны изъ того, что обѣ фракціи не только опираются на одно и то же классовое движеніе, но и остаются въ рамкахъ общей партійной организаціи, на почвѣ общей программы, причемъ въ своихъ теоретическихъ столкновеніяхъ обѣ оперируютъ съ оружіемъ марксизма. Такимъ образомъ, *бланкизмъ* и *анархизмъ*, какъ термины нашей внутрипартійной полемики, имѣютъ крайне ограниченный и весьма условный смыслъ. Что же они означаютъ, когда буржуазная критика направляетъ ихъ противъ всей нашей партіи? Ничего. Или, если угодно, лишь то, что буржуазные публицисты недовольны партіей пролетаріата и хотѣли бы видѣть ее преобразованною—какъ?—несомнѣнно, по ихъ собственному образу и подобію.

5. Критическіе соціалисты милостію кадетовъ.

Мой оппонентъ достигаетъ высотъ комизма, когда заявляетъ, что *«то направленіе соціалдемократіи, которое было до послѣдняго времени господствующимъ, не имѣетъ никакихъ основаній кичиться успѣхами своей тактики и гордиться ими передъ нами, критиками»*. Я печатаю эти строки курсивомъ, ибо онѣ поистинѣ заслуживаютъ такого отличія. Я затрудняюсь возразить этому оппоненту просто по той причинѣ, что не знаю, совершенно не знаю, съ какими «успѣхами» критиковъ нужно сравнивать успѣхи нашей тактики. Говорю совершенно серьезно. Я вспоминаю о г. Струве, лидерѣ «критиковъ». Конечно, я не смѣю оспаривать его успѣховъ, но, насколько я понимаю, успѣхи эти относятся къ совершенно постороннему вѣдомству: для того, чтобы дѣлать то дѣло, которое дѣлаетъ Струве, нѣтъ надобности быть «критическимъ соціалистомъ», совершенно достаточно быть Кутлеромъ. Г. Туганъ-Барановскій, г. Булгаковъ? Но вѣдь это опять-таки кадеты. Кто-же еще остается? Г. Прокоповичъ да еще пара журналистовъ изъ «Нашей Жизни»? Но гдѣ-же искать ихъ политическихъ успѣховъ? Еще очень недавно эта группа критиковъ пребывала въ «Союзѣ Освобожденія», а затѣмъ когда онъ преобразовался въ кадетскую партію, они ушли изъ нея. Это очень веселая исторія о томъ, какъ проницательныя критическія куры изъ освобожденскихъ яицъ высиживали буржуазныхъ гусей,— и когда высидѣли, сами испугались, захлопали крыльями, поднялись на литературный насѣстъ, нахохлились и съ тѣхъ поръ не сходятъ съ него. Имѣетъ ли г. Прокоповичъ въ виду успѣхи критическихъ соціалистовъ по части созданія буржуазно-либеральной партіи? Но тогда зачѣмъ онъ самъ бѣжалъ отъ этихъ успѣховъ? Допустимъ, однако, что побѣгъ г. Прокоповича отъ успѣховъ освобожденской тактики есть дѣло его личнаго вкуса. Оставимъ это. И за всѣмъ тѣмъ мы спросимъ: можно ли сравнить нашу соціалистическую работу въ рядахъ пролетаріата съ работой тѣхъ «соціалистовъ», которые повернулись къ пролетаріату спиною и занялись обслуживаніемъ земской оппозиціи.

Если-бъ соціалдемократическая интеллигенція въ свое время усвоила эту простую «критическую» тактику, у насъ было бъ теперь больше на двадцать или на тридцать тысячъ кадетовъ, но политическое сознаніе пролетаріата стояло бы на несравненно болѣе низкомъ уровнѣ.—Г. Прокоповичъ мнѣ, можетъ быть, возразитъ, что онъ имѣетъ въ виду не эту работу, въ которой по существу нѣтъ ни критики, ни соціализма, а есть вульгарный либерализмъ. Но тогда что же онъ имѣетъ въ виду? Что именно онъ противопоставляетъ нашей партіи?

О той части критиковъ, которые политически не пристроились, мы писали въ нашемъ предисловіи: «безъ партіи, безъ программы, безъ тактики, безъ вліянія, безъ имени, «безъ заглавія», они пріютились на литературномъ тычкѣ, на отлетѣ у кадетовъ, питаются крохами съ кадетскаго стола, брюзжатъ противъ своихъ либеральныхъ милостивцевъ и въ то же время высокомѣрно критикуютъ соціалдемократію за ея революціонный утопизмъ». Процитировавъ часть этой фразы и прилгнувъ для убѣдительности, будто онъ «опускаетъ бранныя (?) слова», г. Прокоповичъ разсуждаетъ дальше такъ: «Мы безсильны.—Кто такіе эти «мы»? Политическая партія? Но *политической партіи ревизіонистовъ въ Россіи не существуетъ.* Литературное направленіе? Но зачѣмъ литературному направленію политическая тактика? Очевидно, г. Троцкій принялъ насъ за то, чѣмъ мы никогда не были. Конечно, *у несуществующей политической партіи не можетъ быть ни силы ни вліянія»* (курс. нашъ). Все это очень убѣдительно и очень краснорѣчиво. Но позвольте: вѣдь только-что намъ сказали, что у соціалдемократовъ нѣтъ никакихъ основаній гордиться предъ критиками успѣхами своей тактики. Теперь оказывается, что у самихъ критиковъ нѣтъ не только никакихъ успѣховъ, но нѣтъ и самой тактики, и даже надобности въ ней не представляется. Какъ хотите, это странно. Очевидно, что какъ-бы ни были малы успѣхи соціалдемократіи, у нея есть достаточно основаній гордиться тѣмъ обстоятельствомъ, что она не заняла позиціи ревизіонизма, которая—по условіямъ времени и мѣста—не только не награждаетъ тактическими успѣхами, но даже не предъявляетъ на нихъ никакого спроса. Вѣдь соціалдемократія, господа, это не газетная редакція, не семейно-политическій клубъ, это—партія.

А затѣмъ—что это за пустяки вы спрашиваете: «зачѣмъ литературному направленію политическая тактика?» Развѣ мы говоримъ о направленіи въ области литературной эстетики? Нѣтъ, мы говоримъ о *политическомъ* направленіи, которое въ васъ находитъ своихъ литературныхъ выразителей. И если этому литературно-политическому направленію нѣтъ мѣста среди фактовъ *жизни*, это значитъ только, что оно *безжизненно*. Или вы сами принимаете какія-нибудь превентивныя мѣры, чтобъ отъ соприкосновенія вашего литературнаго направленія съ живыми силами жизни не зародилось ничего живого? Странное политическое мальтузіанство! Не потому ли, если такъ, было прекращено изданіе «Безъ заглавія», что его литературный успѣхъ грозилъ превратить ревизіонизмъ въ политическую силу? Нѣтъ, господа литературное направленіе, я васъ ни на минуту не «принималъ за то, чѣмъ вы никогда не были»,—я принялъ васъ за листъ газетной бумаги—не болѣе и не менѣе. Но г. Прокоповичъ намекаетъ на то, что этотъ листъ газетной бумаги имѣетъ какое-то большое «литературное» значеніе. «Если мы и какъ литературное направленіе безсильны и невліятельны,—пишетъ онъ,—тогда, конечно, положеніе наше весьма тяжелое». Мы, конечно, не станемъ отрицать вліянія «Нашей Жизни», особенно въ до-«конституціонный» періодъ ея существованія, но мы полагаемъ, что это было вліяніе политическое, а не литературное,—и какъ таковое, оно цѣликомъ шло на службу буржуазному либерализму. «Наша Жизнь» имѣла въ извѣстномъ смыслѣ свою «тактику»—тактику концентраціи интеллигенціи вокругъ земскаго знамени. Въ періодъ первыхъ выборовъ «Наша Жизнь» была органомъ кадетской избирательной агитаціи. Все это означаетъ, что *объективно г. критическіе соціалисты имѣли вліяніе только, какъ либералы*, что они фактически питались политическими крохами съ кадетскаго стола. Либералы ихъ милостиво терпѣли и терпятъ въ сферѣ своего вліянія,—почему? да потому, что «соціализмъ» г. Прокоповича образовывалъ для нихъ прикрытіе на лѣвой границѣ; своей критической стороной онъ направленъ всецѣло противъ соціалдемократіи, а не противъ либерализма.

6. Сенсаціи г-жи Курдюковой данъ л'лэтранже.

«...*Уроки жизни поразительно совпадаютъ съ тѣмъ, что мы говорили 6—8 лѣтъ назадъ...* Не мы читаемъ нотацію соціалдемократамъ, а жизнь безжалостно учитъ ихъ. Мы только регистрируемъ эти уроки и радуемся побѣдамъ жизни надъ мертвой догмой».

Я почти сожалѣю, что взялся за эту работу. Приходится возиться въ мусорѣ маленькихъ разрозненныхъ мыслей, которыя стремятся прицѣпиться къ вѣрнымъ или невѣрнымъ, но несомнѣнно серьезнымъ критическимъ мыслямъ, идущимъ изнутри нашей собственной партіи. Всесторонняя партійная полемика есть одна изъ формъ, и вовсе не маловажная, классовой борьбы. Партія наша въ настоящее время лишена ежедневной прессы, которая отвѣчаетъ на ударъ ударомъ, а иногда—двумя и тремя ударами. Между тѣмъ либеральная пресса изо дня въ день занимается критикой нашей партіи, критикой безъ системы и метода, какимъ-то газетнымъ браконьерствомъ, проницательными намеками, пренебрежительными словечками и вылазками, внѣшняя корректность которыхъ подчасъ тѣмъ безупречнѣе, чѣмъ возмутительнѣе ихъ внутренняя фальшь. Я почти сожалѣю, что взялся за эту работу. Но не дѣлать ея нельзя. Партія не можетъ жить увѣренностью, что фальшивыя нападки сами собой износятся, что глубокомысленныя подмигиванія, за которыми нѣтъ никакого глубокомыслія, неизбѣжно потеряютъ кредитъ, и что такимъ образомъ—«все минется, одна правда останется». Да, въ концѣ концовъ, все это неизбѣжно совершится. Но сейчасъ, въ эту минуту, паутина и мусоръ либеральныхъ и «ревизіонистскихъ» подмигиваній, поученій, примѣчаній и наставленій не могутъ не осѣдать въ сознаніи такихъ элементовъ, которые мы хотимъ удержать за собою или только еще завоевать. Этого мало. Безпринципная критика либеральной прессы, не встрѣчая необходимаго отпора, не только задерживаетъ внѣшній ростъ партіи, но и тормозитъ ея внутреннее развитіе. Въ нашей партіи самокритика всегда занимала огромное мѣсто и служила незамѣнимымъ орудіемъ ея развитія.

Но теперь, прежде чѣмъ та или другая критическая мысль получитъ спокойную оцѣнку, буржуазная пресса—при отсутствіи прессы соціалистической — успѣваетъ скомпрометировать ее своей сочувственной или недоброжелательной передачей. Она вырываетъ ее изъ живого контекста нашей партійной мысли, дробитъ на части и затѣмъ эти осколки, украшенные либеральными бубенцами и погремушками, волочитъ по своимъ столбцамъ. А затѣмъ является безсмертная m-me de Kourdukoff и излагаетъ свои «сенсаціи и замѣчанія» въ формѣ окончательныхъ постановленій.

Вотъ журналъ «Былое». Это органъ *безпартійный*, какъ онъ самъ себя рекомендуетъ; издается подъ редакціей бывшаго марксиста В. Богучарскаго,—слѣдовательно, какъ разъ подходящее мѣсто для злостныхъ вылазокъ противъ соціалдемократической партіи. Здѣсь, подъ видомъ рецензіи на спокойный и чисто-дѣловой докладъ т. Дана Амстердамскому конгрессу, г-жа Кускова шипящими и свистящими звуками описываетъ мрачныя и кровавыя преступленія злонамѣреннаго сообщества соціалдемократовъ,—преступленія, совершенныя не то противъ пролетаріата, не то противъ г-жи Кусковой. Эта писательница подвергаетъ безпощадному разсмотрѣнію исторію нашей партіи и приводитъ къ выводу, что всѣ наши бѣды произошли отъ нашего невниманія къ указаніямъ самой г-жи Кусковой. «Мы когда-то сдѣлали эту наивность (попробовали «учить» русскихъ соціалдемократовъ),—пишетъ въ свою очередь г. Прокоповичъ,—но это было очень давно: въ концѣ 90-хъ гг... Мы скоро убѣдились въ безполезности этого занятія—и ушли». Что же случилось послѣ того? Жизнь дала этимъ господамъ полное удовлетвореніе. Такъ говоритъ г. Прокоповичъ,—ибо строки, приведенныя въ началѣ этой главы, написаны имъ.

Чему учили и что предсказывали эти господа 6—8 лѣтъ тому назадъ? Вотъ чему они учили:

«Линія наименьшаго сопротивленія (въ рабочемъ движеніи) у насъ *никогда не будетъ направлена въ сторону политической дѣятельности*. Невозможный политическій гнетъ заставитъ много говорить о немъ, именно на этомъ вопросѣ сосредоточивать вниманіе, но *никогда не заставитъ его практически дѣйствовать*».

«...Слабыя силы русскихъ рабочихъ... стоятъ предъ стѣной политическаго гнета и не только не имѣютъ практическихъ путей для борьбы съ нимъ, а, слѣдовательно, и для своего развитія, но даже систематически душатся ими и не могутъ пускать даже слабыхъ ростковъ».

«Если прибавить къ этому, что рабочій классъ нашъ не получилъ въ наслѣдіе того организаціоннаго духа, какимъ отличались борцы Запада,—то картина получится удручающая и способная *повергнуть въ уныніе самаго оптимистическаго марксиста»...*

«Разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву».

Вотъ что они предсказывали и вотъ чему они учили 6—8 лѣтъ тому назадъ, и вотъ какія ихъ предсказанія жизнь великолѣпно подтвердила!

Мы привели выше дословно выводы такъ называемаго «Credo», написаннаго г-жей Кусковой. Мы опустили за ненадобностью теоретическія предпосылки автора и соображенія о ходѣ рабочаго движенія въ Западной Европѣ,—ученыя соображенія, которыя до чрезвычайности напоминаютъ «сенсаціи и замѣчанія» воспѣтой нѣкогда Мятлевымъ г-жи Курдюковой «за границей, данъ л'этранже». Сама г-жа Кускова въ рецензіи на книжку Дана приводитъ изъ «Credo» нѣсколько сравнительно невинныхъ, хотя достаточно безграмотныхъ въ своемъ родѣ мѣстъ и заявляетъ: «Выводить изъ «Credo» буржуазный либерализмъ можетъ лишь тотъ, кто читалъ «Credo» не для идей, а... для ругательствъ». Г-жа Курдюкова! «Буржуазный либерализмъ»—не ругательство, а названіе опредѣленнаго общественнаго движенія. Если этого не можетъ вмѣстить какой-нибудь самобытный пошехонскій «соціалистъ», вродѣ г. Пѣшехонова, то Богъ его проститъ, какъ и мы его прощаемъ. Но стыдно этого не знать «критическому» соціалисту, обревизовавшему судьбы пролетаріата данъ л'этранже! А затѣмъ мы позволимъ себѣ поставить на видъ столь сердитому критику, что изъ «Credo» нѣтъ никакой надобности *выводить* буржуазный либерализмъ,—совершенно достаточно процитировать слѣдующій основной выводъ, сдѣланный самимъ авторомъ:

«Для русскаго марксиста исходъ одинъ: участіе, т.-е. *помощь экономической борьбѣ пролетаріата и участіе въ либерально-оппозиціонной дѣятельности»*.

Либерально-оппозиціонная дѣятельность, это—синонимъ буржуазнаго либерализма; и кто зоветъ русскихъ марксистовъ отказаться отъ фантастическихъ надеждъ на созданіе рабочей партіи и принять участіе въ либерально-оппозиціонной дѣятельности, тотъ, очевидно, зоветъ ихъ въ лагерь буржуазнаго либерализма. Правда, г-жа Кускова рекомендовала сверхъ того еще «помощь экономической борьбѣ пролетаріата»; но такая помощь не только не исключается буржуазнымъ либерализмомъ, наоборотъ, предполагается имъ. Развѣ конституціонно-демократическая буржуазія не горитъ желаніемъ оказать «помощь» профессіональнымъ союзамъ пролетаріата?

Правда, всѣ ея попытки въ этомъ направленіи представляютъ покушенія съ негодными средствами; но вѣдь и средства г-жи Кусковой тоже оказались никуда не годными. Правда, призывая русскихъ марксистовъ въ лагерь буржуазнаго либерализма, г-жа Кускова руководилась самыми лучшими чувствами къ пролетаріату, но кому какое дѣло, позвольте спросить, до лучшихъ чувствъ г-жи Кусковой, разъ практически она сама переселилась и другихъ съ собой звала въ лагерь буржуазнаго либерализма. Вѣдь это же, наконецъ, фактъ! Вѣдь это же не только въ «Credo» напечатано. Вѣдь это же и въ дѣйствительности совершилось: изъ соціалдемократіи г-жа Кускова ушла и вступила въ буржуазно-демократическій «Союзъ Освобожденія». Чѣмъ же объяснить развязное утвержденіе, будто выводить изъ «Credo» буржуазный либерализмъ можно только «для ругательствъ»? Неужели простымъ стыдомъ за прошлое? Ахъ, г-жа Курдюкова!.. Нехорошо!.. Простите, но я вспоминаю мораль пѣсни: если умѣлъ воровать, умѣй и отвѣтъ держать.

Это тѣмъ болѣе обязательно, что изъ «Credo» г-жи Кусковой, какъ и изъ тогдашнихъ писаній г. Прокоповича, и нельзя было сдѣлать никакого другого вывода, кромѣ призыва марксистской интеллигенціи въ ряды буржуазной оппозиціи. Разъ до наступленія (какимъ путемъ?) политической свободы не могло быть и рѣчи объ организаціи самостоятельной рабочей партіи и даже о политической агитаціи среди широкихъ пролетарскихъ

массъ, то всякій марксистъ, который не хотѣлъ быть Донъ-Кихотомъ и въ то же время не расположенъ былъ лежать на печи, *долженъ* былъ вступать на ту единственную почву, которая давала возможность политической дѣятельности—на территорію буржуазнаго либерализма. Такой выводъ былъ совершенно обязателенъ, и грѣхопаденіе ревизіонистовъ не въ томъ, что они сдѣлали этотъ правильный практическій выводъ, а въ томъ, что они наивно принимали внушенія коротенькаго «здраваго смысла» за надежныя предпосылки реалистической политики. И вмѣсто того, чтобы стыдиться правильнаго вывода,—ложное чувство, сударыня!—г-жѣ Кусковой слѣдовало честно отказаться отъ мысли о невозможности нелегальной политической дѣятельности въ широкихъ рабочихъ массахъ,—предразсудокъ, столь великолѣпно попранный ходомъ событій. Но именно этого-то и не дѣлаетъ г-жа Кускова. Съ упрямствомъ, которое было бы почти трогательнымъ, если-бъ не было такимъ комичнымъ, она доказываетъ, что событія пошли именно по тому пути, какой предсказали гг. М. М., N.N., Петръ Ивановичъ Бобчинскій и Петръ Ивановичъ Добчинскій, въ 1900 г., проживая за границей, данъ л' этранже. Но въ сущности тутъ нѣтъ ничего трогательнаго: просто мелочная попытка увѣрить кого-то, что за эти шесть лѣтъ соціалдемократія не дѣлала ничего, кромѣ глупостей, и что поэтому m-me de Kourdukoff оказала пролетаріату истинное благодѣяніе, состоя въ ординарцахъ при либеральной земщинѣ. Ахъ, сударыня, исторію нельзя обмануть!

О самомъ «Credo» которое мы выше цитировали, г-жа Кускова уютнымъ голосомъ, отнюдь не свистящими и не шипящими звуками, разсказываетъ очень-очень милую сказочку въ стилѣ Андерсена. Знаете ли, жили за границей два человѣка: N. N. и М. М. Разсуждали объ ортодоксальномъ марксизмѣ и о похоронныхъ кассахъ. Пожили и домой поѣхали. На границѣ N. N. былъ арестованъ: это случается и съ ревизіонистами. А М. М. пріѣхалъ въ Петербургъ и тутъ продолжалъ бесѣдовать на «острыя темы марксизма». «Однажды къ М. М. обратились съ просьбой формулировать свои взгляды на спорные вопросы, чтобы удобнѣе было въ спорѣ опереться на что-либо стройное и цѣльное». И тогда М. М.—«одинъ, безъ всякихъ соучастниковъ (!)»—но, повидимому, съ явнымъ разумѣніемъ совершае-

маго—изложилъ свои взгляды *«на бумаженкѣ»* (какъ на грѣхъ, подъ руками не оказалось ни пергамента, ни папируса). М. М. совсѣмъ и забылъ о своей «бумаженкѣ», анъ эта копеечная бумаженка обернулась въ «Credo», вызвала много шума и стала въ нѣкоторомъ родѣ «историческомъ документомъ». Наконецъ, въ завершеніе всего прочаго, выясняется, что авторомъ «Credo» былъ не какой-нибудь коварный и опасный врагъ пролетаріата, а просто г-жа Кускова. «Вотъ какъ дѣлается исторія», милые дѣти,—такова мораль этой трогательной до слезъ сказочки...

Тутъ же г-жа Кускова курсивомъ жалуется на то, что Плехановъ опубликовалъ ея *частныя* письма въ своемъ Vademecum'ѣ. Возможно, что это было очень нескромно со стороны Плеханова: но вѣдь письма-то эти были все-таки написаны г-жей Кусковой, и то обстоятельство, что они были частныя, нисколько не дѣлаетъ ихъ умнѣе. Вообще нужно сказать, что жалобы г-жи Кусковой на чрезмѣрную знаменитость ея частныхъ писемъ и ея программныхъ «бумаженокъ» очень напоминаютъ жалобы уже знакомой г-жи Курдюковой на Іосифа Гутенберга:

«Изобрѣлъ эмпримери,—
Посудите, же ву при,
Каково его открытье!
Ужъ теперь среди людей
Нѣтъ секретовъ; невозможно
Слово молвить осторожно...
Полетитъ, какъ окриленной,
Твой бон-мо по всей вселенной».

А потомъ, черезъ 6—8 лѣтъ, приходится доказывать, съ одной стороны, что «бон-мо» было сказано случайно и безъ соучастниковъ, а съ другой стороны, что жизнь пошла точь-въ точь такъ, какъ предрекала г-жа Курдюкова, собирая политическія сенсаціи и замѣчанія за границей, данъ л' этранже!

«Посудите, же ву при», легко ли это доказать?

7. Всегда въ рядахъ пролетаріата!

Можно, конечно, разсуждать такъ: но вѣдь русскіе ревизіонисты ушли въ буржуазную оппозицію именно съ той цѣлью,

чтобы бороться за созданіе необходимыхъ условій для развитія соціалдемократической партіи. Такимъ образомъ, они приносили дѣлу пролетаріата тяжелую жертву: во имя соціализма они временно отказались отъ него, обкарнали даже свой демократизмъ и принудили себя дышать затхлымъ воздухомъ земскаго либерализма. Развѣ ростъ буржуазной демократіи, ради котораго поработали ревизіонисты, не приноситъ прямыхъ выгодъ партіи пролетаріата?

Это разсужденіе, въ общемъ, совершенно справедливо. Развитіе буржуазной демократіи несомнѣнно идетъ на пользу пролетаріату, но лишь постольку, поскольку оно происходитъ за счетъ темноты, отсталости или пассивности тѣхъ или другихъ группъ и классовъ, но не за счетъ соціалистической демократіи. Послѣдняя, неутомимо борясь за упроченіе своего вліянія, должна въ тоже время въ своихъ собственныхъ интересахъ способствовать поступательному движенію буржуазной демократіи, должна «толкать» ее въ спину, а не въ грудь. Когда же моя поддержка демократіи выражается въ томъ, что я, хотя-бы «скрѣпя сердце», ухожу изъ формирующейся партіи пролетаріата въ формирующуюся буржуазную партію и зову за собой другихъ, я тѣмъ наношу прямой и непосредственный ущербъ дѣлу соціализма, хотя моя дальнѣйшая политическая дѣятельность, оставаясь по существу своему буржуазной, можетъ косвенно благопріятствовать развитію соціалдемократіи. Но для того, чтобъ оказывать партіи пролетаріата *такую* услугу, нѣтъ никакой надобности быть «критическимъ» соціалистомъ,—совершенно достаточно быть Милюковымъ или Родичевымъ. Въ концѣ концовъ, вѣдь и ростъ техники и развитіе торговаго оборота въ странѣ способствуютъ дѣлу соціалдемократіи, изъ чего вовсе не слѣдуетъ, что мы, по старому совѣту народниковъ, должны заводить фабрики или открывать лавки. Далѣе, можно съ полнымъ правомъ утверждать, что созданіе всякой организаціи въ аморфныхъ народныхъ массахъ, совершенно независимо отъ субъективнаго намѣренія иниціаторовъ, служитъ въ конечномъ счетѣ революціи и соціализму. Достаточно высказать эту мысль, чтобы тотчасъ-же вызвать воспоминаніе о зубатовщинѣ и гапонадѣ. «Разъ ходъ исторіи опредѣлился, — повторимъ мы прекрасныя слова Родбертуса, — ему помогаетъ все:

истина и безуміе, справедливость и беззаконіе, благословеніе и проклятіе».

Каковы ни были намѣренія ревизіонистовъ при ихъ переселеніи въ «Союзъ Освобожденія», они не могутъ не знать, что объективный смыслъ политической дѣятельности опредѣляется ея *методомъ*, а не субъективной *цѣлью*. Методъ выражается въ дѣйствіяхъ, въ актахъ, которые получаютъ свое объективное бытіе, и мнѣ не дано уже вырѣзать изъ жизни то, что я внесъ въ нее, хотя-бы самъ я и отказался отъ своей цѣли. Г. Струве написалъ первый манифестъ соціалдемократической партіи, въ которомъ онъ, между прочимъ, говорилъ объ имманентной подлости русскаго либерализма,—и сколько-бы онъ теперь ни лгалъ на нашу партію, сколько-бы ни отрицалъ ея существованіе, написанный имъ манифестъ вошелъ неискоренимой составной частью въ ея развитіе. Методъ—это все. Въ концѣ концовъ, онъ подчиняетъ себѣ наше сознаніе, если оно находится съ нимъ въ противорѣчіи, и противъ нашей воли подсовываетъ намъ новую цѣль. Соціалистъ, совершающій либеральную работу ради соціализма, въ концѣ концовъ обыкновенно самъ превращается въ либерала. Въ политико-философской драмѣ Лассаля «Францъ фонъ-Сикингенъ» есть такія строки:

«Das Ziel nicht zeige,—zeige auch den Weg; —
Denn so verwachsen sind hinieden Weg und Ziel,
Dass Eines stäts sich ändert mit dem Andern
Und andrer Weg auch andres Ziel erzeugt...»
(Не только цѣль дай мнѣ, открой мнѣ также путь:
Сростаются такъ тѣсно цѣль и средство,
Что измѣнись одно, измѣнится другое;
Рождаетъ цѣль иную путь иной...).

Изъ этихъ четырехъ строкъ можно развернуть всю философію соціалдемократической тактики, всегда революціонно-принципіальной и, по тому самому, наиболѣе реалистической. Сдѣлать цѣль своимъ субъективнымъ достояніемъ и затѣмъ предоставить собственному глазомѣру выборъ *метода* дѣйствій, отъ случая къ случаю, значитъ балансировать на грани, отъ которой два покатыхъ пути: одинъ—къ бланкизму, другой—

къ дипломатизирующему реформизму. Между старымъ бланкизмомъ, который полагалъ центръ тяжести революціонной политики въ инициативѣ и рѣшительности соціалистовъ-заговорщиковъ, и между нынѣшнимъ оппортунизмомъ, который переноситъ этотъ центръ тяжести въ область реалистическихъ сдѣлокъ съ агентами власти или представителями буржуазныхъ интересовъ, существуетъ самое тѣсное внутреннее сродство. Оба они—и бланкизмъ и реформизмъ—могутъ сколько угодно клясться именемъ массы, но для обоихъ—суть политики, ея квинтъ-эссенція, ея поэзія, ея эстетика—внѣ массы. Въ одномъ случаѣ—*иниціатива*, въ другомъ—*тактъ*; тамъ—*заговоръ*, здѣсь—*соглашеніе*; и тамъ и здѣсь всегда нужны большія кулисы, отдѣляющія «вождей» отъ массы; и тамъ и здѣсь нѣтъ пониманія, что соціалистическая политика—это *масса въ дѣйствіи*. Если вы уходите отъ рабочей массы для того, чтобы въ сторонѣ что-то такое сдѣлать для ея благополучія, то мнѣ уже все равно, куда вы уходите: для того ли, чтобы бросить бомбу подъ экипажъ Плеве, или для того, чтобы, воспользовавшись эффектомъ этой бомбы, хлопотать вокругъ земскаго съѣзда въ Москвѣ. Соціалистическая тактика не можетъ игнорировать ни бомбы, ни земскаго съѣзда; она учитываетъ и то и другое, ни не внѣ пролетаріата, а въ его средѣ. Пробуждать дремлющее классовое сознаніе массы, вносить организаціонныя ячейки въ ея хаотическую среду, воспитывать рабочихъ-вождей на каждой фабрикѣ, въ каждой мастерской, связывать разрозненныя части великаго цѣлаго воедино, если можно—матеріальной организаціей, если нельзя—хотя-бы нематеріальными нитями классовой солидарности, вотъ истинно соціалистическое дѣло, вотъ работа, которую наша партія честно выполняла и выполняетъ въ ужасающихъ условіяхъ самодержавной тиранніи и которую я назвалъ въ предисловіи къ моей книгѣ «великимъ дѣломъ». Нищіе духомъ пошляки и отравленные собственнымъ ничтожествомъ скептики скалили зубы по поводу моихъ словъ. Но изъ-за ихъ зубовъ, оскаленныхъ ихъ глумленьемъ, проглядываетъ только ихъ золотушная филистерская душонка—и ничего болѣе. И ничего болѣе!

Мы всегда считали, что каждое маленькое зерно, которое намъ удастся внести въ житницу соціалистическаго сознанія,

безконечно важнѣе не только большой банки динамита, но и великаго земскаго паломничества изъ Москвы въ Царское Село; важнѣе не только для нашей конечной соціально-революціонной цѣли, но и для ближайшихъ задачъ политическаго раскрѣпощенія.

Было бы наивнымъ политическимъ нигилизмомъ утверждать, что внѣ пролетаріата нѣтъ мѣста политической дѣятельности, или отрицать, что земская оппозиція, а также «Союзъ Освобожденія», какъ предтеча конституціонно-демократической партіи, сыграли извѣстную роль въ освободительной борьбѣ. Но именно потому, что это такъ, соціалистическая тактика должна была эту внѣшнюю для нея работу учесть; а для этого соціалистамъ нужно было не уходить отъ пролетаріата, а оставаться въ его средѣ. Кто звалъ «русскихъ марксистовъ» къ работѣ въ средѣ либеральной оппозиціи, тотъ совершалъ преступленіе противъ пролетаріата. «Неистовая» борьба «Искры», имя которой наши ревизіонисты произносятъ не иначе, какъ съ пѣной у рта, была въ первую голову направлена на то, чтобы идейно закрѣпить лучшую часть интеллигенціи за дѣломъ пролетаріата. И если тенденціи «Credo» имѣли сравнительно незначительный успѣхъ, то этимъ наша партія въ значительной мѣрѣ обязана блестящей кампаніи «Искры» и «Зари».

«Что сдѣлано было,—допрашиваетъ меня г. Прокоповичъ,— *что сдѣлано было* съ соціалдемократическими рабочими организаціями, сложившимися подъ вліяніемъ рабочедѣльцевъ въ доискровскій періодъ?—Онѣ были уничтожены», гремитъ обличающій голосъ.

Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?—Ты убилъ его. Объ этомъ дѣяніи соціалдемократіи съ глубокимъ трагизмомъ говоритъ и г-жа Кускова: «черная страница исторіи», «мрачная страница исторіи»...

Высокій тонъ обличенія очень эффектенъ и производитъ почти потрясающее впечатлѣніе; но смысла тутъ все-таки немного. Искровцы уничтожили рабочія соціалдемократическія организаціи. Какъ уничтожили? Какими средствами? Вѣдь вотъ полиціи же не удавалось уничтожить организаціи, хотя у нея гораздо больше силы и средствъ? Почему-же это удалось «искровцамъ»? И какимъ это образомъ организаціи, отвѣчающія потребностямъ

рабочаго движенія, могутъ быть уничтожены кучкой сумасбродныхъ интеллигентовъ,—ибо такими выходятъ искровцы въ вашемъ изображеніи? Гдѣ же тогда вообще искать гарантій дальнѣйшаго развитія партіи, если со стороны могутъ въ любой моментъ прійти десятокъ маніаковъ и не оставить камня на камнѣ въ рабочихъ организаціяхъ?

Повидимому, я долженъ вамъ объяснить, господа, что рабочія организаціи, о которыхъ вы говорите, не были кѣмъ-то механически уничтожены, а просто изжили себя въ процессѣ роста партіи и измѣненія ея задачъ. Старыя ячейки были гораздо ближе по типу къ профессіональнымъ, чѣмъ къ политическимъ союзамъ; поэтому онѣ оказались совершенно неприспособленными, когда подвинулись со стихійной силой потребности политической агитаціи; эти рабочія организаціи, все равно, распались бы, если-бъ искровцы даже не принимали противъ нихъ никакихъ адскихъ мѣръ. Сама «Искра» была выраженіемъ политическихъ запросовъ движенія. Лозунги, которые она выдвигала, были идейнымъ знаменемъ для новыхъ организаціонныхъ образованій; сюда естественно притекали наиболѣе, приспособленные элементы изъ старыхъ ячеекъ. Какъ бы мы низко ни стали оцѣнивать политическое содержаніе, внесенное въ партійную жизнь «Искрой», несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что ея побѣда была результатомъ превосходства тѣхъ идей, которыя она представляла. Новые запросы, какъ всегда, создали фракцію. Старыя тенденціи, какъ всегда, стремились консервироваться. Побѣдило, разумѣется, прогрессивное теченіе. Въ борьбѣ фракцій, какъ всегда, было много лишнихъ треній. Но поднимать черезъ 3—4 года вопль о томъ, что варвары—искровцы «уничтожили» складывающую партію, принеся въ жертву своимъ предразсудкамъ рабочія организаціи, значитъ обнаруживать великую примитивность собственнаго мышленія.

Періодъ «Искры», какъ мы уже указали выше, вообще не даетъ спать господамъ ревизіонистамъ, они изображаютъ его такъ, какъ благочестивые лѣтописцы описывали нашествіе язычниковъ: пришли, иное повырубили, иное выжгли, женъ и дѣвъ подвергли сраму, младенцевъ*) избили... Теперь все это,

---

*) Сирѣчь «критическихъ» соціалистовъ.

пишетъ г. Прокоповичъ, принадлежитъ прошлому. «Теперь, напримѣръ, одинъ изъ уважаемыхъ основателей русской соціалдемократіи ведетъ широкую агитацію въ пользу созыва рабочаго съѣзда, *въ противоположность партійному*. Что это, какъ не ликвидація искровскаго періода?»

Такимъ образомъ, у г. Прокоповича рѣчь идетъ не о ликвидаціи *отрицательныхъ сторонъ* «искровскаго періода»— работа, давно предпринятая самими «искровцами»,—а о ликвидаціи *всей партіи*, какъ недоразумѣнія, выросшаго изъ эпохи монгольскаго, то-бишь, искровскаго ига. При этомъ г. Прокоповичъ въ союзники себѣ беретъ П. Б. Аксельрода. Я позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ частнаго письма т. Аксельрода, которое я получилъ*) до полемической статьи г. Прокоповича, но которое достаточно характеризуетъ антипартійную безцеремонность этого послѣдняго. «Объ апелляціи къ пролетаріату черезъ головы соціалдемократической интеллигенціи,—пишетъ т. Аксельродъ,—въ данномъ случаѣ *смѣшно и нелѣпо говорить*; вообще для меня центръ тяжести лежитъ въ подготовительной, пропагандистской, агитаціонной и организаціонной работѣ. Я дѣлаю все зависящее отъ меня, чтобы отсрочить начало агитаціи за съѣздъ до того момента, когда *общественное мнѣніе партіи достаточно опредѣлится*, съ одной стороны, и когда, путемъ и на почвѣ литературныхъ дебатовъ и бесѣдъ въ партійныхъ кружкахъ и собраніяхъ, рефератовъ и т. д., выработается персоналъ пропагандистовъ, агитаторовъ и организаторовъ, способныхъ взять на себя *отъ имени и по порученію партіи* починъ въ дѣлѣ подготовки созыва рабочаго съѣзда.» Какъ видите, это очень далеко отъ противопоставленія класса —партіи!

Такъ какъ г. Прокоповичъ съ уваженіемъ ссылается на П. Б. Аксельрода, взгляды котораго всегда были и остаются очень авторитетными и для меня, то мы, очевидно, нашли «инстанцію», съ мнѣніемъ которой оба готовы считаться. Я приведу поэтому отзывъ т. Аксельрода о предметѣ, который не можетъ не интересовать ни г. Прокоповича, ни г-жу Кускову.

«Въ самый разгаръ увлеченія партіи узкимъ экономиз-

*) Въ отвѣтъ на свое письмо, напечатанное въ этомъ сборникѣ.

момъ,—говоритъ Аксельродъ въ своей на дняхъ вышедшей брошюрѣ,—я указывалъ на его *антисоціалдемократическую* тенденцію, направленную къ подготовленію политической гегемоніи и *опеки демократической буржуазіи надъ пролетаріатомъ.* Меня за то обвиняли въ «неосновательныхъ опасеніяхъ». Но очень скоро авторы извѣстнаго «Credo» (слушайте, слушайте, авторы «бумаженки»!) подтвердили мои опасенія, выставивъ, какъ *желательную цѣль,* то, что я характеризовалъ, какъ объективную тенденцію.» *) Надѣюсь, эти слова не требуютъ никакихъ комментаріевъ?

8. Еще о злопыхательномъ безпристрастіи.

Упомянутый выше докладъ Дана представляетъ краткій очеркъ движенія за время 1900—1904 г.г. Авторъ ничего не прикрашиваетъ. Наоборотъ, если его можно въ чемъ обвинить, такъ это въ выдвиганіи на передній планъ недостатковъ партійной дѣятельности, иногда даже съ нарушеніемъ необходимой перспективы. Но авторъ имѣлъ въ виду читателя - соціалиста, который обращается къ очерку развитія русской секціи международной соціалдемократіи не для того, разумѣется, чтобъ вѣшать на свою партію дохлыхъ собакъ. Другое дѣло г-жа Кускова. Изъ своей рецензіи она умудрилась сдѣлать злостный пасквиль. Основной тезисъ г-жи Кусковой очень простъ: «закономѣрно развивающееся русское рабочее движеніе *не нашло* въ соціалдемократіи своей руководительницы» («Былое», № 10, стр. 320). Нѣтъ ничего легче, какъ доказать это положеніе,—и притомъ не только по отношенію къ русской, но и по отношенію къ нѣмецкой соціалдемократіи. Партійная организація представляетъ даже въ Германіи незначительную величину по сравненію съ численностью класса. Конечно, политическое вліяніе партіи очерчивается гораздо большимъ радіусомъ, чѣмъ ея организаціонная периферія. Но и въ Германіи имѣются еще широкіе слои рабочихъ, остающіеся внѣ непосредственнаго по-

*) П. Б. Аксельродъ. «Двѣ тактики», С.П.Б., 1907.

литическаго вліянія соціалдемократіи. Наконецъ, въ рамкахъ своего вліянія партія далеко не равномѣрно и далеко не полно удовлетворяетъ *всѣ* запросы рабочаго движенія. Этими щелями, остающимися между партіей и классомъ, пользуются буржуазные политики, чтобы просунуть туда свой носъ, а если щель достаточно широка, то и руку... Такимъ образомъ, и германская соціалдемократія, гордость рабочаго интернаціонала, не можетъ быть названа руководительницей рабочаго движенія *въ абсолютномъ смыслѣ этого слова*. Но можно ли вообще примѣнять абсолютный критерій къ такимъ живымъ организмамъ, какъ политическія партіи? Соціалдемократія есть сліяніе научнаго соціализма съ массовымъ рабочимъ движеніемъ. Это сложный и многообразный *процессъ*, проходящій черезъ длинный рядъ внутреннихъ процессовъ. Если мы обращаемся къ исторіи соціалдемократіи «для идей, а не для ругательствъ»,—да простится мнѣ это не совсѣмъ грамотное выраженіе г-жи Кусковой,— то слѣдуетъ поставить вопросъ о роли партіи въ его *исторической* формѣ: разросталась ли соціалдемократія, углублялось ли ея вліяніе, словомъ, *приближалась ли она къ роли руководительницы массоваго рабочаго движенія?* Такая постановка вопроса даетъ правильный критерій для оцѣнки прошлой дѣятельности партіи; путемъ добросовѣстнаго анализа можно выяснить, какія изъ ея внутреннихъ треній были исторически неизбѣжны и прогрессивны; какія должны быть отнесены на счетъ ошибокъ, ложныхъ взглядовъ, доктринерства и увлеченій. Объективный историческій анализъ даетъ мѣсто для плодотворной политической морали. Но если мы задаемся цѣлью доказать, что русская соціалдемократія, какъ таковая, не является руководительницей рабочаго движенія, какъ такового,—тогда задача страшно упрощается и становится доступной даже г-жѣ Кусковой: нужно подобрать десятокъ фактовъ отрицательнаго характера, примѣры ошибокъ партіи, внутреннихъ раздоровъ, противорѣчій и промаховъ. Мѣсто историческаго анализа занимаетъ подборъ уликъ. Это тотъ самый методъ, какимъ апологеты православной церкви доказываютъ мерзость римско-католической ереси. Въ этомъ не только смыслъ статейки г-жи Кусковой, но и сущность всей критики, направляемой ревизіонистами противъ самой партіи. Такъ «дѣйству-

етъ», какъ мы уже видѣли, г. Прокоповичъ. А «критическимъ» иждивеніемъ этихъ господъ живетъ вся либеральная пресса, которая по вопросамъ соціализма своихъ словъ еще не имѣетъ.

Г. Прокоповичъ *противопоставилъ* партіи Совѣтъ Депутатовъ. Г-жа Кускова останавливается на другихъ моментахъ нашей исторіи. Она говоритъ объ удачныхъ опытахъ полицейской демагогіи, о массовомъ движеніи зубатовцевъ и гапоновцевъ наряду съ организаціонной изолированностью соціалдемократіи.

Противопоставляя нашему подпольному прозябанію шумные «успѣхи» полицейской демагогіи, нашъ критикъ забываетъ, что только наличность въ рабочей средѣ сознательныхъ элементовъ дала возможность всей массѣ съ удивительной быстротой распознать истинную суть охраннаго соціализма и—перешагнуть черезъ его трупъ. Болѣе того. Самыя событія, на внѣшній обликъ которыхъ полицейская рука наложила несомнѣнный отпечатокъ, далеко не во всемъ своемъ объемѣ были дѣломъ Зубатовыхъ, Шаевичей и Гапоновъ. Выходцы изъ участковъ, безъ всякаго опыта агитаціи, они всегда обнаруживали весьма естественный полицейскій страхъ передъ массой. Они никогда не задавались цѣлью создавать грандіозныя событія. Но масса каждый разъ могучимъ потокомъ врывалась въ открытые шлюзы, къ великому ужасу полицейскихъ демагоговъ. Та неприкосновенность, которую зубатовцы создавали вокругъ вызванной ими частной стачки, взбудораживала широкіе круги рабочихъ. И вотъ тутъ-то началась работа соціалдемократіи. Въ такіе моменты весь ея подпольный аппаратъ приходилъ въ движеніе и глубоко погружался въ массу. Расширеніе стачки до степени «всеобщей» всегда совершалось благодаря соціалдемократіи; зубатовцамъ оно было и не по душѣ и не по силамъ. Соціалдемократическіе агитаторы, интеллигенты и рабочіе, пріобщали къ стачкѣ все новые заводы и фабрики. Мѣстный комитетъ партіи выпускалъ десятки тысячъ листковъ, оповѣщая о ходѣ движенія и формулируя требованія. На заводскихъ и уличныхъ собраніяхъ выступали десятки ораторовъ-соціалдемократовъ. Конечно, вся эта партійная работа была возможна лишь благодаря стихійному движенію самой массы; но «стихія» одинаково опредѣляла и сомнительный «успѣхъ»

зачинщиковъ-зубатовцевъ и несомнѣнные успѣхи соціалдемократической организаціи. Кто хоть сколько-нибудь конкретно представляетъ себѣ *механику* массовой стачки, тотъ согласится съ нами, что только безнадежная близорукость можетъ приписывать грандіозную одесскую стачку — Шаевичу, а 9-ое января—Гапону.

Въ частности по поводу гапонады вотъ что сообщаетъ мнѣ на основаніи собственныхъ наблюденій мой другъ П. А. Злыдневъ, спокойное безпристрастіе котораго знаютъ всѣ, сталкивавшіеся съ нимъ въ работѣ.

«Движеніе, приведшее къ «9 января», будетъ, вѣроятно, занесено на страницы исторіи русской революціи, какъ гапоновское движеніе. Однако, справедливость требуетъ указать, что это движеніе отнюдь не было исключительно гапоновскимъ. Не говоря ужъ о томъ, что оно не шло подъ какими-нибудь ясно и опредѣленно формулированными директивами гапоновской организаціи, сами члены этой послѣдней не проявляли рѣшительности и увѣренности даже въ *расширеніи стачки и привлеченіи новыхъ силъ*, безъ чего немыслимо было бы самое 9-е января.

«Вопреки утвержденіямъ либеральныхъ писателей, все предсказывающихъ и никогда не ошибающихся, соціалдемократія въ этомъ движеніи играла далеко не послѣднюю роль; члены ея принимали самое дѣятельное участіе въ проведеніи стачки и въ ея расширеніи, гдѣ это только оказывалось возможнымъ. Несмотря на то, что за Невской заставой стачка началась у Семянникова, кажется, еще съ 4 января, всѣ другіе заводы продолжали работать и присоединились лишь позже. Остановка этихъ заводовъ происходила по иниціативѣ и подъ руководствомъ организованныхъ соціалдемократовъ. Начиная съ Обуховскаго завода, они остановили Карточную, Фарфоровый и др. фабрики и заводы.

«Этимъ дѣятельность соціалдемократической партіи не ограничивалась. Она постоянно выдвигала на гапоновскихъ собраніяхъ своихъ агитаторовъ, не говоря ужъ о тѣхъ рабочихъ-соціалдемократахъ, членахъ партіи, которые выступали на собраніяхъ по своему усмотрѣнію.

«Правда, отношеніе къ соціалдемократіи первое время было

несочувственное, не разъ кричали на собраніяхъ «долой соціалдемократовъ!», въ чемъ немало усердствовали сами гапоновцы, первоначальная цѣль которыхъ была скомпрометировать соціалдемократію. Во всякомъ случаѣ, это имъ удалось только въ первые дни январскаго движенія. 7-го вечеромъ и 8-го соціалдемократы не только выступали, какъ ораторы, рѣчи которыхъ покрывались бурными апплодисментами, но выступали оппонентами либеральнымъ ораторамъ и имѣли успѣхъ у массъ».

П. А. Злыдневъ говоритъ здѣсь о Невскомъ районѣ, жизнь котораго онъ самъ близко наблюдалъ, какъ рабочій Обуховскаго завода. Но въ другихъ районахъ роль соціалдемократіи была гораздо значительнѣе; такъ, на Васильевскомъ Островѣ руководство движеніемъ было всецѣло въ рукахъ партіи. — Знаменитая гапоновская петиція содержаніемъ своихъ требованій всецѣло обязана какъ предшествующей соціалдемократической пропагандѣ въ рабочихъ массахъ, такъ и дѣятельности партійныхъ агитаторовъ въ январскіе дни. Послѣ 9-го января требованіе Учредительнаго Собранія вытѣсняетъ расплывчатую формулировку земскаго съѣзда и все больше становится общенароднымъ лозунгомъ. Гапонъ въ этомъ очень мало повиненъ. Это несомнѣнная заслуга соціалдемократіи.

Слѣдующимъ въ хронологическомъ порядкѣ этапомъ петербургскаго, а въ значительной мѣрѣ, и всероссійскаго движенія была комиссія Шидловскаго. Вотъ что по этому поводу сообщаетъ тотъ же Злыдневъ, бывшій въ числѣ выборщиковъ, слѣдовательно, непосредственный участникъ событій.

«Если 9-го января,—пишетъ онъ,—соціалдемократія не была во главѣ рабочаго движенія, то въ движеніи, связанномъ съ комиссіей сенатора Шидловскаго, она занимала мѣсто безусловной руководительницы.

«Агитація среди рабочихъ во время выборовъ, организація собраній выборщиковъ по районамъ, агитація среди выборщиковъ и, наконецъ, во время стачки послѣ отказа Шидловскаго удовлетворить требованія и ареста многихъ депутатовъ, — все это дѣло рукъ соціалдемократіи. Резолюція, принятая на собраніи депутатовъ, была предложена соціалдемократіей. Наконецъ, вся тактика по отношенію къ комиссіи была выработана и проведена партіей.

«Во всей этой работѣ соціалдемократія, повторяю, играла господствующую роль. Среди депутатовъ было значительное количество соціалдемократовъ, входившихъ въ партійныя организаціи. Показателемъ вліянія и авторитета партіи въ этой кампаніи можетъ служить тотъ фактъ, что многіе депутаты, раньше лишь сочувствовавшіе революціонному движенію, послѣ комиссіи Шидловскаго стали членами партіи и затѣмъ принимали участіе въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ».

Но мало того, что г-жа Кускова сообщаетъ улики вмѣсто того, чтобъ анализировать факты, самыя улики эти оказываются почти сплошь фальшивыми. Даты перепутаны, сообщенія извращены, связи и отношенія нарушены, все искромсано въ куски, куски перемѣшаны и произвольно сшиты. Въ концѣ концовъ, партія выходитъ изъ критической лабораторіи г-жи Кусковой въ совершенно изуродованномъ видѣ: ноги подъ мышкой, носъ на затылкѣ, вмѣсто глазъ двѣ зіяющія дыры, ибо глаза собственноручно выцарапаны г-жей Кусковой.

Судите сами!

«Долго и упорно толковала рабочимъ соціалдемократія о прибавочной стоимости, о капитализмѣ и соціализмѣ, о демократической республикѣ и прочихъ нужныхъ, но холодныхъ *) абстрактныхъ вещахъ; пришелъ сыщикъ Зубатовъ и его помощникъ Шаевичъ. Заговорили они объ экономическихъ нуждахъ и широкой для ихъ защиты (для защиты нуждъ!) организаціи,—и масса встала и пошла» (стр. 323). Неужели? Ахъ, какъ это все интересно! Но только правда ли это? Нѣтъ, сударыня, все съ начала до конца неправда. Зубатовщина появилась въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія. Крупныя проявленія ея—февральская «демонстрація» въ Москвѣ и дѣятельность Шаевича въ Одессѣ—относится къ 1902 и 1903 гг. Между тѣмъ русскіе соціалдемократы уже съ середины 90-хъ годовъ переходятъ къ массовой агитаціи на почвѣ повседневныхъ нуждъ. Въ 94 году появляется брошюра «Объ агитаціи», формулирующая задачи агитаціи на почвѣ стачечной борьбы. Въ 1897 г. возникаетъ «Рабочая Мысль», очень мало толко-

*) «Нужныхъ, но холодныхъ...» По этому поводу считаемъ умѣстнымъ вообще извиниться за стиль г-жи Кусковой.

вавшая о республикѣ и другихъ «нужныхъ, но холодныхъ вещахъ», и весьма много толковавшая о «защитѣ нуждъ». Но еще до возникновенія этого такъ называемаго «экономическаго» направленія, петербургскій Союзъ Борьбы сыгралъ крупную роль въ знаменитой стачкѣ ткачей въ 1896 году. «Пришелъ сыщикъ Зубатовъ»,—и «масса встала и пошла», это, можетъ быть, очень картинно, но это неправда. Самъ сыщикъ Зубатовъ гораздо справедливѣе относился къ дѣятельности соціалдемократовъ. Онъ вовсе не приписывалъ себѣ изобрѣтенія новаго способа воздѣйствія на массы; онъ предлагалъ лишь правительству вырвать у соціалдемократовъ изъ рукъ тотъ способъ, какимъ они съ успѣхомъ пользуются. Читали вы его докладъ, написанный отъ имени тогдашняго московскаго оберъполицмейстера Трепова? Прочитайте! Тамъ Зубатовъ говоритъ, что вся сила соціалдемократовъ въ томъ и состоитъ, что они всю свою агитацію строятъ на почвѣ мелкихъ повседневныхъ нуждъ рабочей массы.

Вы пишете, что «въ 1903 г. произошла первая всеобщая забастовка, организованная въ Одессѣ Шаевичемъ, тогда какъ соціалдемократія, по вашимъ словамъ, «ни разу» не вела за за собою болѣе или менѣе широкія массы. Неправда, сударыня. Знаменитая массовая ростовская стачка 1902 г., послужившая предтечей южно-русскихъ событій 1903 г., протекла исключительно подъ руководствомъ комитета нашей партіи. Неправда, далѣе, будто Шаевичъ «организовалъ» всеобщую забастовку. Поскольку она вообще была организована, роль партіи въ этомъ никакъ ужъ не была меньше одесскихъ зубатовцевъ. Наконецъ, одновременно съ одесской стачкой происходили всеобщія стачки въ Баку, Тифлисѣ, Батумѣ, Кіевѣ, Николаевѣ, Екатеринославѣ, Елисаветградѣ, гдѣ зубатовцы не имѣли никакого или почти никакого вліянія. Если г-жа Кускова ничего этого не знала, она могла объ этомъ прочитать въ той самой брошюрѣ Дана, которая послужила предлогомъ для ея статьи. Но г-жѣ Кусковой надобно, чтобы глумленіе надъ соціалдемократіей вышло покрѣпче. А факты?—тѣмъ хуже для нихъ!

«Передъ немногими русскими ревизіонистами,—пишете вы,—стоялъ въ 1900 г. вопросъ: или биться въ сѣтяхъ большевизма и меньшевизма въ безплодной растратѣ силъ, или же

сдѣлать дѣйствительно политическое дѣло, помогая организаціи трудно-соединяемыхъ*) элементовъ буржуазной демократіи исключительно въ цѣляхъ политическихъ выступленій» (стр. 325). Правда, на слѣдующей страницѣ вы пишете, что выводить изъ «Credo» буржуазный либерализмъ можно только «для ругательствъ», а здѣсь вы сами подтверждаете, что авторы «Credo» именно этимъ «дѣйствительно-политическимъ» дѣломъ только и промышляли. Ну, да Богъ съ вами. А вотъ зачѣмъ вы факты калѣчите, сударыня? Вы заставляете себя заднимъ числомъ путаться въ 1900 г. въ сѣтяхъ большевизма и меньшевизма, но это дѣло невозможное, ибо не было тогда ни большевизма, ни меньшевизма. Эти фракціи возникли только во второй половинѣ 1903 г., послѣ 2-го съѣзда партіи.

Г-жа Кускова вычисляетъ силы нашей партіи, причемъ по ея счетамъ оказывается, что въ 1900 г. работало въ Россіи 63 активныхъ соціалдемократа, а въ 1904 г. — 207 человѣкъ. Откуда эти удивительныя цифры? У Дана г-жа Кускова узнала, что въ 1904 г. партія насчитывала 20 комитетовъ и 11 мѣстныхъ группъ, что въ комитетѣ было въ среднемъ 5—6 человѣкъ,—и г-жа Кускова оказалась неспособной сдѣлать изъ этихъ чиселъ ничего, кромѣ... умноженія. Но вѣдь «комитетъ» это только верхушка организаціи,—а куда-же вы дѣвали кружки рабочихъ-соціалдемократовъ, пропагандистовъ, агитаторовъ, организаторовъ, техниковъ... Куда вы дѣвали партію, сударыня? Для того, чтобы округлить свои ариѳметическія комбинаціи, г-жа Кускова дѣлаетъ маленькій подлогъ. Данъ, упомянувъ о томъ, что комитетъ имѣетъ въ среднемъ 5—6 членовъ, разъясняетъ, что подъ этой верхушкой имѣется еще сложная организація; далѣе онъ указываетъ, что наряду съ 39 комитетами существовало въ 1904 г. «11 мѣстныхъ организацій», еще *не успѣвшихъ завязать настолько прочныя связи и обезпечить непрерывный ходъ работы*, чтобы превратиться въ комитеты». Для своего умноженія г. Кускова дѣлаетъ «догадку»: группы, вѣроятно, имѣли вдвое менѣе членовъ, чѣмъ комитеты. Почему такое? Изъ словъ Дана ясно видно, что вовсе не разница въ числѣ членовъ (*три* или

*) Соединимыхъ, что-ли? И почему это они трудно соединимы?

щесть) отличаетъ группу отъ комитета. Но, г-жа Кускова, для добросовѣстности нужно подсчитать и группы, а обратить вниманіе на дѣйствительное отличіе группъ отъ комитетовъ значитъ лишить смысла весь подсчетъ. Вотъ г-жа Кускова и прибѣгаетъ къ маленькому подлогу, такъ сказать, для добросовѣстности въ счетѣ...

Въ началѣ своей статейки г-жа Кускова упоминаетъ, что «соціалдемократія сыграла видную роль въ движеніи 1905—6 г.» (стр. 320). Какая соціалдемократія? Но вѣдь для 1904 г. вы въ результатѣ безошибочнаго умноженія получили всего на всего 207 человѣкъ соціалдемократовъ. Какъ-же это они могли играть видную роль въ революціонномъ движеніи слѣдующихъ двухъ лѣтъ?

Я, однако, не намѣренъ гоняться за всѣми статистическими и хронологическими сенсаціями г-жи Кусковой, — это утомительно да и никому не нужно: ея «критическій» методъ достаточно ясенъ уже изъ тѣхъ образчиковъ, мимо которыхъ намъ пришлось пройти.

За послѣднее время г-жа Кускова много пишетъ о насъ, соціалдемократахъ, и притомъ не иначе, какъ съ гримасой сожалѣнія къ нашей глупости. Можно подумать, невѣсть какіе горизонты передъ ней открыты. А на самомъ дѣлѣ, когда читаешь ея статьи, въ которыхъ она изъясняетъ, какъ соединяла «трудно соединяемые» элементы, и какъ изъ этого собственно ничего не вышло, то начинаешь понимать, что политика и публицистика дѣло трудное, и, въ концѣ концовъ, невольно вспомнишь мадамъ де Курдюковъ, которая такъ говорила о своихъ политическихъ спекуляціяхъ:

«Что политикъ различаетъ,
Дама то соединяетъ:
И я Мюнстеръ, Оснабрюкъ
Уложила въ тотъ же тюкъ».

Да, госпожа Кускова слишкомъ часто укладываетъ «въ тотъ же тюкъ» «трудно соединяемые» элементы... Отсюда собственно и проистекаютъ ея злоключенія.

9. «Иди и больше не грѣши!»

Чтобъ закончить свое собесѣдованіе съ господами ревизіонистами, мнѣ остается еще сказать два слова объ одномъ совершенно убійственномъ аргументѣ г. Прокоповича.

Въ моемъ «Предисловіи» есть строки, которыя мимоходомъ мнѣ уже приходилось выше нѣсколько разъ затрагивать: «Да, мы дѣлали промахи, ошибки и даже преступленія,—и все-же мы совершили великое дѣло. По сравненію съ *ними* мы совершили чудеса. Мы были и остаемся барабанщиками и трубачами великаго класса, мы гордились его первыми шагами, мы никогда не сомнѣвались въ немъ, мы не покидали его въ минуты бѣдствія... И мы совершили чудеса». *)

По поводу этихъ словъ г. Прокоповичъ пишетъ;

«Что касается утвержденія, что соціалдемократы всегда были *только*(?) барабанщиками и трубачами пролетаріата, то въ данномъ пунктѣ (!) г. Троцкій уже *правильно опровергаетъ*—г. Троцкаго. Одинъ г. Троцкій (обратите вниманіе! Т.) возводитъ соціалдемократію въ званіе барабанщиковъ, а другой г. Троцкій (слушайте, слушайте! Т.) прямо говоритъ, что соціалдемократія *руководитъ* (курс. г. Прокоповича) пролетаріатомъ. *Между генераломъ и трубачомъ—дистанція огромнаго размѣра.* Такъ что же представляетъ собою соціалдемократія—генераловъ или барабанщиковъ пролетаріата?» (курс. мой) съ демоническимъ сарказмомъ спрашиваетъ г. Прокоповичъ, а затѣмъ со свойственной ему—не партійной, а совершенно индивидуальной—безцеремонностью называетъ уже меня лично «совершившимъ такъ много великихъ дѣлъ, высокочтимымъ барабанщикомъ». Вы понимаете, что все это почти убійственно. Мои самопротиворѣчія очевидны: соціалдемократія выступаетъ у меня то руководительницей пролетаріата, то барабанщикомъ и трубачомъ. А «между генераломъ и трубачомъ—какъ еще выяснилъ Скалозубъ—дистанція огромнаго размѣра». Мое дѣло плохо. Нельзя ли, однако, извернуться?

---

*) «Наша революція», стр. XIX.

Можетъ быть, отвѣтить въ простотѣ полковнику, что я не мастеръ петлички отличать,—не послужитъ ли это смягчающимъ противорѣчія обстоятельствомъ?

Или не сказать ли, что соціалдемократическая армія организована демократически, такъ что между генераломъ и барабанщикомъ не соблюдается никакой «дистанціи»? Или, можетъ быть, попытаться возразить, что о барабанщикахъ я сказалъ не въ прямомъ смыслѣ, что въ нашемъ партійномъ имуществѣ даже нѣтъ барабановъ, что «въ данномъ пунктѣ» я употребилъ метафору?

Метафора! Можетъ быть, мнѣ призвать на помощь Генриха Гейне, который былъ генераломъ поэзіи, а называлъ себя барабанщикомъ?

Или рискнуть на дерзость и сказать, что лучше быть «только» барабанщикомъ пролетаріата, чѣмъ... отставной козы барабанщикомъ?

Или, можетъ быть, просто покачать головой и сказать: «Иди и больше не грѣши!» Идите, г. Прокоповичъ, и больше не грѣшите... остроуміемъ! Эта не ваша «часть». Ваше дѣло—глубокій анализъ и политическія предсказанія на 8 лѣтъ впередъ.

Но прежде, чѣмъ окончательно отпустить г. Прокоповича, я долженъ со всей серьезностью сказать ему слѣдующее:

—Несмотря на то, что я въ своей книгѣ о себѣ лично и о своей политической дѣятельности не говорю ни слова по причинамъ, которыя не трудно понять, Вы на всемъ протяженіи вашей статейки назойливо теребите меня за полы, вопрошая: входилъ ли я въ желѣзнодорожный союзъ?.. сдѣлалъ ли я что-нибудь въ Совѣтѣ Депутатовъ?..—и подъ конецъ называете меня «барабанщикомъ, совершившимъ великія дѣла». Знаете что, почтеннѣйшій? Какъ бы ни была незначительна моя роль въ Совѣтѣ Депутатовъ, какъ бы ни было мало мое участіе въ рабочемъ движеніи,—*передъ Вами и вамъ подобными у меня нѣтъ основанія опускать голову.* Изъ насъ двоихъ не я бѣжалъ изъ соціалдемократіи, принявъ свой интеллигентскій скептицизмъ за объективное свидѣтельство невозможности работать надъ созданіемъ пролетарской партіи. Не я укрывался отъ трудностей дѣйствительной работы подъ сѣнь

«Союза Освобожденія»; и не мнѣ поэтому приходилось удирать изъ «Союза», когда маленькій буржуазный поросенокъ превратился въ то, во что онъ долженъ былъ превратиться по законамъ естества: въ «конституціонно-демократическую партію». Этого-то Вамъ во всякомъ случаѣ не нужно забывать.

Г. Петръ Струве или какой-нибудь Изгоевъ могутъ, конечно, высоко держать голову, ибо физіономія ихъ давно превратилась въ самовлюбленный пятакъ либерализма. Почтенный авторъ «Credo» также кажется мнѣ совершенно безнадежнымъ, ибо мышленіе его, повидимому, окончательно изъѣдено молью комнатной политики. Но объ Васъ я этого не смѣю сказать съ такой категоричностью. Возможно, что Ваша злополучная судьба снова приведетъ Васъ въ ряды соціалдемократіи, изъ которыхъ Вы совершили столь продолжительную и столь безрезультатную экскурсію. И если Вы придете къ намъ, Вы найдете ряды наши стократно умноженными и пріобщитесь къ плодамъ долгаго и упорнаго труда. Я надѣюсь, что у моихъ товарищей хватитъ такта не ставить Вамъ въ упоръ вопроса: по какимъ мѣстамъ Вы путались въ самые страдные годы нашей работы? Но не забывайте же и Вы о вашемъ вѣроятномъ завтрашнемъ днѣ и въ своихъ нападкахъ на соціалдемократію Вы,—пока еще кадетскій волонтеръ,—держитесь такихъ предѣловъ правды и приличія, чтобъ Вамъ не стыдно было впослѣдствіи встрѣчаться съ нами на рабочихъ собраніяхъ.

1 декабря 1906 г.

Каутскій о русской революціи.

Въ двухъ тетрадяхъ теоретическаго органа германской соціалдемократіи, «Neue Zeit», Каутскій напечаталъ статью о *«Движущихъ силахъ и перспективахъ русской революціи»*. Къ тому времени, когда эти строки дойдутъ до читателя, работа самаго выдающагося изъ современныхъ марксистовъ, вѣроятно, уже успѣетъ появиться на русскомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ умѣстнымъ дать здѣсь переводъ этой статьи, съ самыми незначительными сокращеніями эпизодическихъ мѣстъ. Это позволитъ намъ обратить вниманіе читателя—хотя бы только посредствомъ курсива—на тѣ мысли Каутскаго, которыя мы считаемъ наиболѣе поучительными.

«Русскую революцію,—такъ начинается первая глава: «Аграрный вопросъ и либералы»,—можно разсматривать подъ двойнымъ угломъ зрѣнія: какъ движеніе, направленное къ ниспроверженію абсолютизма, и какъ пробужденіе огромной массы русскаго народа къ самостоятельной политической дѣятельности». Побѣдить революцію абсолютизмъ могъ бы, только успокоивъ соціальные запросы массъ. Способенъ ли онъ это сдѣлать?

«Масса русскаго народа состоитъ изъ крестьянъ. То, что приводитъ въ движеніе послѣднихъ, это—аграрный вопросъ. И вотъ все болѣе и болѣе онъ выступаетъ въ Россіи на передній планъ, какъ тотъ вопросъ, *отъ рѣшенія котораго зависитъ судьба революціи.*

«Крестьяне образуютъ въ Россіи не только безчисленную массу населенія, на которой покоится сельское хозяйство, но и все зданіе народнаго и государственнаго хозяйства. Вмѣстѣ съ сельскимъ хозяйствомъ рушится и это послѣднее.

«Удовлетворить крестьянъ, поставить сельское хозяйство на здоровый экономическій базисъ, вотъ предварительное условіе, которое должно быть выполнено, прежде чѣмъ населеніе Россіи снова успокоится и оставитъ революціонные пути.

«Это теперь признаютъ почти всѣ русскія партіи. Но, конечно, онѣ весьма отличаются другъ отъ друга въ тѣхъ средствахъ, какими они хотятъ помочь крестьянамъ.

«Либералы, подобно всѣмъ другимъ, также признаютъ отсталость и паденіе русскаго сельскаго хозяйства». Каутскій приводитъ соотвѣтственныя свидѣтельства пр. Мануилова, и продолжаетъ: «Въ признаніи значенія этихъ фактовъ либералы и соціалисты совершенно единодушны. Но либеральная половинчатость обнаруживается немедленно, какъ только рѣчь заходитъ о томъ, чтобъ вскрыть *причины* явленія и предложить средства для ихъ устраненія. Половинчатость въ этой послѣдней области вызывается ихъ классовымъ положеніемъ; но она вызываетъ по необходимости половинчатость и въ сферѣ установленія причинъ. Въ комъ нѣтъ рѣшимости радикально искоренить зло, тотъ долженъ страшиться также и обнаружить его послѣдніе корни».

Либералы видятъ главную причину сельскохозяйственнаго упадка въ обдѣленіи крестьянъ въ 1861 г. и въ дальнѣйшемъ ростѣ земельнаго утѣсненія. Это вѣрно, но только на половину. И въ другихъ странахъ крестьянъ грабили при уничтоженіи крѣпостного права. Это вело нерѣдко въ уничтоженію хозяйственной самостоятельности крестьянскихъ массъ, но не къ паденію сельскаго хозяйства вообще. Наоборотъ. На развалинахъ крестьянскаго хозяйства развивалось болѣе интенсивное капиталистическое земледѣліе. Почему же въ Россіи этотъ процессъ наблюдается въ столь незначительной мѣрѣ?

Развитіе высшихъ сельскохозяйственныхъ формъ въ Россіи всегда упиралось въ недостатокъ знаній или, вѣрнѣе, общей интеллигентности населенія и въ недостатокъ капитала. Но чѣмъ вызывался этотъ недостатокъ? Почему накопленіе капитала и развитіе иниціативы подвигались съ такой медленностью? Отвѣтъ даетъ развитіе русскаго государства въ его взаимоотношеніи со странами Запада. Объ этомъ говоритъ вторая глава: «Русскій капитализмъ».

Съ тѣхъ поръ, какъ было открыто «окно въ Европу», Россія, какъ держава, вступила въ среду военно-политической конкуренціи европейскихъ государствъ. Но въ то время, какъ послѣднія опирались на значительно развившіяся уже производительныя силы, Россія стояла еще на крайне первобытномъ хозяйственномъ базисѣ.

«Экономически слабѣйшая и наиболѣе отсталая изъ европейскихъ государственныхъ организацій, царизмъ долженъ былъ, начиная съ восемнадцатаго столѣтія, все болѣе грабить свой народъ и тѣмъ преграждать ему путь къ какому-бы то ни было накопленію богатства. Къ милитаризму скоро присоединились государственные долги, чтобы еще увеличить этотъ грабежъ».

«Уплата процентовъ по государственнымъ долгамъ всегда является тяжелымъ бременемъ для населенія, платящаго налоги, но она можетъ стать средствомъ обогащенія класса капиталистовъ своей страны, если эти послѣдніе являются кредиторами государства. Государство экспропріируетъ тогда трудящіеся классы, чтобы обогатить классъ капиталистовъ, увеличиваетъ ихъ богатство и въ то же время ставитъ къ ихъ услугамъ все возрастающее число пролетаріевъ».

«Но въ Россіи не существовало класса капиталистовъ, который былъ бы въ силахъ покрыть государственныя потребности въ капиталѣ, а неизмѣнный податной гнетъ крайне препятствовалъ самому возникновенію такого класса въ сколько-нибудь достаточныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, приходилось заимствоваться деньгами преимущественно у *иноземныхъ* капиталистовъ для наполненія государственныхъ кассъ, которыя опустошалъ ненасытный милитаризмъ. Эти капиталы получали не производительное употребленіе, а служили просто для игры въ солдаты и, рядомъ съ этимъ, для придворнаго великолѣпія. Проценты на нихъ утекали за-границу, и наряду съ милитаризмомъ они скоро образовали все расширяющуюся открытую рану, изъ которой истекали жизненные соки Россіи».

Крымская война показала, что военное могущество требуетъ техническаго и экономическаго базиса, прежде всего въ формѣ капиталистической индустріи. Чтобы нагнать упущенное, абсолютизмъ старался создать крупную капиталистическую инду-

стрію посредствомъ энергичной государственной поддержки. Но такъ какъ государство жило на счетъ сельскаго хозяйства, то это означало не что иное, какъ поддержку индустріи посредствомъ сильнѣйшаго обремененія сельскохозяйственнаго населенія. Такимъ образомъ, и мирная индустріальная политика стала средствомъ грабежа и угнетенія сельскихъ хозяевъ и особенно крестьянъ.

«И эта мирная политика, какъ и завоевательная, вела къ возрастающей задолженности по отношенію къ загранице. Ибо ростъ внутренняго капитала совершался слишкомъ медленно для русскаго правительства; оно особенно стремилось къ тому, чтобы сдѣлать независимымъ отъ заграницы тѣ отрасли индустріи, которыя важнѣе всего для военнаго дѣла, какъ предпріятія, изготовляющія пушки, ружья, суда, желѣзныя дороги и снабжающія ихъ матеріалами. Но такъ какъ туземный капиталъ для учрежденія необходимыхъ для этого колоссальныхъ предпріятій росъ слишкомъ медленно, то русское правительство въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій стремилось привлекать въ Россію во все возрастающемъ размѣрѣ иностранный капиталъ, особенно сильно представленный въ угольной, желѣзной и нефтяной промышленности юга. Но слѣдствіемъ такого тепличнаго воспитанія современной крупной индустріи была не увеличившаяся независимость, а, наоборотъ, возросшая зависимость отъ заграницы.

«Конечно, иностранный капиталъ милліардами перетекалъ въ Россію для споспѣшествованія ея промышленности, но лишь въ незначительной части, какъ капиталъ, который былъ ссужаемъ *русскимъ* предпринимателямъ для устройства и расширенія крупнопромышленныхъ заведеній. Эти заведенія въ гораздо большемъ числѣ случаевъ учреждались непосредственно иностранными капиталистами и оставались въ ихъ владѣніи, такъ что къ нимъ притекала вся прибыль, а не только процентъ на капиталъ, въ Россіи же оставалась одна заработная плата. Этотъ методъ привлеченія иностраннаго капитала былъ средствомъ, споспѣшествовавшимъ росту въ Россіи сильнаго пролетаріата, но отнюдь не сильнаго класса капиталистовъ. Обѣднѣніе Россіи такимъ путемъ не только не было задержано, но, наоборотъ, подвинуто впередъ.

«Эта тенденція, однако, отчетливѣе и рѣшительнѣе всего выступила въ сельскомъ хозяйствѣ, въ той изъ большихъ областей производства, которая вообще позже и слабѣе всѣхъ другихъ подчиняется воздѣйствію капиталистическаго способа производства, повышающаго производительность труда, и которая въ то же время больше, чѣмъ всякая другая, требуетъ интеллигентнаго населенія, чтобы имѣть возможность овладѣть современными пріемами и методами производства. Не улучшенныя школы и не деньги для пріобрѣтенія искусственнаго удобренія, усовершенствованныхъ орудій и машинъ принесъ капитализмъ въ Россіи крестьянамъ, а только увеличенную эксплуатацію. Если въ Западной Европѣ ростъ эксплуатаціи крестьянъ государствомъ и капиталомъ шелъ рука объ руку съ увеличеніемъ производительности сельскохозяйственнаго труда, то въ Россіи, наоборотъ, ростъ эксплуатаціи крестьянъ, вытекающій изъ возростающей конкуренціи Россіи съ капиталистически развитыми націями, вызываетъ постоянное пониженіе производительности сельскаго хозяйства.

«Паденіе сельскаго хозяйства, это—рядомъ съ подъемомъ промышленнаго пролетаріата—главная причина нынѣшней русской революціи. Оно, это паденіе, привело государство на край финансоваго банкротства и создало для всѣхъ классовъ неудовлетворительныя, прямо мучительныя отношенія, въ которыхъ они не могутъ долѣе оставаться, изъ которыхъ они должны выбраться, послѣ того какъ они пришли въ движеніе».

«Ближайшее средство помочь крестьянину,—такъ начинается третья глава: «Рѣшеніе аграрнаго вопроса,» — состоитъ въ увеличеніи его земельнаго надѣла. На этотъ счетъ почти всѣ партіи единодушны. Но достаточно ли этого? Чѣмъ поможетъ крестьянину прирѣзка, если у него не хватаетъ скота и орудій для обработки его теперешняго надѣла? На короткое время она можетъ создать для него облегченіе, но скоро снова воцарится прежняя нужда. Если хотятъ крестьянину оказать длительную поддержку, тогда нужно создать учрежденія, которыя дали бы ему возможность перейти къ болѣе интенсивной и раціональной культурѣ. Ему нужно доставить скотъ, орудія, удобреніе, нужно дать соотвѣтственную постановку народному образованію, короче, крестьянину нужно, какъ можно скорѣе и полнѣе, дать

то, въ чемъ ему отказывали или что у него отнимали въ теченіе десятилѣтій...

«*Только такой режимъ, который будетъ въ состояніи совершить это, сможетъ снова поставить на здоровый экономическій базисъ крестьянское хозяйство Россіи, а вмѣстѣ съ нимъ и все государство,—и этимъ закончить революцію*».

Въ состояніи ли это сдѣлать абсолютизмъ? спрашиваетъ Каутскій и отвѣчаетъ, конечно, отрицательно. Легенда о крестьянскомъ царѣ никогда не станетъ реальностью. Условія существованія дворянско-бюрократическаго абсолютизма сильнѣе индивидуальной воли, даже еслибъ она была направлена на осуществленіе старой легенды. Первая дѣйствительно сердечная попытка на этомъ пути внесла бы полное разложеніе въ правящій аппаратъ. А фальшивыя заигрыванія съ мужикомъ ни къ чему не приведутъ. Прошли времена, когда крестьянина можно было этимъ завлечь. Революція ужъ во всякомъ случаѣ достигла того, что крестьянинъ хочетъ видѣть *дѣла* и судитъ отдѣльныя партіи по дѣламъ ихъ. Дума, которую ему дали въ спасительницы, была распущена, а его избирательныя права во вторую Думу ограблены. Въ виду всего этого немудрено, говоритъ Каутскій, если нѣкоторые политическіе предразсудки (за которые, прибавимъ мы, такъ любятъ укрываться иные «демократы») безслѣдно вывѣтриваются, очищая мѣсто для настроеній, прямо противоположныхъ.

«Есть ли у либераловъ надежда овладѣть надолго крестьянствомъ?

«Они предлагаютъ ему, правда, то, чего онъ прежде всего требуетъ: увеличеніе земельной площади. По крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ требуютъ экспропріаціи крупнаго землевладѣнія и распредѣленія земли между крестьянами. Но какой цѣною? Собственность должна быть пощажена, насколько возможно, это значитъ, что землевладѣльцы должны быть полностью вознаграждены. Но кто долженъ ихъ вознаградить? Кто же другой, если не крестьянинъ—либо прямо, въ формѣ погашенія продажной суммы съ уступленной ему земли, либо косвенно, путемъ вознагражденія землевладѣльцевъ *государствомъ*. Но въ такомъ случаѣ погашеніе продажной суммы падаетъ

косвенно, въ формѣ новыхъ налоговъ, опять-таки на крестьянъ рядомъ съ пролетаріатомъ. Что бы выиграли крестьяне при этомъ отъ увеличенія земельнаго надѣла? Ровно ничего, ибо увеличившійся чистый доходъ снова переходилъ бы, въ формѣ процентовъ или налоговъ, нынѣшнимъ владѣльцамъ большихъ имѣній. Во многихъ случаяхъ ничто не измѣнится даже и съ внѣшней стороны, ибо многіе крестьяне и теперь обрабатываютъ на началахъ аренды куски крупныхъ владѣній въ дополненіе къ своимъ собственнымъ надѣламъ. Если они и станутъ собственниками арендуемой земли и, вмѣсто арендной платы, должны будутъ платить новые налоги, будетъ ли имъ отъ этого лучше? Лишь при *конфискаціи* крупнаго землевладѣнія возможно значительно увеличить земельный надѣлъ крестьянина, не налагая на него новыхъ повинностей. Безспорно, безвозмездная экспропріація одного слоя имущихъ классовъ—суровая мѣра. Но выбора нѣтъ. Обнищаніе крестьянъ зашло слишкомъ далеко, чтобы было еще возможно возложить на нихъ «выкупную сумму».

«Конфискація крупнаго землевладѣнія необходима, если хотятъ помочь крестьянамъ. Противъ этого, однако, рѣшительно возстаютъ либералы. Только соціалистическія партіи не пугаются такой мѣры.

«Однако, увеличеніемъ земельнаго надѣла крестьянъ русскій аграрный вопросъ еще далеко не разрѣшенъ. Мы ужъ видѣли, что крестьянинъ нуждается не только въ землѣ, но также въ знаніяхъ и въ деньгахъ. Паденіе русскаго сельскаго хозяйства ни малѣйшимъ образомъ не пріостановится отъ того только, что земля будетъ нѣсколько иначе распредѣлена. Напротивъ. Если разбить крупныя имѣнія, въ которыхъ нерѣдко ведется все-же болѣе раціональное хозяйство, и на ихъ мѣсто посадить невѣжественныхъ крестьянъ безъ всякихъ средствъ, то паденіе русскаго сельскаго хозяйства должно будетъ лишь ускориться, если только одновременно не будутъ приняты энергичныя мѣры для повышенія крестьянской интеллигентности и крестьянскаго производственнаго капитала.

«Это, однако, невозможно безъ коренного переворота всей прежней политической системы, которая въ теченіе двухъ столѣтій создавала во все возрастающемъ объемѣ нынѣшнюю ни-

щету; и чѣмъ глубже коренится эта нищета, которую абсолютизмъ нынѣ еще явно увеличиваетъ, тѣмъ болѣе необходимы энергичныя вторженія въ существующія учрежденія и отношенія собственности, чтобы въ нѣкоторой мѣрѣ помочь этому бѣдствію.

«Безъ уничтоженія постоянной арміи и военнаго флота, безъ конфискаціи всего достоянія ...... и монастырей, безъ государственнаго банкротства, безъ конфискаціи большихъ монополій, поскольку онѣ еще эксплуатируются частнымъ образомъ—желѣзныя дороги, нефтяные источники, рудники, и т. п.,—не смогутъ быть собраны тѣ колоссальныя суммы, которыя необходимы русскому сельскому хозяйству, если только имѣютъ въ виду вырвать его изъ его ужасающаго паденія.

«Что либералы, однако, отступаютъ въ страхѣ предъ такими исполинскими задачами, предъ такими рѣшительными переворотами въ существующихъ отношеніяхъ собственности, это ясно. Въ сущности, они не хотятъ ничего другого, какъ только вести дальше нынѣшнюю политику, не прикасаясь къ основамъ эксплуатаціи Россіи иноземнымъ капиталомъ. Они твердо держатся за постоянную армію, которая одна только въ ихъ глазахъ можетъ обезпечить порядокъ и охранить ихъ собственность, и хотятъ доставить Россіи новыя средства путемъ новыхъ займовъ, что немыслимо, если не производить аккуратно расплату по старымъ долгамъ.

«Въ *два миллiарда марокъ* обходятся нынѣ уплата долговъ и милитаризмъ Россіи. Эту чудовищную сумму либералы думаютъ и впредь изъ года въ годъ выкачивать изъ русскаго народа, и въ то же время они помышляютъ выполнить всѣ великія культурныя задачи, которыя царизмъ упустилъ и которыхъ *не могъ* не упустить, поскольку онъ долженъ былъ оплачивать милитаризмъ и государственные долги. Они думаютъ, что достаточно учрежденія Думы, чтобы милліарды путемъ волшебства появились изъ-подъ земли».

Изъ сказаннаго Каутскій дѣлаетъ выводъ: русскій либерализмъ такъ же мало, какъ и царизмъ, способенъ оздоровить деревню и тѣмъ разрѣшить колоссальную проблему революціи. «Онъ можетъ еще разъ на время всплыть наверхъ, но онъ не замедлитъ оказаться негоднымъ. Это тѣмъ скорѣе случится,

что ему недостаетъ энергичныхъ демократическихъ элементовъ, такъ какъ единственный значительный классъ, на который онъ могъ бы опереться—это крупные землевладѣльцы, либерализмъ которыхъ естественно тѣмъ болѣе блекнетъ, чѣмъ болѣе аграрный вопросъ выступаетъ на передній планъ».

«Либерализмъ Россіи,—пишетъ Каутскій въ главѣ: «Либерализмъ и соціалдемократія»,—совсѣмъ другого рода, чѣмъ либерализмъ Западной Европы, и ужъ по этому одному совершенно ошибочно выставлять великую французскую революцію въ качествѣ прямого образца нынѣшней русской революціи».

«*Руководящимъ классомъ въ революціонномъ движеніи Западной Европы была мелкая буржуазія, главнымъ образомъ—большихъ городовъ.* Благодаря своему столь часто указывавшемуся двойственному положенію, представительницы какъ собственности, такъ и труда, она сдѣлалась связующимъ звеномъ между пролетаріатомъ и классомъ капиталистовъ, объединяла ихъ обоихъ для общей борьбы въ буржуазной демократіи, которая изъ этого объединенія почерпала свою побѣдоносную силу...

«При этомъ *мелкая буржуазія была въ городахъ самымъ численнымъ, интеллигентнымъ и экономически важнѣйшимъ изъ всѣхъ классовъ, составлявшихъ народную массу.* Сами же города были со времени среднихъ вѣковъ мѣстомъ пребыванія господствующихъ силъ. Городъ властвовалъ надъ деревней и эксплоатировалъ ее, причемъ въ этомъ властвованіи и въ эксплоатаціи мелкая буржуазія имѣла свою богатую долю, ибо ей удалось подавить сельское ремесло и въ то же время упрочиться, въ качествѣ вооруженной силы, по отношенію къ городской знати и князьямъ.

«Обо всемъ этомъ въ Россіи не было и рѣчи. Города, слабые и немногочисленные, въ большинствѣ поздно возникшіе, никогда не достигали тамъ того могущественнаго положенія, какъ въ Западной Европѣ, ихъ населеніе не способно было, какъ тамъ, отмежеваться отъ сельскаго и подняться надъ нимъ.

«Масса городскихъ ремесленниковъ состояла изъ крестьянъ, и многочисленныя ремесла существовали больше въ деревняхъ, чѣмъ въ городахъ. Крѣпостное право и порабощеніе, какъ и

политическая безпомощность и безучастность, были одинаковы въ послѣднихъ, какъ и въ первыхъ.

«Только послѣ уничтоженія крѣпостного права начали въ городскихъ народныхъ массахъ развиваться зародыши политическихъ интересовъ, но это происходило въ послѣднія десятилѣтія девятнадцатаго вѣка, въ то время, когда въ самой Западной Европѣ руководящая революціонная роль мелкой буржуазіи была окончательно сыграна. Съ одной стороны, пролетаріатъ сталъ самостоятельнымъ и могущественно окрѣпъ, съ другой стороны, образовалась огромная пропасть между мелкой буржуазіей и капиталомъ. Мелкій буржуа видитъ въ капиталистахъ уже не классъ, въ ряды котораго онъ самъ надѣется подняться, но классъ, который его притѣсняетъ и разоряетъ; что-же касается наемныхъ рабочихъ, то въ нихъ онъ видитъ тѣ элементы, которые своими требованіями ускоряютъ этотъ процессъ. Онъ является уже не вождемъ демократіи, который направляетъ капиталистовъ и рабочихъ въ общую политическую борьбу, но разочаровавшимся въ демократіи неустойчивымъ неудачникомъ, который ропщетъ въ равной мѣрѣ противъ пролетаріевъ, какъ и противъ капиталистовъ, и потому тянется за каждымъ реакціоннымъ шарлатаномъ, который даетъ ему прекрасныя обѣщанія.

«Такимъ образомъ, мелкая буржуазія Западной Европы становится все реакціоннѣе и ненадежнѣе, несмотря на свои революціонныя традиціи. *Мелкая буржуазія Россіи вступаетъ безъ всякой подобнаго рода традиціи въ политическое движеніе, подъ полнымъ вліяніемъ этой экономической ситуаціи, дающей себя чувствовать и Восточной Европѣ.* Она склоняется поэтому еще сильнѣе, чѣмъ ея западно-европейскіе собратья по классу, къ антисемитизму и реакціи, къ безхарактерной неустойчивости, которую можно за мелкую подачку склонить къ чему угодно, словомъ, къ той роли, которую въ западноевропейской революціи игралъ лумпенпролетаріатъ, съ коимъ она теперь духовно все болѣе сродняется, при чемъ она и въ Россіи охотно выступаетъ съ нимъ рука объ руку. И мелкая буржуазія можетъ съ дальнѣйшимъ теченіемъ революціи втягиваться — чѣмъ дальше, тѣмъ больше — въ оппозиціонное движеніе, но надежной опоры для революціонныхъ партій она не представитъ.

«Такимъ образомъ, *въ Россіи нѣтъ прочнаго остова буржуазной демократіи, въ ней отсутствуетъ самый классъ, который, благодаря общности своихъ экономическихъ интересовъ, могъ побуждать какъ буржуазію, такъ и пролетаріатъ къ общей борьбѣ за политическую свободу въ рядахъ демократической партіи.*

«Капиталистическій классъ и пролетаріатъ рѣзко противостояли другъ другу уже до начала революціонной борьбы. Оба учились у Запада. Пролетаріатъ сразу вступилъ на политическую арену не какъ часть одной просто-демократической партіи, но какъ соціалдемократія, а классъ капиталистовъ при малѣйшемъ самостоятельномъ движеніи пролетаріата готовъ позволить скрутить себя въ бараній рогъ; его главная забота—сильная власть.

«Ядро либеральной партіи составляли въ Россіи крупные землевладѣльцы — исключая владѣльцевъ латифундій,—то-есть тотъ именно классъ, противъ котораго на Западѣ либерализмъ въ первую голову направлялся. Но въ Россіи новѣйшій абсолютизмъ—въ противоположность Западной Европѣ — принесъ сельское хозяйство въ жертву капиталу. Тотъ самый процессъ, который въ Западной Европѣ совершался на исходѣ средневѣковья и при начаткахъ абсолютизма, эксплоатація деревни городомъ, въ девятнадцатомъ столѣтіи все больше практиковался абсолютистскимъ режимомъ Россіи, и онъ явно гналъ сельское дворянство въ оппозицію. Это оппозиціонное положеніе облегчалось послѣднему тѣмъ, что оно менѣе, чѣмъ промышленный капиталъ городовъ, вступаетъ въ прямые конфликты съ пролетаріатомъ, т. е. съ другимъ оппозиціоннымъ классомъ. Доколѣ крестьянство оставалось спокойнымъ, русскій землевладѣлецъ могъ себѣ также доставлять роскошь либерализма, какъ тори Англіи и нѣкоторые прусскіе юнкеры при началѣ индустріализма могли проявлять склонность къ нимбу рабочелюбія.

«А крестьянство долго оставалось спокойнымъ. Сельское хозяйство могло явно гибнуть, крестьянинъ могъ погружаться въ нищету, одинъ голодный годъ за другимъ могъ разрѣжать его ряды и разрушать его хозяйство,— онъ оставался преданнымъ Богу и царю. Онъ могъ, правда, время отъ время подниматься въ возмущеніи, но въ такихъ случаяхъ дѣло всегда шло объ отдѣльныхъ бѣдствіяхъ, а не обо всей господствующей

системѣ, которая и не признавалась источникомъ этихъ бѣдствій.

«Постепенно подготовлялось во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія измѣненіе крестьянскаго мышленія и чувствованія, благодаря преобразованіямъ экономическихъ отношеній. Село вступило въ общеніе съ міровымъ оборотомъ, который привелъ его продукты на міровой рынокъ. Изолированное положеніе села все болѣе уничтожалось. Всеобщая воинская повинность ввела его сыновей въ большой городъ, гдѣ они получили новыя впечатлѣнія и научились новымъ потребностямъ. Наконецъ, многіе обезземелившіеся крестьяне или дѣти крестьянскія направились на фабрики или въ горный промыселъ и вступили такимъ образомъ въ пролетарскую классовую борьбу, впечатлѣніями которой они дѣлились съ оставшимися дома односельчанами.

«Такъ постепенно подкапывалась основа, на которой покоился русскій абсолютизмъ, но нуженъ былъ еще могучій ударъ, чтобъ эта основа обрушилась. Это произошло благодаря войнѣ въ Манчжуріи и связанному съ ней возмущенію городского пролетаріата. Эти событія, которыя лѣтъ тридцать тому назадъ прошли бы для русскаго крестьянина совершенно безслѣдно, пробудили теперь въ немъ живой откликъ. Онъ просыпается и видитъ, что пришелъ наконецъ, часъ положить конецъ своимъ бѣдствіямъ. Они уже не придавливаютъ его внизъ, наоборотъ, они выпрямляютъ его. И вдругъ онъ видитъ себя лицомъ къ лицу съ совершенно новыми отношеніями, и въ правительствѣ, руководству котораго онъ до сихъ поръ довѣрчиво отдавался, онъ видитъ врага, котораго необходимо низвергнуть. Онъ уже не можетъ позволить другимъ думать за себя, онъ самъ вынужденъ думать, вынужденъ напрягать всю свою сметку, всю свою энергію, все свое безстрашіе и отбрасывать всѣ свои предразсудки, дабы чувствовать себя твердо въ томъ чудовищномъ водоворотѣ, въ который онъ вовлеченъ. Что по отношенію къ англосаксонскому крестьянину и мѣщанину отъ семнадцатаго и до девятнадцатаго столѣтія дѣлали переселенія, то самое производитъ по отношенію къ русскому крестьянину начала двадцатаго столѣтія—притомъ съ большей быстротой и силой—*революція*, именно превращеніе добродушнаго, соннаго, не раз-

мыслящаго человѣка привычки въ энергичнаго, неустаннаго, неутомимаго борца, стремящагося къ новому и лучшему.

«Это поразительное превращеніе создаетъ прочную основу для новаго русскаго сельскаго хозяйства, которое поднимется изъ развалинъ стараго, но оно, это превращеніе, даетъ также наиболѣе надежное ручательство за конечный тріумфъ революціи.

«Между тѣмъ, чѣмъ революціоннѣе становится крестьянинъ, тѣмъ реакціоннѣе — крупный землевладѣлецъ; тѣмъ болѣе теряетъ въ немъ либерализмъ опору, которой онъ владѣлъ доселѣ, тѣмъ неустойчивѣе дѣлаются либеральныя партіи, тѣмъ болѣе отклоняются вправо также и либеральные профессора и адвокаты въ городахъ, чтобы не потерять окончательно связь со своей прежней опорой.

«Этотъ процессъ можетъ временно повести къ усиленію реакціи, но онъ не можетъ надолго подавить революцію. Онъ только ускоряетъ банкротство либерализма. Онъ все болѣе долженъ гнать крестьянъ въ руки тѣхъ партій, которыя энергично и безстрашно оберегаютъ его интересы и не даютъ либеральнымъ сомнѣніямъ поколебать себя, т. е. соціалистическихъ партій. Онъ долженъ, чѣмъ дольше тянется революція, все болѣе усиливать вліяніе соціалистическихъ партій также и въ деревнѣ. Оно можетъ, въ концѣ концовъ, привести къ тому, что *соціал-демократія станетъ представительницей массъ народонаселенія и такимъ образомъ сдѣлается партіей—побѣдительницей*».

Наибольшій интересъ для насъ представляетъ послѣдняя глава статьи «Пролетаріатъ и его союзники въ революціи», гдѣ Каутскій дѣлаетъ изъ своего анализа основные тактическіе выводы.

«Можетъ быть, здѣсь будетъ умѣстно,—говоритъ онъ,—для заключенія этого этюда, высказаться по поводу запроса, сдѣланнаго моимъ другомъ Плехановымъ ряду не-русскихъ товарищей относительно характера русской революціи и тактики, которой должны бы придерживаться русскіе соціалисты. Собственно говоря, я могъ бы только сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія въ связи съ этими вопросами, но не отвѣтить на нихъ со всей точностью. Если я полагаю, что моя почти тридцатилѣтняя тѣсная связь съ выдающимися представителями рево-

люціоннаго движенія Россіи даетъ мнѣ возможность сообщить *нѣмецкимъ* товарищамъ нѣкоторые выводы относительно этого движенія, то предъ *русскими* товарищами я чувствую себя въ положеніи *учащагося* (кур. Каутскаго), когда рѣчь идетъ о русскихъ дѣлахъ. Но, естественно, и намъ, западноевропейскимъ соціалистамъ, настоятельно необходимо прійти къ опредѣленному воззрѣнію на русскую революцію, ибо *она представляетъ не мѣстное, а интернаціональное событіе, и отъ того, какъ мы на нее смотримъ, въ глубокой мѣрѣ зависитъ* (wird auf tiefste beeinflusst) *нашъ взглядъ на ближайшія тактическія задачи нашей собственной партіи.* Кромѣ того, у меня нѣтъ никакого основанія прятаться съ моимъ мнѣніемъ, разъ русскіе товарищи меня объ немъ спрашиваютъ.

«Вопросный листъ заключаетъ слѣдующіе три вопроса:

«1. Какимъ представляется общій характеръ русской революціи? Стоимъ ли мы здѣсь передъ буржуазной или передъ соціалистической революціей?

«2. Какое положеніе должна занять—въ виду отчаянныхъ попытокъ русскаго правительства подавить революціонное движеніе—соціалдемократическая партія по отношенію къ буржуазной демократіи, которая по-своему борется за политическую свободу?

«3. Какой тактики должна придерживаться соціалдемократическая партія при выборахъ въ Думу, чтобы, не нарушая амстердамской резолюціи, использовать силы буржуазныхъ оппозиціонныхъ партій для борьбы противъ нашего «ancien régime» (стараго порядка)?

«Первый вопросъ не кажется мнѣ такимъ, чтобы на него можно было просто отвѣтить въ томъ или другомъ смыслѣ. Эпоха *буржуазныхъ* революцій, т. е. революцій, двигательную силу которыхъ составляла буржуазія, закончилась—также и для Россіи. И въ ней также пролетаріатъ образуетъ уже не привѣсокъ и орудіе буржуазіи, какъ это имѣло мѣсто въ буржуазныхъ революціяхъ, но самостоятельный классъ съ самостоятельными революціонными цѣлями. Но гдѣ пролетаріатъ выступаетъ такимъ образомъ, тамъ буржуазія перестаетъ быть революціоннымъ классомъ. Русская буржуазія, поскольку она

вообще преслѣдуетъ самостоятельную классовую политику и является либеральной, ненавидитъ, конечно, абсолютизмъ, но еще болѣе ненавидитъ революцію, и она ненавидитъ абсолютизмъ прежде всего потому, что она видитъ въ немъ основную причину революціи; и поскольку она добивается политической свободы, это происходитъ прежде всего потому, что она видитъ въ этомъ единственное средство положить конецъ революціи.

«Буржуазія, слѣдовательно, не принадлежитъ къ движущимъ силамъ современнаго русскаго революціоннаго движенія, и постольку это послѣднее нельзя назвать буржуазнымъ.

«Тѣмъ не менѣе, нельзя безъ дальнѣйшаго сказать, что оно является соціалистическимъ. Оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ привести пролетаріатъ къ самостоятельному господству (Alleinherrschaft), къ диктатурѣ. Для этого пролетаріатъ Россіи слишкомъ слабъ и слишкомъ мало развитъ. Но во всякомъ случаѣ *весьма возможно* (sehr wohl möglich), *что въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи побѣда выпадетъ на долю соціалдемократической партіи, и соціалдемократія очень хорошо сдѣлаетъ, пропитывая своихъ приверженцевъ этой надеждой на побѣду, ибо нельзя плодотворно бороться, если заранѣе отказываешься отъ побѣды.* Но для соціалдемократіи будетъ невозможно достигнуть побѣды единственно черезъ пролетаріатъ безъ помощи другого класса, и поэтому, какъ побѣдоносная партія, она не сможетъ при проведеніи своей программы пойти дальше, чѣмъ ей это позволятъ интересы класса, поддерживающаго пролетаріатъ».

«На какой, однако, классъ можетъ опереться русскій пролетаріатъ въ своей революціонной борьбѣ? *Если принять во вниманіе только политическую поверхность, тогда можно прійти къ воззрѣнію, что всѣ тѣ классы и партіи, которые стремятся къ политической свободѣ, должны были бы просто дѣйствовать совмѣстно, чтобы достигнуть ея, и имѣли бы право вынести на свѣтъ свои разногласія лишь послѣ того, какъ политическая свобода будетъ завоевана.*

«Но каждая политическая борьба въ основѣ своей есть классовая борьба, слѣдовательно, также и экономическая борьба. Политическіе интересы представляютъ собою результатъ

экономическихъ интересовъ; *народныя массы поднимаются, чтобы обезпечить свои экономическіе интересы,* а не для того, чтобы осуществить абстрактныя политическія идеи. *Кто хочетъ воодушевить народныя массы для политической борьбы, долженъ имъ показать, какъ тѣсно она связана съ ихъ экономическими интересами. Эти послѣдніе ни на одинъ моментъ* (für keinen Moment) *не должны отступать на заднiй планъ, если не хотятъ, чтобы пріостановилась борьба за политическую свободу.* Союзъ пролетаріата съ другими классами въ революціонной борьбѣ долженъ прежде всего опираться на *общность экономическихъ интересовъ* (курс. автора), для того, чтобы этотъ союзъ могъ быть длительнымъ и побѣдоносным. На такого рода общности интересовъ должна быть построена и тактика русской соціалдемократіи.

«*Прочная общность интересовъ на все время революціонной борьбы существуетъ только между пролетаріатомъ и крестьянствомъ.* Она и должна образовать основу всей революціонной тактики россійской соціалдемократіи. *Совмѣстная дѣятельность съ либерализмомъ можетъ лишь тамъ и постольку входить въ расчетъ, гдѣ отъ этого не пострадаетъ совмѣстная дѣятельность съ крестьянствомъ*».

«Въ общности интересовъ промышленнаго пролетаріата и крестьянства коренится революціонная сила русской соціалдемократіи и возможность ея побѣды, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и *граница возможнаго использованія этой побѣды*».

«Безъ крестьянъ мы въ Россіи не можемъ такъ скоро побѣдить. Предполагать же, что крестьяне станутъ соціалистами, нельзя. Соціализмъ можетъ быть построенъ только на основѣ крупнаго производства, онъ слишкомъ противорѣчитъ условіямъ мелкаго хозяйства, чтобы онъ могъ возникнуть и упрочиться въ средѣ населенія, подавляющее большинство котораго образуютъ крестьяне. Онъ могъ бы, можетъ быть, послѣ того, какъ онъ достигнетъ господства въ крупной индустріи и въ крупномъ сельскомъ хозяйствѣ, побудить къ подражанію также и мелкихъ крестьянъ, но онъ не можетъ исходить отъ этихъ послѣднихъ. А въ Россіи больше, чѣмъ гдѣ бы то ни

было, отсутствуютъ необходимыя для этого интеллектуальныя и матеріальныя предпосылки. Коммунизмъ русскаго села окончательно палъ, и онъ никоимъ образомъ не означаетъ общинность производства. Невозможно также современное товарное производство преобразовать въ высшую форму производства на основѣ сельской общины. Для этого нужны, по крайней мѣрѣ, рамки государства; для производства же на національной основѣ производители русскаго сельскаго хозяйства никоимъ образомъ не приспособлены».

«Нынѣшняя революція можетъ въ деревнѣ привести лишь къ созданію сильнаго крестьянства на основѣ частной собственности на землю и такимъ образомъ вскрыть пропасть между пролетаріатомъ и имущей частью сельскаго населенія, пропасть, существующую въ Западной Европѣ. Такимъ образомъ, кажется невѣроятнымъ, чтобы нынѣшняя россійская революція привела уже къ созданію соціалистическаго способа производства, также и въ томъ случаѣ, если она временно поставитъ соціалдемократію у власти».

«Но, конечно, мы можемъ пережить многія неожиданности. Мы не знаемъ, сколько времени еще продлится русская революція, а если судить по формамъ, какія она приняла теперь, нужно думать, что она не скоро собирается прійти къ концу. Мы не знаемъ также, какое вліяніе она окажетъ на Западную Европу и какъ она оплодотворитъ тамъ пролетарское движеніе. Наконецъ, мы уже вовсе не знаемъ, какъ вырастающіе отсюда успѣхи европейскаго пролетаріата въ свою очередь будутъ воздѣйствовать на русскій пролетаріатъ. *Мы хорошо сдѣлаемъ, если пріучимъ себя къ мысли, что мы здѣсь идемъ на встрѣчу совершенно новымъ положеніямъ и задачамъ, для которыхъ негоденъ ни одинъ изъ старыхъ шаблоновъ.*

«Мы наиболѣе правильно оцѣнимъ русскую революцію и задачи, которыя она намъ ставитъ въ томъ случаѣ, если будемъ на нее смотрѣть не какъ на буржуазную революцію въ традиціонномъ смыслѣ и не какъ на соціалистическую, а какъ на совершенно своеобразный процессъ, совершающійся на рубежѣ между буржуазнымъ и соціалистическимъ обществомъ, способствуя уничтоженію одного, подготовляя другое и во

всякомъ случаѣ подвигая впередъ развитіе всего человѣчества капиталистической цивилизаціи на огромное разстояніе».

* * *

Мы привели почти всю статью Каутскаго. Боимся, что многимъ товарищамъ она покажется совершенно неожиданной и необъяснимой, можетъ быть, даже чѣмъ-то въ родѣ временнаго навожденія. А, между тѣмъ, Каутскій не впервые высказываетъ эти мысли. Здѣсь онъ только свелъ ихъ во-едино, побужденный къ этому запросомъ Плеханова. Еще въ прошломъ году въ своей работѣ объ американскомъ пролетаріатѣ Каутскій далъ краткій, но содержательный анализъ классовыхъ отношеній русской революціи, положенный имъ теперь въ основу приведеннаго выше этюда.

Выяснивъ въ общихъ чертахъ соціально-историческія условія, предопредѣлившія, съ одной стороны, политическое ничтожество русской буржуазіи и отсутствіе серьезной буржуазной демократіи, съ другой стороны, могущество революціоннаго пролетаріата, Каутскій писалъ: «борьба за интересы цѣлой Россіи выпала на долю *единственнаго имѣющагося въ ней теперь сильнаго класса промышленнаго пролетаріата*. Поэтому послѣдній имѣетъ тамъ громадное политическое значеніе; поэтому же въ Россіи борьба за освобожденіе ея отъ удушающаго ее полипа абсолютизма превратилась въ *единоборство послѣдняго съ промышленнымъ рабочимъ классомъ*, единоборство, въ которомъ крестьянство можетъ оказать значительную поддержку, но не способно играть руководящую роль» *).

Что касается перспективъ міровой революціи въ связи съ переворотомъ въ Россіи, то Каутскій писалъ по этому поводу въ 1904 г.: «Революція въ Россіи (тогда еще только ожидавшаяся) не могла бы немедленно установить соціалистическій режимъ. Для этого экономическія условія страны еще далеко не зрѣлы». Но русская революція должна будетъ дать сильный толчекъ пролетарскому движенію остальной Европы, и въ результатѣ

*) К. Каутскій. «Американскій и рус. (?) рабочій»; рус. пер., Спб., 1906, стр. 4 и 5.

разгорѣвшейся борьбы пролетаріатъ можетъ занять господствующее положеніе въ Германіи. «Такой исходъ,—продолжаетъ Каутскій,— долженъ будетъ оказать вліяніе на всю Европу, долженъ будетъ повлечь за собой политическое господство пролетаріата въ Западной Европѣ и создать восточно-европейскому пролетаріату возможность сократить стадіи своего развитія и, подражая нѣмецкому примѣру, *исскуственно создать соціалистическія учрежденія.* Общество въ цѣломъ не можетъ искусственно перескочить черезъ отдѣльныя стадіи развитія, но это возможно для его отдѣльныхъ составныхъ частей, которыя могутъ ускорить свое отсталое развитіе подражаніемъ передовымъ странамъ и, благодаря этому, даже стать во главѣ развитія, потому что онѣ не обремены балластомъ традицій, который тащатъ съ собой старыя націи... Это *можетъ* случиться,--пишетъ далѣе Каутскій.— Но какъ уже сказано, мы здѣсь уже оставили область поддающейся изученію *необходимости*; здѣсь мы находимся уже въ области *возможнаго.* Поэтому все можетъ произойти и иначе» *).

Это писалось до начала русской революціи. Съ того времени прошло почти три года. И какъ ни осторожно выражается Каутскій въ заключительной части своей послѣдней статьи, но ясно, что и въ отношеніи интернаціональныхъ перспективъ событія за эти годы развивались въ томъ направленіи, которое Каутскій характеризовалъ, какъ историческую «возможность». Но дѣло въ сущности не въ этомъ. Вызоветъ ли русская революція *непосредственно* соціально-политическій переворотъ въ Европѣ, въ какой мѣрѣ этотъ послѣдній отразится на ходѣ и исходѣ русской революціи, эти вопросы—какъ они ни важны— допускаютъ сейчасъ только условное рѣшеніе. Центръ тяжести лежитъ сейчасъ въ вопросѣ о внутреннихъ отношеніяхъ и дальнѣйшемъ ходѣ русской революціи. И поскольку рѣчь идетъ объ этомъ, взгляды Каутскаго не оставляютъ ничего желать со стороны опредѣленности. Мы должны быть крайне благодарны т. Плеханову, который своимъ запросомъ понудилъ такъ категорически высказаться осторожнаго и глубокаго мыслителя-соціалиста; наша благодарность должна быть тѣмъ горячѣе,

*) «Allerhand revolutionäres». Революц. перспективы», рус. пер., Кіевъ, 1906.

что запросъ этотъ въ отношеніи Каутскаго имѣлъ идейно-безкорыстный характеръ, ибо Плехановъ не могъ не знать изъ всего написаннаго Каутскимъ раньше о русской революціи, что отвѣтъ послѣдняго очень мало способенъ будетъ послужить поддержкой нынѣшней позиціи самого Плеханова.

Каутскій, который очень рѣдко говоритъ о діалектическомъ матеріализмѣ, но превосходно примѣняетъ его методъ для анализа соціальныхъ отношеній, въ отвѣтѣ на первый вопросъ т. Плеханова, отказывается назвать русскую революцію буржуазной. Эпоха буржуазной революціи прошла—также и для Россіи. Самостоятельной революціонной буржуазной демократіи у насъ нѣтъ. И ея не будетъ, ибо для этого отсутствуетъ основная соціально-экономическая предпосылка, въ видѣ мощнаго городского средняго сословія, мелкой буржуазіи съ историческимъ прошлымъ и съ историческимъ будущимъ. Крестьянство представляетъ огромный источникъ революціонной энергіи, но оно неспособно сыграть самостоятельную историческую роль. Пролетаріатъ долженъ будетъ вести крестьянство за собой, т. е. стать къ нему въ такія же, до извѣстной степени, отношенія, въ какихъ стояла къ нему въ старыхъ революціяхъ мелкобуржуазная демократія городовъ. «Русская буржуазія сдаетъ пролетаріату всѣ революціонныя позиціи. Ей придется сдать и революціонную гегемонію надъ крестьянствомъ» *). Каутскій доводитъ свой анализъ до того періода, когда между стоящимъ у власти пролетаріатомъ и между вліятельными слоями крестьянской массы, на которую опирается его господство, возникнетъ глубокій соціальный антагонизмъ. Гдѣ-же выходъ изъ этого антагонизма?

Я не совсѣмъ ясно представляю себѣ, что понимаютъ товарищи изъ большинства подъ *демократической* диктатурой пролетаріата и крестьянства? Я не хотѣлъ бы имъ навязать неправильное представленіе о содержаніи этой коалиціонной «диктатуры», но если они рисуютъ себѣ дѣло такъ, что соціалдемократія въ формальномъ союзѣ съ крестьянской партіей, можетъ быть, даже при численномъ перевѣсѣ этой послѣдней, образуетъ правительство, которое учреждаетъ демокра-

*) «Наша революція».—«Итоги и перспективы», стр. 253.

тическій режимъ, послѣ чего одинъ изъ союзниковъ, пролетаріатъ, мирно переходитъ въ оппозицію, то я могу по поводу такого воззрѣнія лишь повторить то, что писалъ въ своихъ «Итогахъ и перспективахъ».

«Политическое господство пролетаріата несовмѣстимо съ его экономическимъ рабствомъ. Подъ какимъ бы политическимъ знаменемъ пролетаріатъ ни оказался у власти, онъ *вынужденъ* будетъ стать на путь соціалистической политики. Величайшей утопіей нужно признать мысль, будто пролетаріатъ, поднятый на высоту государственнаго господства внутренней механикой буржуазной революціи, сможетъ, *если даже захочетъ*, ограничить свою миссію созданіемъ республиканско-демократической обстановки для соціальнаго господства буржуазіи. Политическое господство пролетаріата, хотя-бы и временное, крайне ослабитъ сопротивленіе капитала, всегда нуждающагося въ поддержкѣ государственной власти, и придастъ грандіозные размѣры экономической борьбѣ пролетаріата. Рабочіе не смогутъ не требовать отъ революціонной власти поддержки стачечниковъ, и правительство, опирающееся на пролетаріатъ, не сможетъ въ такой поддержкѣ отказать. Но это значитъ парализовать вліяніе резервной арміи труда, сдѣлать рабочихъ господами не только въ политической, но и въ экономической области, превратить частную собственность на средства производства въ фикцію. Эти неизбѣжныя соціально-экономическія послѣдствія диктатуры пролетаріата *) проявятся немедленно—гораздо раньше, чѣмъ будетъ закончена демократизація политическаго строя»...

«Пролетаріату придется въ ближайшіе же моменты своего господства искать опоры въ противопоставленіи деревенской бѣдноты деревенскимъ богачамъ, сельскохозяйственнаго пролетаріата—земледѣльческой буржуазіи. Но если неоднородность крестьянства представитъ затрудненія, ибо сузитъ базисъ пролетарской политики, то недостаточная классовая дифференціація крестьянства будетъ создавать препятствія внесенію въ крестьянство развитой классовой борьбы, на которую могъ бы

*) Каутскій отказывается назвать это политическое господство пролетаріата *диктатурой*, я обыкновенно также избѣгаю этого слова; во всякомъ случаѣ, соціальное содержаніе пролетарскаго господства у меня совершенно то же, что у Каутскаго.

опереться городской пролетаріатъ. Примитивность крестьянства повернется къ пролетаріату своей враждебной стороной.

«Но охлажденіе крестьянства, его политическая пассивность, а тѣмъ болѣе активное противодѣйствіе его верхнихъ слоевъ не смогутъ остаться безъ вліянія на часть интеллигенціи и на городское мѣщанство.

«Такимъ образомъ, чѣмъ опредѣленнѣе и рѣшительнѣе будетъ становиться политика пролетаріата у власти, тѣмъ уже будетъ подъ нимъ базисъ, тѣмъ зыбче будетъ почва подъ его ногами».

«Но какъ далеко можетъ зайти соціалистическая политика рабочаго класса въ хозяйственныхъ условіяхъ Россіи? Можно одно сказать съ увѣренностью: она натолкнется на политическія препятствія гораздо раньше, чѣмъ упрется въ техническую отсталость страны. *Безъ прямой государственной поддержки европейскаго пролетаріата рабочій классъ Россіи не сможетъ удержаться у власти и превратить свое временное господство въ длительную соціалистическую диктатуру»* *).

Каутскій говоритъ, что границы возможнаго использованія побѣды пролетаріата будутъ лежать въ соціальныхъ интересахъ крестьянства, поддерживающаго революціонный режимъ. Этого не нужно, разумѣется, понимать въ томъ смыслѣ, что пролетаріатъ, въ силу опредѣленнаго договора съ своимъ союзникомъ, не будетъ переступать за извѣстныя границы; дѣло не въ договорѣ: «границы» будутъ стоять передъ пролетаріатомъ, какъ чисто внѣшнія, объективныя препятствія, которыхъ онъ въ извѣстный моментъ своего господства не сможетъ преодолѣть. Разумѣется, пролетаріатъ у власти будетъ дѣлать все отъ него зависящее, чтобъ не вызвать преждевременнаго конфликта съ крестьянствомъ; но такъ какъ обладаніе властью не только не измѣнитъ его классовой природы, но, наоборотъ, заставитъ ее еще рѣшительнѣе проявиться; такъ какъ онъ не сможетъ не поддерживать сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ

*) «Наша революція».—«Итоги и перспективы», стр. 275, 255 и 277. Въ послѣднихъ словахъ очень рѣзко противопоставлено временное господство соціалистической диктатурѣ.

ихъ борьбѣ за человѣческую жизнь,—то конфликтъ пролетаріата и «крѣпкаго» крестьянства, въ концѣ концовъ, неизбѣженъ. Но это будетъ начало конца. Чѣмъ завершится конфликтъ? Разумѣется, не тѣмъ, что представители пролетаріата пересядутъ съ министерскихъ скамей на скамьи оппозиціи. Положеніе будетъ гораздо серьезнѣе. Конфликтъ завершится гражданской войной и пораженіемъ пролетаріата. Другого «выхода» *въ рамкахъ національной революціи* нѣтъ изъ политическаго господства пролетаріата при нашихъ соціальныхъ условіяхъ. Вотъ почему передъ пролетаріатомъ въ первый же періодъ его господства возникнетъ, какъ вопросъ его жизни и смерти,—колоссальная задача: разбить національныя рамки русской революціи, привести въ движеніе всѣ рессурсы временной власти для того, чтобы національный переворотъ сдѣлать эпизодомъ европейской революціи. Это путь, который вытекаетъ изъ всей революціонной ситуаціи, какъ она охарактеризована Каутскимъ. И послѣднія строки его статьи намекаютъ именно на этотъ путь.

* * *

Какъ отвѣчаетъ Каутскій на второй вопросъ Плеханова о правильномъ отношеніи и буржуазной демократіи, «которая посвоему борется за политическую свободу?» Каутскій въ свою очередь спрашиваетъ: что понимать подъ демократіей? Той революціонной демократіи, которая вписала это имя въ исторію, у насъ въ Россіи нѣтъ. Остаются, съ одной стороны, буржуазный либерализмъ, антиреволюціонный до мозга костей, и народныя массы, прежде всего крестьянство. Это двѣ совершенно несоизмѣримыя величины. Т. Плехановъ ограничивается въ своемъ вопросѣ «алгебраической формулой» буржуазной демократіи. Въ сущности, онъ при этомъ мысленно ассимилируетъ кадетовъ съ народными массами. Но въ дѣйствительности эта ассимиляція еще не совершилась и, по мнѣнію Каутскаго, *не совершится* вовсе. Чтобы разрѣшить аграрный вопросъ, нужно отрѣшиться отъ всѣхъ либеральныхъ сомнѣній и предразсудковъ, нужно занять смѣлую революціонную позицію. Но для этого нужно опять-таки найти опору въ городахъ, въ центрахъ политической жизни. Внѣ пролетаріата такой опоры нѣтъ, а

опереться на пролетаріатъ можетъ только соціалистическая партія. Каутскій требуетъ, чтобъ въ центрѣ нашей тактики была поставлена борьба за прямое непосредственное вліяніе на крестьянство. Сможетъ ли либерализмъ конкурировать съ нами въ этой сферѣ? Первое общее политическое выступленіе крестьянства въ лицѣ трудовой группы должно его совершенно обезкуражить. У насъ много писали о расплывчивости, шаткости и нерѣшительности трудовиковъ,—и все это совершенно безспорно. Но развѣ это устраняетъ тотъ колоссальнаго значенія фактъ, что русское крестьянство, едва пробужденное громомъ революціи, впервые призванное формулировать свои требованія, лишенное возможности услышать свободное агитаціонное слово, опутанное сѣтями сложной избирательной системы, отправило въ Думу депутатовъ, которые в большинствѣ своемъ оказались *лѣвѣе* патентованныхъ «демократовъ» отъ земства, отъ университета и отъ журналистики,—и въ какой періодъ? когда такъ называемая конституціонная демократія переживала медовый мѣсяцъ своего общенія съ народомъ. Разумѣется, трудовики—не идеалъ, но вѣдь они и не послѣднее слово въ политической эволюціи крестьянства. Презрительно отмахиваться отъ нихъ или валить ихъ въ одну кучу съ кадетами значитъ совершать серьезную ошибку. Конечно, лѣвое крыло кадетовъ кое-гдѣ связано съ крестьянствомъ, и въ практическомъ опредѣленіи нашей позиціи на мѣстахъ мы должны это учитывать. Но крестьянство въ цѣломъ не связано съ либерализмомъ въ цѣломъ. Въ какой мѣрѣ крестьянскіе депутаты во второй Думѣ будутъ дѣйствительно представителями крестьянства, и каковы они будутъ, это трудно предсказать. Но что крестьянство полѣвѣло, въ то время какъ кадеты поправѣли, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Каутскій говоритъ о соціалдемократіи, какъ о революціонной руководительницѣ крестьянства. Онъ только рисуетъ то, что фактически существуетъ на Кавказѣ. Гурія—вотъ законченный образецъ революціонныхъ отношеній между крестьянствомъ и партіей пролетаріата.

На третій вопросъ—о тактикѣ при выборахъ въ Думу—Каутскій отвѣчаетъ: «Совмѣстная дѣятельность съ либерализмомъ можетъ лишь тамъ и постольку входить въ расчетъ, гдѣ отъ этого не пострадаетъ совмѣстная дѣятельность съ крестьян-

этвомъ». Эта осторожная формула даетъ совершенно правильныя указанія. Она допускаетъ частичныя практическія соглашенія съ кадетами, но она не дѣлаетъ изъ этихъ соглашеній центра избирательной борьбы, а тѣмъ болѣе—отправнаго пункта коалиціонной кампаніи. Политическая мотивировка избирательныхъ сдѣлокъ дана мною въ другой статьѣ этого сборника. Здѣсь скажу только, что эта мотивировка соглашеній съ либералами цѣликомъ укладывается въ рамки нашей непосредственной *борьбы съ либерализмомъ* за вліяніе на народныя массы.

* *
*

Повторяю. Вопросъ сейчасъ не въ томъ, на какомъ этапѣ остановится наша революція, а въ томъ, какимъ путемъ она пойдетъ. И ужъ, конечно, не въ томъ вопросъ, какъ *назвать* нашу революцію: буржуазной или соціалистической, а въ томъ, чтобы установить ея дѣйствительное направленіе путемъ анализа ея силъ. Между тѣмъ матеріалистическій анализъ у насъ слишкомъ часто замѣняли формалистической дедукціей: наша революція есть буржуазная революція; побѣдоносная буржуазная революція передаетъ власть буржуазіи; пролетаріатъ долженъ содѣйствовать побѣдѣ буржуазной революціи; слѣдовательно, онъ долженъ содѣйствовать переходу власти въ руки буржуазіи; идея рабочаго правительства несовмѣстима поэтому съ тактикой пролетаріата въ эпоху буржуазной революціи, и пр. и пр. Такой рядъ силлогизмовъ у схоластиковъ, кажется, назывался соритомъ. Это очень красивая конструкція, но нужно глядѣть въ оба, чтобъ въ одну изъ посылокъ вамъ не подсунули того, «что требуется доказать». Каутскій отказывается назвать нашу революцію буржуазной, ибо буржуазія не является ея движущей силой,—но мы можемъ условно принять это названіе—въ томъ смыслѣ, что наша революція пока еще борется за созданіе «нормальныхъ» условій существованія буржуазнаго общества. Развѣ это, однако, рѣшаетъ вопросъ, *какія* силы и *какъ* именно борются за эти «нормальныя» условія? Мы знаемъ, что однажды условія господства капиталистической бур-

жуазіи были подготовлены «плебейскими» пріемами побѣдоносныхъ санкюлотовъ (Марксъ). Не имѣемъ ли мы основанія думать, что теперь они будутъ подготовлены классовыми пріемами побѣдоноснаго пролетаріата? Но если санкюлоты служили опорой для якобинцевъ, то пролетаріатъ, очевидно, поставитъ у власти соціалдемократію. Общее опредѣленіе или, вѣрнѣе, наименованіе революціи этихъ вопросовъ не ставитъ и не разрушаетъ. Нуженъ анализъ. И этотъ анализъ долженъ отвѣтить: развивается ли наша революція? есть ли у нея шансы на побѣду, т. е. на переходъ власти въ руки оппозиціоннаго класса? какого именно класса? какая партія является или можетъ явиться его политической представительницей? Кто признаетъ за революціей всѣ шансы на рѣшительную побѣду и кто отрицаетъ при этомъ неизбѣжность или вѣроятность господства рабочаго класса, тотъ, очевидно, имѣетъ другого претендента на власть. Гдѣ онъ? кто онъ? Очевидно, буржуазная демократія. На какіе классы она опирается? гдѣ ея боевая армія? Армія, которая дала бы своему представительству совершенно независимое положеніе, ибо пролетаріатъ, до сихъ поръ главная сила революціи, будетъ неизбѣжно занимать оппозиціонное положеніе при буржуазно-демократическомъ правительствѣ. Основной вопросъ не въ томъ, закончила или не закончила у насъ буржуазная демократія свою историческую роль—конечно, не закончила,—а въ томъ, каковы вообще возможные размѣры этой роли. У насъ нѣтъ третьяго сословія, т. е. прежде всего сильнаго, культурнаго, революціоннаго мѣщанства. Это коренной фактъ. Въ составѣ нашего городского населенія промышленный пролетаріатъ занимаетъ мѣсто мелкобуржуазной демократіи. Кто-же замѣнитъ мелкобуржуазную демократію у власти? Я рѣшительно не слышалъ отвѣта на этотъ вопросъ. А между тѣмъ онъ стоитъ въ нашей партійной литературѣ около двухъ лѣтъ—со времени предисловія, написаннаго Парвусомъ къ моей брошюрѣ: «До 9-го января». Мнѣ лично пришлось не разъ возвращаться къ этому вопросу. Если читатель возьметъ на себя трудъ прочитатать мою статью «Итоги и перспективы» («Наша революція», стр. 224—286), то онъ признаетъ, что у меня нѣтъ никакихъ основаній отказываться ни отъ одного изъ положеній, формулированныхъ въ переведенной мною статьѣ Каут-

скаго,—такъ какъ ходъ мыслей въ обѣихъ статьяхъ совершенно одинаковый. Я тѣмъ съ большимъ удовлетвореніемъ устанавливаю это обстоятельство, что только недавно одинъ рецензентъ, почтенный во всѣхъ отношеніяхъ марксистъ, къ сожалѣнію, слишкомъ склонный играть роль выразителя среднихъ предразсудковъ, съ суверееннымъ презрѣніемъ отозвался о моей работѣ, какъ о сплошной фантазіи, которую я создалъ, впрочемъ, изъ благороднѣйшихъ побужденій. Разумѣется, этого было совершенно достаточно, чтобъ почтенный рецензентъ ужъ не утруждалъ себя размышленіемъ надъ моимъ анализомъ. Статья Каутскаго, несмотря на то, что она почти не вноситъ новыхъ аргументовъ, явилась какъ нельзя болѣе кстати. Не потому, конечно, что выразители среднихъ предразсудковъ почувствуютъ себя нѣсколько скандализованными, но потому, что авторитетъ автора статьи побудитъ товарищей, стоящихъ на иной точкѣ зрѣнія, высказаться болѣе опредѣленно и конкретно о соціальныхъ отношеніяхъ революціи. Я съ нетерпѣніемъ жду этого. До сихъ поръ я, несмотря на все свое желаніе, въ этомъ вопросѣ ничему не могъ научиться отъ своихъ критиковъ.

23 декабря 1906 г.